
СОВРЕМЕННЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ СОЦИАЛЬНЫХ ПРОБЛЕМ

Периодическое научное издание

Основано в 2009 г.

Том 10, № 4-3, 2018

Главный редактор – **Т.А. Магсумов**

Зам. главного редактора – **Н.П. Копцева, И.В. Корнилова, Ф.Х. Тарасова**

Шеф-редактор – **Максимов Я.А.**

Выпускающие редакторы – **Доценко Д.В., Максимова Н.А.**

Корректор – **Зливко С.Д.**

Компьютерная верстка, дизайн – **Орлов Р.В.**

Технический редактор, администратор сайта – **Бяков Ю.В.**

RUSSIAN JOURNAL OF HUMANITIES

Printed Scientific Periodical Edition

Founded in 2009

Volume 10, Number 4-3, 2018

Editor-in-Chief – **T.A. Magsumov**

Deputy Editors – **N.P. Koptseva, I.V. Kornilova, F.H. Tarasova**

Chief Editor – **Ya.A. Maksimov**

Managing Editors – **D.V. Dotsenko, N.A. Maksimova**

Language Editor – **S.D. Zlivko**

Design and Layout – **R.V. Orlov**

Support Contact – **Yu.V. Byakov**

Красноярск, 2018

Научно-Инновационный Центр

Красноярск, 2018

Science and Innovation Center Publishing House

12+

Современные исследования социальных проблем, Том 10, № 4-3, 2018, 226 с.

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор) (свидетельство ПИ № ФС 77-39176 от 17.03.2010) и Международным центром ISSN (ISSN 2077-1770).

Журнал выходит четыре раза в год

На основании заключения Президиума Высшей аттестационной комиссии Минобрнауки России журнал включен в Перечень российских рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук.

Статьи, поступающие в редакцию, рецензируются. За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы публикаций. Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов материалов. При перепечатке ссылка на журнал обязательна.

Журнал представлен в полнотекстовом формате в Научной электронной библиотеке в целях создания Российского индекса научного цитирования (РИНЦ). ИФ РИНЦ 2016 = 0,601.

Адрес редакции, издателя и для корреспонденции:

660127, г. Красноярск, ул. 9 Мая, 5 к. 192

E-mail: sisp@nkras.ru

www.soc-journal.ru

Подписной индекс в каталогах «Пресса России» – 94088, «СИБ-Пресса» – 94088

Учредитель и издатель:

Издательство ООО «Научно-инновационный центр»

Science and Innovation Center Publishing House

Russian Journal of Humanities, Volume 10, Number 4-3, 2018, 226 p.

The edition is registered (certificate of registry PE № FS 77-39176) by the Federal Service of Intercommunication and Mass Media Control and by the International center ISSN (ISSN 2077-1770).

The journal is published 4 times per year

All manuscripts submitted are subject to double-blind review.

The journal is included in the Reviewing journal and Data base of the RISATI RAS. Information about the journal issues is presented in the RISATI RAS catalogue and accessible online on the Electronic Scientific Library site in full format, in order to create Russian Science Citation Index (RSCI). The journal has got a RSCI impact-factor (IF RSCI). IF RSCI 2016 = 0,601.

Address for correspondence:

9 Maya St., 5/192, Krasnoyarsk, 660127, Russian Federation

E-mail: sisp@nkras.ru

www.soc-journal.ru

Subscription index in the General catalog «The Russian Press» – 94088,

«SIB-Press» – 94088

Published by Science and Innovation Center Publishing House

Свободная цена

© Научно-инновационный центр, 2018

Члены редакционной коллегии

Gian Luca Bonora – Archaeologist, Director of the Italian Archaeological Expedition in Kazakhstan, Professor of Central and Middle Archaeology, International Association of Mediterranean and Oriental Studies (Rome, Italy); Professor, Professor of Cultural Anthropology, Pontifical University Antonianum (Rome, Italy)

Абрамов Валерий Петрович – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русского языка как иностранного, заслуженный деятель науки РФ, Кубанский государственный университет (Краснодар, Российская Федерация)

Абросимов Виктор Николаевич – кандидат педагогических наук, ректор и профессор ПОО-ЧУ «Высшая школа социальных отношений» (Минусинск, Российская Федерация)

Алефиренко Николай Федорович – доктор филологических наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ, Почетный работник профессионального образования РФ, Белгородский государственный национальный исследовательский университет (Белгород, Российская Федерация)

Алферов Александр Владимирович – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры французской филологии и межкультурной коммуникации, Пятигорский государственный университет (Пятигорск, Российская Федерация)

Балашова Любовь Викторовна – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры теории, истории языка и прикладной лингвистики, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского (Саратов, Российская Федерация)

Беляева Лариса Николаевна – доктор филологических наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ, профессор кафедры образовательных технологий в филологии, Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена (Санкт-Петербург, Российская Федерация)

Богданович Галина Юрьевна – доктор филологических наук, профессор, декан факультета славянской филологии и журналистики, зав. кафедрой межкультурных коммуникаций и журналистики, Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского (Таврическая академия) (Симферополь, Российская Федерация)

Бочкова Ольга Сергеевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры «Иностранные языки и профессиональная коммуникация», ФГБОУ ВО «Саратов-

ский государственный технический университет имени Гагарина Ю.А.» (Саратов, Российская Федерация)

Валеев Наиль Мансурович – доктор филологических наук, профессор, академик Академии наук Республики Татарстан (АН РТ), Академик-секретарь Отделения гуманитарных наук ГНБУ «Академия наук Республики Татарстан» (Казань, Российская Федерация)

Воркачев Сергей Григорьевич – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры иностранных языков, Кубанский государственный технологический университет (Краснодар, Российская Федерация)

Галиева Фарида Габдулхаевна – доктор филологических наук, кандидат исторических наук, заведующий отделом этнографии ФГБУН «Институт этнологических исследований им. Р.Г. Кузеева» Уфимского научного центра РАН, доцент Филиала МГПУ им. М.А. Шолохова в г. Уфе (Уфа, Российская Федерация)

Гапоненков Алексей Алексеевич, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русской и зарубежной литературы, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского (Саратов, Российская Федерация)

Гасанов Магомед Магомедович – доктор исторических наук, профессор, проректор по учебной работе, заведующий кафедрой истории России с древнейших времен до конца XIX в., Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Дагестанский государственный университет» (Махачкала, Российская Федерация)

Готовцева Анастасия Геннадьевна – доктор филологических наук, доцент, доцент кафедры литературной критики факультета журналистики Института масс-медиа, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Российский государственный гуманитарный университет» (Москва, Российская Федерация)

Григорьева Татьяна Михайловна – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русского языка, литературы и речевой коммуникации, Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Сибирский федеральный университет» (Красноярск, Российская Федерация)

Гриценко Галина Дмитриевна – доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник, Федеральное государственное бюджетное учреждение

науки Южный научный центр Российской академии наук (Ростов-на-Дону, Российская Федерация)

Доценко Дмитрий Васильевич – кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных и русского языков, Санкт-Петербургский государственный университет телекоммуникаций им. проф. М.А.Бонч-Бруевича (Санкт-Петербург, Российская Федерация)

Зубова Яна Валерьевна – доктор социологических наук, профессор, заместитель директора по учебной работе, Филиал ФГБОУ ВО «Ухтинский государственный технический университет» в г. Усинске (Усинск, Российская Федерация)

Зуляр Юрий Анатольевич – доктор исторических наук, доцент, декан исторического факультета, заведующий кафедрой политологии, истории и регионоведения ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет» (Иркутск, Российская Федерация)

Иванова Елизавета Васильевна – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры английской филологии и перевода, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Российская Федерация)

Иванюшина Ирина Юрьевна, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русской и зарубежной литературы, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского (Саратов, Российская Федерация)

Катермина Вероника Викторовна – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры английской филологии, ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет» (Краснодар, Российская Федерация)

Колмогорова Анастасия Владимировна – доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой романских языков и прикладной лингвистики, профессор кафедры, Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Сибирский федеральный университет» (Красноярск, Российская Федерация)

Корниенко Алла Алексеевна – доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой французской филологии и межкультурной коммуникации ИРГЯИИГТ Пятигорский государственный университет (Пятигорск, Российская Федерация)

Куприева Ирина Анатольевна – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры английской филологии и межкультурной коммуникации, Белгородский государственный национальный исследовательский университет (Белгород, Российская Федерация)

Литвин Александр Алтерович – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой отечественной истории Высшей школы исторических наук и всемирного культурного наследия Института международных отношений, истории и востоковедения, ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет» (Казань, Российская Федерация)

Марусенко Михаил Александрович – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой романской филологии, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Российская Федерация)

Матвеева Галина Григорьевна – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры «Мировые языки и культуры», Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Донской государственный технический университет» (Ростов-на-Дону, Российская Федерация)

Мацневский Герман Олегович – доктор исторических наук, доцент, ФГБОУ ВО «Краснодарский государственный институт культуры» (Краснодар, Российская Федерация)

Минченко Татьяна Петровна – доктор философских наук, профессор, профессор кафедры философии и социальных наук, Томский государственный педагогический университет (Томск, Российская Федерация)

Мостицкая Наталья Дмитриевна – кандидат культурологии, доцент, заведующая аспирантурой, Государственный институт искусствознания (Москва, Российская Федерация)

Наумов Владимир Викторович – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации, Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого (Санкт-Петербург, Российская Федерация)

Патюкова Регина Валерьевна – доктор филологических наук, профессор, и.о. зав.кафедрой рекламы и связей с общественностью, ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет» (Краснодар, Российская Федерация)

Покришук Дмитрий Владимирович – кандидат политических наук, преподаватель кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Российский государственный гуманитарный университет» (Москва, Российская Федерация)

Поповкин Андрей Владимирович – кандидат философских наук, заведующий кафедрой философии ДВО РАН ФГБУН Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока Дальневосточного отделения Российской академии наук (Владивосток, Российская Федерация)

Поповкина Галина Сергеевна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела этнографии, этнологии и антропологии ДВО РАН ФГБУН Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока Дальневосточного отделения Российской академии наук (Владивосток, Российская Федерация)

Прозоров Валерий Владимирович – доктор филологических наук, профессор, научный руководитель Института филологии и журналистики, заведующий кафедрой общего литературоведения и журналистики, Саратовский национальный исследовательский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского (Саратов, Российская Федерация)

Пулькин Максим Викторович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник сектора истории ФГБУН Институт языка, литературы и истории Карельского научного центра Российской академии наук (Петрозаводск, Российская Федерация)

Рядчикова Елена Николаевна – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры общего и славяно-русского языкознания, ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет» (Краснодар, Российская Федерация)

Саенко Наталья Ряфиковна – доктор философских наук, кандидат филологических наук, профессор, профессор кафедры «Центр гуманитарного образования», федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Московский политехнический университет» (Москва, Российская Федерация)

Серов Николай Викторович – доктор культурологии, профессор, Оптическое общество имени Д.С. Рождественского (Санкт-Петербург, Российская Федерация)

Склярова Наталья Геннадиевна – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры теории и практики английского языка, ФГАОУ ВО «Южный федеральный университет» (Ростов-на Дону, Российская Федерация)

Страусов Виктор Никитович – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры лингвокоммуникативистики и прикладных иностранных языков, Пятигорский государственный университет (Пятигорск, Российская Федерация)

Судовиков Михаил Сергеевич – доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры отечественной истории и этнологии, Федеральное государствен-

ное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Вятский государственный университет», директор Кировского областного государственного бюджетного учреждения культуры «Кировский областной краеведческий музей», руководитель научно-исследовательского Центра регионоведения Кировского областного государственного бюджетного учреждения культуры «Кировская орден Почета государственная универсальная областная научная библиотека имени А.И. Герцена» (Киров, Российская Федерация)

Султангалиева Гульмира Салимжановна – доктор исторических наук, профессор кафедры истории, Казахский национальный университет имени Аль-Фараби (Алматы, Республика Казахстан)

Темирболат Алуа Берикбайкызы – доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой казахской литературы и теории литературы, Казахский национальный университет имени Аль-Фараби (Алматы, Республика Казахстан)

Тетюев Леонид Иванович – доктор философских наук, доцент, профессор кафедры этики и эстетики философского факультета, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского (Саратов, Российская Федерация)

Филимонова Ольга Федоровна – доктор философских наук, доцент, профессор кафедры «Философия», Саратовский государственный технический университет имени Гагарина Ю.А. (Саратов, Российская Федерация)

Фриауф Василий Александрович – доктор философских наук, профессор, профессор кафедры теологии и религиоведения, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского (Саратов, Российская Федерация)

Хошимова Хуршеда Абдумановна – кандидат филологических наук, научный секретарь, Институт языка и литературы им. Рудаки Академии наук Республики Таджикистан (Душанбе, Республика Таджикистан)

Шалекенов Мурат Уахитович – доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры археологии, этнологии и музеелогии, Казахский национальный университет имени Аль-Фараби (Алматы, Республика Казахстан)

Широкалова Галина Сергеевна – доктор социологических наук, кандидат философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии, социологии и политологии ФГБОУ ВО «Нижегородская государственная сельскохозяйственная академия» (Нижний Новгород, Российская Федерация)

Editorial Board Members

Gian Luca Bonora – Archaeologist, Director of the Italian Archaeological Expedition in Kazakhstan, Professor of Central and Middle Archaeology, International Association of Mediterranean and Oriental Studies (Rome, Italy); Professor, Professor of Cultural Anthropology, Pontifical University Antonianum (Rome, Italy)

Valery P. Abramov – Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of Russian as a Foreign Language, Honored Scientist of the Russian Federation, Kuban State University (Krasnodar, Russian Federation)

Viktor N. Abrosimov – Candidate of Pedagogy (Ph.D. in Pedagogy), Rector and Professor of the PEO-PI “Higher school of social relationships” (Minusinsk, Russian Federation)

Nikolay F. Alefirenko – Doctor of Philology, Professor, Honored Worker of Science of the Russian Federation, Honored Worker of Professional Education of the Russian Federation, Belgorod State National Research University (Belgorod, Russian Federation)

Alexander V. Alferov – Doctor of Philology, Professor, Professor of the Department of French Philology and Intercultural Communication, Pyatigorsk State University (Pyatigorsk, Russian Federation)

Lyubov V. Balashova – Doctor of Philology, Professor, Professor of the Department of Theory, History of Language and Applied Linguistics, Saratov National Research University named after N.G. Chernyshevsky (Saratov, Russian Federation)

Larisa N. Belyaeva – Doctor of Philology, Professor, Honored Scientist of Russia, Professor of the Department of Educational Technology in Philology, Russian State Pedagogical University named after A.I. Herzen (St. Petersburg, Russian Federation)

Galina Yu. Bogdanovich – Doctor of Philology, Professor, Dean of the Faculty of Slavic Philology and Journalism, Head of the Inter-Language Communications and Journalism Department, Vernadsky Crimean Federal University (Tavrisheskaya Academy) (Simferopol, Russian Federation)

Olga S. Bochkova – Candidate of Philology, Associate Professor of the Department “Foreign Languages and Professional Communication”, Saratov State Technical University named after Gagarin Y.A. (Saratov, Russian Federation)

Nail M. Valeev – Doctor of Philology, Professor, Academician of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, Academician-Secretary of the Department

of Humanitarian Sciences, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan (Kazan, Russian Federation)

Sergey G. Vorkachev – Doctor of Philology, Professor, Professor of the Department of Foreign Languages, Kuban State Technological University (Krasnodar, Russian Federation)

Farida G. Galiyeva – Doctor of Philology, Candidate of Historical Sciences, Head of the Department of Ethnography, Institute of Ethnological Research named after R.G. Kuzeev, Ufa Science Center, RAS (Ufa, Russian Federation)

Aleksey A. Gaponenkov, Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of the Department of Russian and Foreign Literature, Saratov National Research University named after N.G. Chernyshevsky (Saratov, Russian Federation)

Magomed M. Gasanov – Doctor of History, Professor, Pro-Rector for Academic Affairs, Head of the Department of Russian History from ancient times until the end of the 19th century, Dagestan State University (Makhachkala, Russian Federation)

Anastasia G. Gotovtseva – Doctor of Philology, Associate Professor, Department of Literary Criticism, Journalism Faculty, Institute of Mass Media, Russian State Humanitarian University (Moscow, Russian Federation)

Tatyana M. Grigorieva – Doctor of Philology, Professor, Professor of the Department of Russian Language, Literature and Speech Communication, Siberian Federal University (Krasnoyarsk, Russian Federation)

Galina D. Gritsenko – Doctor of Philosophy, Professor, Chief Researcher, Southern Scientific Center of Russian Academy of Sciences (Rostov-on-Don, Russian Federation)

Dmitry V. Dotsenko – Candidate of Philology (Ph.D. in Philology), Assistant Professor of the Department of Foreign and Russian Languages, The Bonch-Bruевич Saint-Petersburg state university of communication (St. Petersburg, Russian Federation)

Yana V. Zubova – Doctor of Sociology, Professor, Deputy Director for Academic Affairs, Branch of the State Educational Establishment of the Ukhta State Technical University in Usinsk (Usinsk, Russian Federation)

Yury A. Zulyar – Doctor of History, Associate Professor, Dean of the Faculty of History, Head of the Department of Political Science, History and Regional Studies, Irkutsk State University (Irkutsk, Russian Federation)

Elizaveta V. Ivanova – Doctor of Philology, Professor, Professor of the Department of English Philology and Translation, St. Petersburg State University (St. Petersburg, Russian Federation)

Irina Yu. Ivanyushina, Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of the Department of Russian and Foreign Literature, Saratov National Research University named after N.G. Chernyshevsky (Saratov, Russian Federation)

Veronika V. Katermina – Doctor of Philology, Professor, Professor of the Department of English Philology, Kuban State University (Krasnodar, Russian Federation)

Anastasia V. Kolmogorova – Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of Romance Languages and Applied Linguistics, Professor of the Department, Siberian Federal University (Krasnoyarsk, Russian Federation)

Alla A. Kornienko – Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of French Philology and Intercultural Communication, Pyatigorsk State University (Pyatigorsk, Russian Federation)

Alexander A. Litvin – Doctor of History, Professor, Head of the Department of National History of the Higher School of Historical Sciences and World Cultural Heritage of the Institute of International Relations, History and Oriental Studies, Kazan Federal University (Kazan, Russian Federation)

Irina A. Kupriyeva – Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of the Department of English Philology and Intercultural Communication, Belgorod State National Research University (Belgorod, Russian Federation)

Mikhail A. Marusenko – Doctor of Philology, Professor, Head of the Chair of Romance Philology, St. Petersburg State University (St. Petersburg, Russian Federation)

Galina G. Matveeva – Doctor of Philology, Professor, Professor of the Chair “World Languages and Cultures”, Don State Technical University (Rostov-on-Don, Russian Federation)

German O. Matsievsky – Doctor of History, Associate Professor, Krasnodar State Institute of Culture (Krasnodar, Russian Federation)

Tatyana P. Minchenko – Doctor of Philosophy, Professor, Professor of the Department of Philosophy and Social Sciences, Tomsk State Pedagogical University (Tomsk, Russian Federation)

Natalia D. Mostitskaya – Candidate of Culturology (Ph.D. in Culturology), Associate Professor, Head of the graduate school, State Institute for Art Studies (Moscow, Russian Federation)

Vladimir V. Naumov – Doctor of Philology, Professor, Professor of the Chair of Linguistics and Intercultural Communication, St. Petersburg Polytechnic University (St. Petersburg, Russian Federation)

Regina V. Patyukova – Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of Advertising and Public Relations, Kuban State University (Krasnodar, Russian Federation)

Dmitry V. Pokrishchuk – Candidate of Political Sciences (Ph.D. in Political Sciences), Lecturer of the Department of Humanitarian and Social and Economic Disciplines, Russian State Humanitarian University (Moscow, Russian Federation)

Andrey V. Popovkin – Candidate of Philosophy (Ph.D. in Philosophy), Head of the Department of Philosophy, Institute of History, Archeology and Ethnography of Peoples of the Far East of the Far-Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences (Vladivostok, Russian Federation)

Galina S. Popovkina – Candidate of History (Ph.D. in History), Senior Researcher, Department of Ethnography, Ethnology and Anthropology Institute of History, Archeology and Ethnography of Peoples of the Far East of the Far-Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences (Vladivostok, Russian Federation)

Valery V. Prozorov – Doctor of Philology, Professor, Scientific Director of the Institute of Philology and Journalism, Head of the Department of General Literature and Journalism, Saratov State University (Saratov, Russian Federation)

Maksim V. Pulkin – Candidate of History (Ph.D. in History), Senior Fellow of the History Sector, Institute of Language, Literature and History of the Karelian Research Center of the Russian Academy of Sciences (Petrozavodsk, Russian Federation)

Natalia R. Sayenko – Doctor of Philosophy, Candidate of Philology, Professor, Professor of the Center for Humanitarian Education, Moscow Polytechnic University (Moscow, Russian Federation)

Elena N. Ryadchikova – Doctor of Philology, Professor, Professor of the Department of General and Slavic-Russian Linguistics, Kuban State University (Krasnodar, Russian Federation)

Nikolay V. Serov – Doctor of Culturology, Professor, D. Rozhdestvensky Optical Society (St. Petersburg, Russian Federation)

Natalia G. Sklyarova – Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of the Department of Theory and Practice of English, Southern Federal University (Rostov-on-Don, Russian Federation)

Victor N. Strausov – Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of the Chair of Linguistic Communication and Applied Foreign Languages, Pyatigorsk State University (Pyatigorsk, Russian Federation)

Mikhail S. Sudovikov – Doctor of History, Professor, Professor of the Department of National History and Ethnology, Vyatka State University, Director of the Kirov Regional State Budgetary Cultural Institution “Kirov Regional Museum of Local Lore”, Head of the Research Center for Regional Studies of the Kirov Regional State Budget cultural institutions “Kirov Order of Honor State Universal Scientific Library named after A.I. Herzen” (Kirov, Russian Federation)

Gulmira S. Sultangalieva – Doctor of History, Professor of the Department of History, Al-Farabi Kazakh National University (Almaty, Republic of Kazakhstan)

Alua B. Temirbolat – Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of Kazakh Literature and Theory of Literature, Al-Farabi Kazakh National University (Almaty, Republic of Kazakhstan)

Leonid I. Tetyuyev – Doctor of Philosophy, Associate Professor, Professor of the Department of Ethics and Aesthetics of the Faculty of Philosophy, Saratov National Research University named after N.G. Chernyshevsky (Saratov, Russian Federation)

Olga F. Filimonova – Doctor of Philosophy, Associate Professor, Professor of the Philosophy Department, Saratov State Technical University named after Gagarin Yu.A. (Saratov, Russian Federation)

Vasily A. Friauf – Doctor of Philosophy, Professor, Professor of the Department of Theology and Religious Studies, Saratov National Research University named after N.G. Chernyshevsky (Saratov, Russian Federation)

Khurshida A. Khoshimova – Candidate of Philology (Ph.D. in Philology), Scientific Secretary, Institute of Language and Literature named after Rudaki of the Academy of Sciences of the Republic of Tajikistan (Dushanbe, Republic of Tajikistan)

Murat U. Shalekenov – Doctor of History, Professor, Professor of the Department of Archeology, Ethnology and Museology, Al-Farabi Kazakh National University (Almaty, Republic of Kazakhstan)

Galina S. Shirokalova – Doctor of Sociology, Candidate of Philosophy (Ph.D. in Philosophy), Professor, Head of the Department of Philosophy, Sociology and Political Science, Nizhny Novgorod State Agricultural Academy (Nizhny Novgorod, Russian Federation)

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

LANGUAGE STUDIES

DOI: 10.12731/2077-1770-2018-4-3-14-40

УДК 81.432.1-006.

ГЕНДЕРНАЯ МАСКА АВТОРА В ЯЗЫКЕ: ГЛАГОЛЬНОЕ ВОПЛОЩЕНИЕ (НА МАТЕРИАЛЕ ЛЮБОВНЫХ РОМАНОВ Э.Л. ДЖЕЙМС)

Винник Е.И.

Цель. Статья посвящена актуальной в условиях современного общества проблеме субъективного самовосприятия и самоосознания личности в рамках гендерной идентификации. Автор ставит целью выяснить путь трансляции в письменную форму женской идентичности как гендерную «примерку».

Метод или методология проведения работы. Основу исследования образуют дефиниционный анализ современных гендерных концепций, контекстологический анализ речевой ткани художественных произведений, интерпретация и систематика языковых фактов, количественная и качественная обработка данных.

Результаты. Результаты работы заключаются в том, что автор инициировал попытку осмысления письменного художественного текста с учетом новейших достижений в области гендерной лингвистики. Анализ глагольного семантического пространства, репрезентированного в романах Э.Л. Джеймс «Пятьдесят оттенков серого» и «Грей. Кристиан Грей о пятидесяти оттенках» (около 9 000 манифестаций) подтверждает гипотезу о возможности трансформации авторской идентичности в текстуальную посредством гендерной маски.

Область применения результатов. Результаты исследования могут быть применены в процессе практического системного из-

учения употребления глагола (и глагольных форм) в реализации гендерного аспекта в художественном тексте.

Ключевые слова: женская субъективность; идентичность; любовный роман; глагол; авторская маска; гендерная «примерка».

**AUTHOR'S GENDER MASK
IN SPEECH: VERBAL MANIFESTATION
(ON THE BASIS OF ROMANCE NOVELS
BY E.L. JAMES)**

Vinnik E.I.

Purpose. *The article is devoted to the topical in modern society problem of the subjective self-perception and self-consciousness of the personality in the context of the gender identity. The author aims to figure out the way of translation in written form of female identity as gender “fitting”.*

Methodology. *The basis of the research is the definitional analysis of modern gender concepts, contextual analysis of speech material of the literary texts, interpretation and systematization of linguistic facts, quantitative and qualitative data treatment.*

Results. *The results of the study are that the author made the attempt to comprehend a written literary text taking into account the latest achievements in the field of language and gender. The analysis of the verbal semantic space, represented in the novels *Fifty Shades of Grey* and *Grey. Fifty Shades of Grey as told by Christian* by E.L. James (about 9 000 manifestations), justifies the hypothesis of the opportunity to transform the author's identity in textual by means of gender mask.*

Practical implications. *The results of the study can be applied in the process of practical systematic study of usage of the verb (and the verbal forms) in the realization of gender aspect in literary text.*

Keywords: *female subjectivity; identity; romance novel; verb; author's mask; gender “fitting”.*

Введение

Глубокому проникновению в суть происходящих процессов человеческого общества способствует изучение роли полов в развитии культуры, семиотического и символического их отражения в философии, психологии, социологии, истории, искусстве, литературе, проявлении в языке. Такая трансгрессия проблематизирует дисциплинарные границы, насыщает их аргументативными и концептуальными переходами и развивает методологию исследования гендерных различий. В рамках гендерной лингвистики определено направление по изучению гендерно обусловленной информации, зафиксированной в художественной литературе. Современная тенденция лингвистического изучения гендера опирается на аналитическое осмысление существующих подходов и исследовательских процедур, в основе которых две парадигмы – когнитивно-прагматическая, объясняющая механизм конструирования гендерных смыслов в аспекте их порождения и интерпретации; стилистическая, направленная на выявление и описание языковых составляющих «гендерного дисплея» [7, с. 309]. Данные парадигмы динамично коррелируют друг с другом и неразрывно связаны с культурно-исторической ситуацией, в которой производится смысл контекстуализации информационного сигнала. В основании его адекватной интерпретации лежат гендерные нормы, функционирующие как прагматические пресуппозиции. По мнению Н.Ф. Алефиренко «лингвистика начала XXI века в целом <...> впечатляет множеством идей, новых задач и их оригинальных решений» [1, с. 7]. Наиболее релевантной представляется идея Е.С. Гриценко о том, что язык играет двоякую роль – неосознаваемого фона, фиксирующего гендерные стереотипы, идеалы и ценности посредством аксиологически не нейтральных структур языка, и инструмента, дающего возможность (вос)производства гендерных смыслов в социальной практике [8, с. 53]. Данная статья посвящена проблеме изучения женских текстуальных практик и способов самовыражения женского субъекта посредством грамматических форм, в частности глагольных в англоязычной художественной прозе. Цель

данной работы выяснить путь трансляции в письменную форму самоосознания женщины (т.е. женской идентичности) как гендерную «примерку».

Логическое обоснование феномена женской субъективности стало возможным в условиях выделения в рамках философской антропологии и общепсихологической стратегии конструкции гендерной субъективности – в конце 80-х – начале 90-х годов прошлого века. Методологическое значение для возникновения гендерной теории субъекта имели постмодернизм/ постструктурализм, психоанализ и феминизм. Публикация книги Симоны де Бовуар «Второй пол» в 1949 г. стала рождением философии феминизма. Женская субъективность по С. де Бовуар мыслится как другое (Другой) по отношению к мужскому типу субъективации, как специфический «женский опыт» и соответствующие ему «женские» способы бытия. Структура женской субъективности в ее трактовке является социально сконструированной. Мы не те и не то, чем мы являемся как частные проявления некоей трансцендентальной сущности – «женщиной не рождаются, ею становятся <...> человек есть только то, что он делает <...> Его меряют по его поступкам» [4, с. 237, 241].

Философская концепция Симоны де Бовуар положила начало двум теоретическим тенденциям, базирующимся на теориях Жак-Лакана и Жюльена Делеза, Феликса Гваттари (Люс Иригарэ, Элен Сиксу и др.) и на теории власти Мишеля Фуко (Джудит Батлер, Тереза де Лауретис и др.).

Жак Лакан, французский психоаналитик поместил идеи З. Фрейда в новую концептуальную оболочку, обратив внимание на лингвистические аспекты структуры бессознательного и показатели вообразимого в структуре человеческой субъективности. Структура субъективности по Ж. Лакану не может быть сведена к единому «я», поскольку в основе человеческой психики лежит бессознательное, препятствующее обретению идентичности. Лакановская концепция децентрированного субъекта превратилась в модель представления о человеке как о «дивиде» – фрагментаризованном, разорванном, лишенном целостности субъекта. Обнаружение Лаканом «стадии

зеркала» в развитии ребенка, которую он обозначает как стадию «символического» позволяет ему сделать вывод о двойственной структуре субъекта, в которой параметры феминного и маскулинного могут изменяться, меняться местами или варьироваться независимо от анатомических характеристик. Другими словами, идентичность и целостность субъекта имеют место только на уровне фантазии. Основным механизмом, который не позволяет провести дихотомию в структуре идентичности является механизм желания как основной принцип мотивации человеческой жизни. Именно ему принадлежит решающая роль в гендерных отношениях мужчины и женщины, к нему направлен язык субъекта и его сексуальность, которая также рассматривается как символический феномен, как трансцендентальное означаемое. Язык субъекта может ориентироваться либо в сторону фиксированного значения (сознания), либо в сторону нефиксированной структуры (бессознательного). Женскую сексуальность Лакан определяет через понятие «маскарад». Маскарадное тело женщины по отношению к мужскому знаку – это тело желания. Поэтому поводу Лакан перефразирует знаменитое выражение Фрейда ««анатомия – это судьба»: анатомия – это не судьба, а только различие фигуры символического маскарада идентификаций» [11, с. 91].

Феномен желания и его влияние на структуру субъективности становится основным предметом исследования философии Жюль Делеза и Феликса Гваттари. Понятие желания Ж. Делез рассматривает как функцию трансгрессивного в субъективном опыте и состоящую в том, чтобы «преступать любые наличные границы» [20, с. 18]. Аффект желания меняет структуры языка. «Нагруженность» языка желанием формирует ситуацию языковой пролиферации между актом говорения (планом выражения) и смыслом говоримого (планом содержания). Феминистские авторы широко используют методологию Делеза для характеристики «женского языка» (Тереза де Лауретис, Алисия Острайкер и др.). Элен Сиксу – французская писательница, теоретик феминистского литературоведения, автор концепции «женского письма» в своем эссе «Хохот Медузы» (1975 г.) призывала женщин «писать самое себя <...>

женщина должна вложить себя в текст <...> Ваше тело должно быть услышано. Только тогда неистощимые запасы бессознательного выплеснутся наружу» [16, с. 804].

Работы французского философа Мишеля Фуко оказали влияние на философскую теорию феминизма, исследующую феномен женского тела и сексуальности, желания, маргинальных практик, особенностей женской субъективации в культуре. Одним из основных понятий философии Фуко является понятие дискурса, как практики языкового употребления, в котором любая речевая практика определяется как сочетание факта и фантазма. Механизм дискурсивного действия, вызывающего у читателя эффект чувственного восприятия текста, философ анализирует на примере структуры и роли феномена видения в тексте. Собственно феномен видения Фуко определяет как телесный феномен, т.е. видимое – это то, что воспринимается в тексте, но не поддается концептуальному осмыслению. Дискурсивный анализ текста, являясь исследовательским инструментарием М. Фуко позволил обнаружить, что речевые практики сами конструируют объекты речи, что означаемое и означающее меняются своими функциями: «письмо есть игра знаков, упорядоченная не только своим означаемым содержанием, сколько самой природой означающего» [17, с. 13].

Соотечественники М. Фуко Жак Деррида и Ролан Барт продолжили исследования в русле лингвистического поворота в общественных науках. Ж. Деррида рассматривал анализ текста как способ обнаружения единого имманентного смысла, упорядоченного определенной логической структурой. Центром текста оказывался голос автора как единственный источник смысла. Наряду с голосом Ж. Деррида фиксировал в тексте такой элемент как *письмо*, обозначая этим термином наличие метафор и сравнений, имитирующих устную речь, нагромождения ассоциативных лабиринтов. В «сценах письма» имеют место проявления искусственности текста, допускается момент саморефлексии и разоблачения и смена повествовательных масок. Таким образом, автор сам пишется текстом, который способен породить новые смыслы для автора, обнажая

бессознательное и ментальное в системе его базовых посылок. Знаменитое утверждение Ж. Деррида о «смерти Автора» закономерно вытекает из деконструктивного видения текста [10, с. 231].

В формировании гендерной теории субъекта как телесного, чувственного, осуществляющего стратегии гендерной репрезентации вне бинарных текстовых оппозиций большую роль имеет концепция текста Ролана Барта. В частности, интерпретация текстовой структуры как эротической, т.е. такой, в которой превалируют текстовые характеристики, традиционно приписываемые культурой феномену «женского». В статье «Удовольствие от текста» (1973 г.) ученый вводит понятия *текст-удовольствие* и *текст-наслаждение* [2, с. 475]. Структура письма-удовольствия определяется технологией фрагментаризации, в которой каждая часть текста содержит в себе собственный смысл, способный вызвать восхищение, а текст как целое состоит из множества равноценных смысловых образований. Погружение в них читателя обеспечивает эротическую структуру текста как текста-удовольствия и ассоциируется с женским миром. Тем не менее, пол автора и его гендерная идентификация не имеют у Барта прямой связи со спецификой текстового производства, поэтому в концепции удовольствия Р. Барта не представляется возможным установить кодировку авторства как гендерно-маркированного (женского/ мужского).

Интерес к своеобразию женской природы собственно в особенностях ее телесного переживания в жизни представлен в работах американских феминисток Адриенны Рич “Of Woman Born” (1976 г.) и Сьюзен Гриффин “Made from this Earth” (1983 г.). Наиболее характерной особенностью женского восприятия авторы, работающие в русле названной тенденции, считают способность женщины «мыслить через тело». Эта способность многомерного вживания в телесность вырастает из своеобразия психобиологической структуры женщины. Тело женщины становится «комнатой резонансов, чьи звуки я записываю» [22, с. 224].

В фокусе процессов производства гендерных практик обратимся к концепции гендерной идентичности американского философа

Джудит Батлер, которая утверждает, что речевые действия создают то, что описывают. Ее моделью процесса создания гендерных дифференциаций является артикуляция повторяемых перформансов культурно санкционированных актов гендера. Отсюда возникает принцип, используемый Дж. Батлер в философском анализе проблемы субъективности: язык формирует субъективность, а не наоборот. На этой основе формируется теоретический аппарат и язык описания Дж. Батлер – «перформативная субъективность», «цитатная субъективность», «маскарад» [18, с. 176].

Итак, благодаря идеологии постмодернизма произошло бурное развитие гендерных исследований в западной философской науке. Все направления постмодернистской мысли признают языковую концепцию реальности, утверждая – восприятие реальности социально и лингвистически сконструированный феномен, результат наследуемой индивидуумом лингвистической системы.

Материалы и методы исследования

Обращение к современному любовному роману вызвано его огромной популярностью в массовой культуре конца XX – начала XXI вв. и космополитичностью – книги известных авторов, работающих в этом жанре, нередко появляются одновременно на родном языке и в переводах, издаваемых по всему миру. За полтора столетия своего существования любовный роман стал синонимом женского романа по причине того, что его читательскую аудиторию составляют женщины, как статистически преобладающая читательская публика. Несколько лет назад организация «Американские авторы любовных романов» (Romance Writers of America) провела исследование, в ходе которого оказалось – романы про любовь составляют около трети всех художественных книг; 64,6 миллиона американцев прочитали хотя бы один дамский роман. Поклонниками этого жанра являются люди от 15 до 75 лет, причем половина из них входит в возрастную группу от 25 до 54 лет, а 22% составляют читатели-мужчины дамских романов, хотя традиционно считалось, что «розовая» беллетристика – это «романы для горничных», деву-

шек из рабочих семей и пожилых чувствительных дам. Благодаря культурантропологическим исследованиям американского историка Джона Кавелти в работе «Приключение, тайна и любовная история: формульные повествования как искусство и популярная культура» (1976 г.) был выявлен механизм, связывающий любовный роман и его поклонников, за которым закрепился термин «формульное повествование» и особый вид идентификации читателя с героями как «идеализированный образ себя» [19, с. 18]. Женский любовный роман отличается удивительной жанровой стабильностью: высокой степенью стандартизации – конкретностью и узнаваемостью описываемого мира, прагматизмом в поведении героев, характерностью их языка и др., развлекательностью и эскапизмом (escapism), то есть дистанцированностью от действительности. Фиксация актуальных социокультурных напряжений и их гармонизация, эффективное психотерапевтическое воздействие посредством эскапистских конструкций превращают женский любовный роман в знак времени, индикатор ведущих тенденций в массовой культуре и общественных настроениях/ ожиданиях.

Своеобразна поэтика любовного романа – фактически литературным методом создается виртуальная реальность. Дженис Рэдуэй, американская исследовательница литературы, выделяет ряд характерных черт, присущих «формульным» историям в своей работе «Читая любовные романы: женщины, патриархат и популярное чтение» (1984 г.). Одна из них – в начале произведения появляется какая-то загадка, которая постепенно «раскручивается», решение собирается по кусочкам, как мозаика. Нахождение ответа (например, разгадывание какой-то семейной тайны) приближает счастливый финал повествования. Другая – наличие взаимодействия бинарных оппозиций: «домашний/ дикий», «слабый/ сильный», «в обществе/ вне общества». Третья – калькирование сказки о Золушке со всеми ее перипетиями. А далее – главная героиня в наибольшей степени сказочный персонаж, обладающий необычайной красотой. Обязательным элементом эротической и магической силы героини являются роскошные волосы. Поэтому стандартная завязка «ро-

зового» романа – спонтанная и бессознательная реакция героя на волосы, невозможность противостоять их чарующей силе. Герой же – высокомерен, хладнокровен, порой жесток и резок, но оканчивается нежным и ласковым по отношению к героине. Он – трудолюбив, помешанный на работе, крупный землевладелец, банкир, преуспевающий бизнесмен и др. Профессиональный статус героини очерчен менее определенно, она чаще всего занята «женским бизнесом» обычно в творческих профессиях, тоже делает удачную карьеру. Имеет место доминирующее положение мужчины по отношению к женщине.

Они находятся примерно на одной и, как правило, достаточно высокой ступени социальной лестницы. В подавляющем большинстве романов между героем и героиней есть разница в возрасте. Герой старше, жизненно и сексуально опытнее. Стереотип мужской привлекательности в любовном романе включает в себя момент необузданности, непредсказуемости, чувственности. Это так называемый «мачо» – извечная мечта прекрасного пола. Героиня, напротив, неискушенная девственница, которую только он может научить искусству любви. Любовный роман создает формулу женского счастья – любовь вырастает из сексуального влечения и идеальных сексуальных отношений и непременно переходит в брак [15, с. 10]. Таким образом, жанр женского романа как любовная беллетристика тиражирует стереотипные гендерные ценности, позволяет проследить механизм передачи гендерных норм и производство гендерных представлений согласно существующим гендерным идеологиям. В центре него единственно одобряемая конструкция «одна женщина плюс один мужчина» [5, с. 293], связываемые постепенным нарастанием их взаимного чувства. Герой/ героиня воплощают идеальную пару и являются самыми универсальными стереотипами мужского/ женского.

Материалом для исследования стали романы английской писательницы Эрики Леонард, более известной по псевдониму Э.Л. Джеймс «Пятьдесят оттенков серого» и «Грей. Кристиан Грей о пятидесяти оттенках» из цикла эротических романов «Пятьдесят оттенков». Мотивом к выбору послужил:

- во-первых, коммерческий успех издания, свидетельствующий о соответствии транслируемых гендерных смыслов представлениям о мужественности и женственности, разделяемых читательской аудиторией и транскрибировании ритуала символического признания гендерных норм;
- во-вторых, воображаемая автором-женщиной смена своих ролевых определений в ракурсах автор/ героиня и автор/ герой, прячущийся за женской/мужской масками и мужским псевдонимом (т.к. читатели ставят в приоритет мужчин-писателей), позволяют рассмотреть специфику языкового употребления, а именно семантику глагольных манифестаций в речи автора через маскарад идентичностей.

Эрика Леонард родилась в 1963 г. в Англии, в графстве Бэкин-гемшир. Получила образование в Кентском университете как историк, рано начала писать рассказы, мечтала о написании книг. Импульсом к литературной деятельности послужило чтение известной вампирской саги «Сумерки» Стефани Майер, которая вдохновила ее на создание фанфика собственного сочинения под названием «Хозяин мира». Он был выложен в сеть на сайте, посвященном фанфикам, подписанный ником «Snowqueen's Icedragon». Фанфик завоевал восторженные отзывы читателей, поэтому автор решила расширить фанфик до самостоятельного, полноценного произведения, не имеющего ничего общего с «Сумерками». В результате в 2011 г. появилась трилогия «Пятьдесят оттенков», которая позже расширилась до цикла из шести книг. Вся литературная серия отличается необыкновенной популярностью во всем мире, переведена на 52 языка.

Главные герои романа Кристиан Грей и Анастейша Стил. Кристиан к 27 годам успел заработать миллиарды и стать уважаемым членом общества. Однако за его шикарной оболочкой и властным поведением скрывается израненная душа с тяжелым детством и необычные сексуальные предпочтения. Главной героине Анастейше 21 год, она – студентка-филолог, подрабатывает в магазине, мечтает о карьере в издательском деле. Первая встреча героев происходит

во время интервью, которое Анастейша берет у Кристиана для студенческой газеты. Так начинается их роман.

Цикл романов «Пятьдесят оттенков» богат пикантными, будоражащими желания эротическими подробностями. Автор откровенно признает, что продемонстрировала на страницах своего произведения собственные фантазии за масками своих героев.

Границы применимости категории *маска* на современном этапе значительно расширились. Первоначально маска связывалась с театром и культовыми/ ритуальными действиями, в настоящем эта категория активно используется на общенаучном уровне, в качестве методологического средства междисциплинарных разработок и объяснительного принципа в гуманитаристике. Повышенный интерес к феномену маски объясняется рядом тенденций современной культуры, в частности, углублением самосознания личности, особенно творческой, посредством маски репрезентирующей себя в пределах созданного ею художественного текста. Ученые выделяют несколько подходов к осмыслению феномена маски:

- *психологический подход* позволяет рассматривать маску одним из способов самосознания личности, осмысливающей собственное «я» и пытающейся обрести при помощи маски цельность, преодолеть дуальность. Трактовка маски И.С. Кона – российского психолога и философа рассматривает ее как один из аспектов «множественности» человеческого «я», считая маску моделью поведения, компенсацией того, чего не хватает личности [12, с. 138].
- *социологический подход* рассматривает социальное измерение маски как совокупность мировоззренческих, культурных, идеологических установок, отношение к вопросу социальной стратификации и иерархической лестницы, например, мужчины – женщины; его воздействие на выбор автора, раздвигающего границы самовыражения, саморепрезентации, той или иной маски. Здесь отметим обнаруженное явление гендерного дисплея как формы самопредъявления гендерных характеристик личности в рамках драматургического интеракционизма американского социолога Ирвинга Гофмана [21, с. 202].

- *лингвистический подход* трактует маску как феномен речевого общения, средства стилизации, метод языковой характеристики, с помощью которого персонажу придаются речевые особенности. Г.О. Винокур ввел понятие *языковой маски* [6, с. 297]. По мысли Ю.М. Лотмана маска как одна из функций художественного текста позволяет автору определенным образом воздействовать на читательское восприятие в качестве культурного кода [13, с. 29].
- *литературоведческий подход* к феномену маски предполагает ее рассмотрение в различных значениях, например, в значении авторская маска. М.М. Бахтин считает, что автор романа нуждается в существенной формально-жанровой маске, которая «определила бы как его позицию для видения жизни, так и позицию для опубликования этой жизни» [3, с. 311]. Другими словами, образ автора – это авторская маска, при помощи которой он одновременно вскрывает и являет себя.

Термин *авторская маска* был введен в 1985 г. американским критиком К. Малмгреном. В последние десятилетия он используется и для обозначения интенционального стилистического приема/установки отдельного автора произведения, при этом авторская маска номинируется как *маска персонажная*, смешиваясь и отождествляясь с образом автора. Здесь необходимо отметить, что проблема соотношения маски автора и образа автора отличается дискуссионностью и многоаспектностью. Например, М.М. Бахтин различает «автора первичного» как создателя художественного произведения и «автора вторичного» как образ, реконструируемый на основе текста. Придерживаясь этой точки зрения, О.Ю. Осьмухина в своей работе «Авторская маска в русской прозе XIII – первой трети XIX в.» (2008 г.) разделяет понятия *автор* и *образ автора*, полагая, что автор в рамках художественного текста «овнешняет» себя в попытке обнаружения иной идентичности, таким образом объективируется в образе героя-повествователя, не тождественного ему, т.е. собственной маске. Для этого О.Ю. Осьмухина вводит обозначения «автор реальный» для автора первичного и «автор фиктивный» для повествова-

теля и констатирует новую повествовательную инверсию в системе взаимоотношений внутритекстового пространства: автор-повествователь-герой, в которой эксплицитный автор (повествователь/ нарратор) ведет повествование от собственного «голоса» и имени [14, с. 8]. Другими словами, нарратор – это сознательно избранная маска авторского образа. Авторскую маску можно рассматривать в различных формах функционирования, в частности, как художественный образ *фиктивного автора* – нарратора, который чаще проявляется в повествованиях, стилизованных под исповедь, дневник, мемуары и т.д., где рефлексивно-игровая проекция личности автора предполагает использование маски. Как стилистический прием, авторская маска, подразумевающая слияние изображающей авторской речи с изображаемой речью персонажа, превращается в *маску речевую*. Одним из маркеров художественного текста, призванного создавать иллюзию аутентичности автора в читательском сознании, можно назвать игровые контаминации с «чужим словом», включенным в рамки собственно-авторского повествования, приводящие к сосуществованию нескольких точек зрения на события/ героя и порождающие игровую двусмысленность авторской позиции. Исходя из вышесказанного, авторскую маску можно характеризовать как синтез самовыражения автора и его перевоплощения в художественный образ, как феномен идентификаций автора.

В данной работе исследовательский интерес направлен на изучение семантики глагола в качестве инструмента для выражения самоидентификации гендера автора. Все поколения лингвистов признают глагол вербальным узлом, держащим всю структуру высказывания. Динамическая сущность природы глагола позволяет ему, как единице языкового строя, не только именовать процесс/ процессуальное состояние, но и участвовать в названии предметно представленных абстрактных категорий действительности, связей и отношений. На номинативно-синтагматическую ценность глагола указывал В. фон Гумбольдт – «это нерв самого языка... Глагол как моментально протекающее действие есть не что иное, как сама сущность связей» [9, с. 199].

В ходе сплошной выборки манифестаций глагола и неличных форм глагола в текстах романов Э.Л. Джеймс «Пятьдесят оттенков серого» и «Грей. Кристиан Грей о пятидесяти оттенках» было обнаружено 8955 прецедентов, принадлежащих к различным семантическим классам и подклассам глагола. Классификация парадигматико-семантических признаков глагола в романах учитывает маскарад идентичностей в ракурсе дуального воплощения – автор/ героиня и автор/ герой. Полученные данные представлены в таблице 1.

Таблица 1.

Классификация парадигматико-семантических признаков глагола в романах Э.Л. Джеймс «Пятьдесят оттенков серого» и «Грей. Кристиан Грей о пятидесяти оттенках»

Класс	Подкласс	Автор/ Ана- стейша Стил	Автор/ Кри- стиан Грей
Динамические глаголы (dynamic verbs)	Глаголы движения	296	343
	Глаголы совершения действия, поступка или воздействия (performance verbs)	407	415
	Глаголы созидания или придания нового качества	164	171
	Глаголы приобретения	116	121
	Глаголы мгновенного действия (momentary verbs)	269	288
	Глаголы речи	156	178
	Глаголы звучания	106	113
	Глаголы эмоциональной реакции	267	286
	Глаголы «самостийные», обозначающие произвольные процессы, исключаящие волю или усилие субъекта	78	85
	Безличные глаголы	31	42
Стагальные глаголы (stative verbs)	Глаголы восприятия и осмысления (recipient verbs)	523	546
	Концептуально-дивергентные глаголы	89	77
	Глаголы ощущения и восприятия телом (verbs of bodily sensation)	389	397

Продолжение табл. 1.

Релятивные глаголы (relative verbs)	Глаголы, передающие компаративные двусторонние отношения равенства/неравенства и т.д.	58	65
	Глаголы, выражающие отношение, включение	44	51
	Глаголы, передающие оценочные, эмоциональные отношения (attitudinal verbs)	457	470
Модальные, модусные, функторные глаголы	Модальные глаголы, выражающие долженствование, возможности, сомнения	255	273
	Модусные глаголы запрещения, препятствия	46	44
	Модусные глаголы интенции	194	211
	Глаголы, выражающие нереализованность действия или недостаточность	18	16
Глаголы служебные, частично или полностью десемантизированные, каузативные глаголы		82	79
Глаголы, образованные по конверсии от существительных		47	52
Фразовые глаголы		62	68
Глаголы, выражающие социальную характеристику		32	37
Глаголы, выражающие темпоральную характеристику		45	53
Глаголы, выражающие квантитативную характеристику		56	61

Окончание табл. 1.

Глаголы, выражающие постериорность (импликация гл. некоторого последующего действия)		34	48
Глаголы, выражающие anteriорность (импликация гл. некоторого предшествующего действия)		17	27
		4 338	4 617
Всего:		8 955	

Количественный анализ исследовательского материала позволил установить:

- авторская/ мужская речь как и авторская/ женская речь маркируется более частотным употреблением динамических глаголов (2042 манифестации в речи героя и 1890 – в речи героини), что составляет примерно половину от общего количества глагольных воплощений мужского и женского речевого поведения в тексте романов. Представленные данные позволяют сделать вывод о том, что понятия «женское» и «мужское» письмо не являются однозначными. Гендерная «двойная игра» автора произведения становится возможной и свидетельствует об обратимости и конвертируемости самоидентификации автора;
- на втором месте по частотности употребления стоят статальные глаголы: их количественное соотношение примерно одинаковое (1001/ 1020) в речи автора/ героини и автора/ героя. Приведенный результат подтверждает теорию Ю. Самель и Б. Барон о «дифференциации» мужского и женского языков, поскольку современный литературный материал конструирует

женские и мужские образы в соответствии с новой эгалитарной гендерной идеологией, которая исключает поляризацию фемининности/ маскулинности и основана на более сбалансированной представленности полов;

- третье место по частотности занимают релятивные, модальные, модусные и функторные глаголы, причем их количество превалирует в речи автора/ героя (1072/ 1130 воплощений соответственно). Качественная обработка исследовательского материала выявила гендерную импликацию в тексте как рефлексивно-игровую личностную проекцию автора. Гендерная маска в этом случае послужила ключом к расшифровке образа героя и достоверному изображению реальности. Преобладание в речи автора/ героя глаголов, передающих оценочные, эмоциональные отношения, а также модальных глаголов, выражающих долженствование, возможности, сомнения и модусных глаголов интенции показательно в плане референтности мужского образа, как компенсации гендерной «примерки».

Следующий этап исследования базировался на анализе узловых сцен, где был представлен гендерный спектакль авторской маски Э.Л. Джеймс через видение одной и той же ситуации сознанием героини и героя. В качестве показательных образцов, в которых проявилось большинство особенностей женской/ мужской речи автора, представлены сцены «звонок-договоренность о фотосессии» и «совместный завтрак» в таблице 2.

К одной из особенностей можно отнести превышение объема высказывания через речь автора/ героя почти в 2 раза. Зафиксированная речевая асимметрия опровергает мнение многих исследователей о том, что:

- «мужские тексты» короче «женских», менее динамичны, в них меньше эмоциональных и сенсорных оценок [23, с. 16];
- «типическая» мужская речь отличается неумением связывать слова с эмоциями, переживать эмоции и описывать свои и чужие эмоции [26, с. 54].

Таблица 2.

Сцены воплощения гендерной маски автора
в речевом поведении героини/ героя

Автор/ Анастеша Стил	Автор/ Кристиан Грей
Сцена «звонок-договоренность о фотосессии»	
<p>I <u>take</u> a deep, <u>steadying</u> breath, and with <u>shaking</u> fingers, I <u>dial</u> the number. He <u>answers</u> on the second ring. His tone is <u>clipped</u>, calm and cold.</p> <p>“Grey.”</p> <p>“Err... Mr. Grey? It’s Anastasia Steele.” I <u>don’t recognize</u> my own voice, I’m so nervous. There’s a brief pause. Inside I’m <u>quaking</u>.</p> <p>“Miss Steele. How nice to hear from you.” His voice <u>has changed</u>. He’s <u>surprised</u>, I <u>think</u>, and he <u>sounds</u> so... warm – <i>seductive</i> even. My breath <u>hitches</u>, and I <u>flush</u>. I’m suddenly conscious that Katherine Kavanagh is <u>staring</u> at me, her mouth open, and I <u>dart into</u> the kitchen to <u>avoid</u> her <u>unwanted</u> scrutiny.</p> <p>“Err – we’d <u>like to go ahead</u> with the photo-shoot for the article.” <i>Breathe, Ana, breathe.</i> My lungs <u>drag</u> in a hasty breath. “Tomorrow, if that’s okay. Where <u>would be</u> convenient for you, sir?”</p> <p>I <u>can</u> almost <u>hear</u> his sphinx-like smile through the phone.</p> <p>“I’m staying at the Heathman in Portland. Shall we say, nine thirty tomorrow morning?”</p> <p>“Okay, we’ll <u>see you there.</u>” I am all <u>gushing</u> and breathy – like a child, not a grown woman who <u>can vote</u> and <u>drink</u> legally in the State of Washington.</p> <p>“I look forward to it, Miss Steele.” I <u>visualize</u> the <u>wicked</u> gleam in his gray eyes. <i>How can he make seven little words hold so much tantalizing promise?</i> I <u>hang up</u>. Kate is in the kitchen, and she’s <u>staring at me</u> with a look of complete and utter consternation on her face [24, c. 28].</p>	<p>IT’S BEEN FIVE HOURS with no phone call from the delectable Miss Steele. What the hell <u>was</u> I <u>thinking</u>? I <u>watch</u> the street from the window of my suite at The Heathman. I <u>loathe</u> <u>waiting</u>. I always <u>have</u>. The weather, now cloudy, <u>held</u> for my hike through Forest Park, but the walk <u>has done</u> nothing to <u>cure</u> my agitation. I’m <u>annoyed</u> at her for not <u>phoning</u>, but mostly I’m <u>angry</u> with myself. I’m a fool for <u>being</u> here. What a waste of time it’s <u>been</u> <u>chasing</u> this woman. When <u>have</u> I ever <u>chased</u> a woman? Grey, <u>get a grip</u>.</p> <p><u>Sighing</u>, I <u>check</u> my phone once again in the hope that I’ve just <u>missed</u> her call, but there’s nothing. At least Taylor <u>has arrived</u> and I <u>have</u> all my shit. I <u>have</u> Barney’s report on his department’s graphene tests <u>to read</u> and I <u>can work</u> in peace.</p> <p>Peace? I <u>haven’t known</u> peace since Miss Steele <u>fell into</u> my office.</p> <p>WHEN I GLANCE UP, dusk <u>has shrouded</u> my suite in gray shadows. The prospect of a night alone again is <u>depressing</u>. While I <u>contemplate</u> what to do my phone <u>vibrates</u> against the <u>polished</u> wood of the desk and an <u>unknown</u> but vaguely familiar number with a Washington area code <u>flashes</u> on the screen.</p> <p>Suddenly my heart is <u>pumping</u> as if I’ve <u>run</u> ten miles. <u>Is it her?</u> I <u>answer</u>.</p> <p>“Er... Mr. Grey? It’s Anastasia Steele.”</p> <p>My face <u>erupts</u> in a shit-eating grin. Well, well. A breathy, nervous, soft-spoken Miss Steele. My evening is <u>looking up</u>.</p> <p>“Miss Steele. How nice to <u>hear</u> from you.” I <u>hear</u> her breath <u>hitch</u> and the sound <u>travels</u> directly to my groin. Great. I’m <u>affecting</u> her. Like she’s <u>affecting</u> me.</p> <p>“Um—we’d like to go ahead with the photo shoot for the article. Tomorrow, if that’s okay. Where would be convenient for you, sir?”</p> <p>In my room. Just you, me, and the cable ties.</p> <p>“I’m <u>staying</u> at The Heathman in Portland. <u>Shall we say</u> nine thirty tomorrow morning?”</p> <p>“Okay, we’ll see you there,” she <u>gushes</u>, <u>unable to hide</u> the relief and delight in her voice.</p> <p>“I <u>look forward to</u> it, Miss Steele.” I <u>hang up</u> before she <u>senses</u> my excitement and how <u>pleased I am</u>. <u>Leaning back</u> in my chair, I <u>gaze at</u> the <u>darkening</u> skyline and <u>run</u> both my hands <u>through</u> my hair.</p> <p>How the hell <u>am I going to close</u> this deal? [25, c. 26–27]</p>

Продолжение табл. 2.

Сцена «совместный завтрак»	
<p>Christian is still nowhere to be <u>seen</u>, and Mrs. Jones is <u>checking</u> the contents of the pantry.</p> <p>“Tea now, Miss Steele?” she <u>asks</u>.</p> <p>“Please.” I <u>smile</u> at her. I <u>feel</u> slightly more confident now that I’m <u>dressed</u>.</p> <p>“<u>Would</u> you <u>like</u> something to <u>eat</u>?”</p> <p>“No, <u>thank</u> you.”</p> <p>“Of course you’ll have something to eat,” Christian <u>snaps</u>, <u>glowering</u>.</p> <p>“She likes pancakes, bacon, and eggs, Mrs. Jones.”</p> <p>“Yes, Mr. Grey. What <u>would</u> you <u>like</u>, sir?”</p> <p>“Omelet, please, and some fruit.”</p> <p>He <u>doesn’t</u> take his eyes off me, his expression unfathomable.</p> <p>“Sit,” he <u>orders</u>, <u>pointing</u> to one of the bar stools.</p> <p>I <u>oblige</u>, and he <u>sits</u> beside me while Mrs. Jones <u>busies</u> herself with breakfast. Gosh, it’s <u>unnerving</u> <u>having</u> someone else <u>listen</u> to our conversation.</p> <p>“Have you bought your air ticket?”</p> <p>“No, I’ll <u>buy</u> it when I <u>get</u> home – over the Internet.”</p> <p>He <u>leans</u> on his elbow, <u>rubbing</u> his chin.</p> <p>“Do you have the money?”</p> <p><i>Oh no.</i></p> <p>“Yes,” I <u>say</u> with mock patience as if I’m <u>talking</u> to a small child. He <u>raises</u> a censorious eyebrow at me. <i>Crap.</i></p> <p>“Yes, I <u>do</u>, <u>thank</u> you,” I <u>amend</u> rapidly.</p> <p>“I have a jet. It’s not scheduled to be used for three days, it’s at your disposal.”</p> <p>I <u>gape</u> at him. Of course he <u>has</u> a jet, and I <u>have</u> to <u>resist</u> my body’s natural inclination to <u>roll</u> my eyes at him. I <u>want</u> to <u>laugh</u>. But I <u>don’t</u>, as I <u>can’t</u> read his mood.</p> <p>“We’ve already <u>made</u> serious misuse of your company’s aviation fleet. I wouldn’t <u>want</u> to do it again.”</p>	<p>ANA IS STANDING AT the kitchen counter <u>talking</u> to Mrs. Jones, who <u>has</u> <u>set</u> places for our breakfast.</p> <p>“<u>Would</u> you <u>like</u> something to <u>eat</u>?” <u>asks</u> Mrs. Jones.</p> <p>“No thank you,” Ana <u>says</u>.</p> <p>Oh no you <u>don’t</u>.</p> <p>“Of course you’ll <u>have</u> something to <u>eat</u>,” I <u>growl</u> at both of them. “She <u>likes</u> pancakes, bacon, and eggs, Mrs. Jones.”</p> <p>“Yes, Mr. Grey. What <u>would</u> you <u>like</u>, sir?” she <u>replies</u>, without <u>batting</u> an eyelid.</p> <p>“Omelet, please, and some fruit. <u>Sit</u>,” I <u>tell</u> Ana, <u>pointing</u> to one of the barstools. She <u>does</u>, and I <u>take</u> a <u>seat</u> beside her while Mrs. Jones <u>makes</u> our breakfast.</p> <p>“Have you <u>bought</u> your air ticket?” I <u>ask</u>.</p> <p>“No, I’ll buy it when I get home, over the Internet.”</p> <p>“Do you <u>have</u> the money?”</p> <p>“Yes,” she <u>says</u>, as if I’m five years old, and she <u>tosses</u> her hair over her shoulder, <u>flattening</u> her lips, <u>peev</u>ed, I <u>think</u>. I <u>arch</u> an eyebrow in censure. I <u>could</u> always <u>spank</u> you again, sweetheart.</p> <p>“Yes, I do, thank you,” she <u>says</u> quickly, in a more <u>sub-</u> <u>dued</u> tone.</p> <p>That’s better.</p> <p>“I <u>have</u> a jet. It’s <u>not</u> <u>scheduled</u> to be <u>used</u> for three days; it’s at your disposal.” This <u>will</u> be a “no.”</p> <p>But at least I <u>can</u> <u>offer</u>.</p> <p>Her lips <u>part</u> in shock and her expression <u>transforms</u>, from <u>stunned</u> to <u>impressed</u> and <u>exasperated</u> in equal measure.</p> <p>“We’ve already made serious misuse of your company’s aviation fleet. I wouldn’t want to do it again,” she <u>says</u> nonchalantly.</p> <p>“It’s my company, it’s my jet.”</p> <p>She <u>shakes</u> her head. “Thank you for the offer. But I’d be happier taking a scheduled flight.”</p> <p>Surely most women <u>would</u> <u>jump</u> at the opportunity of <u>taking</u> a private jet, but it <u>seems</u> material wealth really <u>doesn’t</u> <u>impress</u> this girl – or she <u>doesn’t</u> like to <u>feel</u> <u>in-</u> <u>debted</u> to me. I’m <u>not</u> <u>sure</u> which.</p> <p>Either way, she’s a stubborn creature.</p> <p>“As you <u>wish</u>,” I <u>sigh</u>. “Do you <u>have</u> much preparation to <u>do</u> for your interview?”</p> <p>“No.”</p> <p>“Good.” I <u>ask</u> but she still <u>won’t</u> <u>tell</u> me which of the <u>pub-</u> <u>lishing</u> houses she’s <u>seeing</u>. Instead she <u>gives</u> me a sphinx-like smile. There’s no way she’s <u>divulging</u> this secret.</p> <p>“I’m a man of means, Miss Steele.”</p> <p>“I’m fully aware of that, Mr. Grey. Are you going to track my phone?”</p> <p>Trust her to remember that. “Actually, I’ll be quite <u>busy</u> this afternoon, so I’ll <u>have</u> to <u>get</u> someone else to <u>do</u> it,” I <u>answer</u>, <u>smirking</u>.</p>

Продолжение табл. 2.

<p>"It's my company, it's my jet." He <u>sounds almost wounded</u>. <i>Oh, boys and their toys!</i></p> <p>"Thank you for the offer. But I'd <u>be happier taking a scheduled flight</u>."</p> <p>He <u>looks like he wants to argue</u> further but <u>decides</u> against it.</p> <p>"As you wish," he <u>sighs</u>. "Do you have much preparation to do for your interview?"</p> <p>"No."</p> <p>"Good. You're still not going to tell me which publishing houses?"</p> <p>"No."</p> <p>His lips <u>curl up</u> in a reluctant smile.</p> <p>"I am a man of means, Miss Steele."</p> <p>"I am <u>fully aware</u> of that, Mr. Grey. <u>Are you going to track</u> my phone?" I <u>ask</u> innocently.</p> <p>"Actually, I'll be quite busy this afternoon, so I'll have to get someone else to do it." He <u>smirks</u>. <i>Is he joking?</i></p> <p>"If you <u>can spare</u> someone <u>to do</u> that, you're obviously <u>over-staffed</u>."</p> <p>"I'll send an email to the head of human resources and have her <u>look into</u> our head count." His lips <u>twitch to hide</u> his smile.</p> <p><i>Oh thank the Lord, he's recovered his sense of humor.</i></p> <p>Mrs. Jones <u>serves</u> us breakfast and we <u>eat</u> quietly for a few moments. After <u>clearing</u> the pans, tactfully, she <u>heads out</u> of the <u>living</u> area. I <u>peek up</u> at him.</p> <p>"What it is, Anastasia?"</p> <p>"You <u>know</u>, you never <u>did tell</u> me why you <u>don't</u> like to be touched." He <u>blanches</u>, and his reaction <u>makes me feel guilty</u> for asking.</p> <p>"I've told you more than I've ever told anybody." His voice <u>is quiet</u> as he <u>gazes at</u> me impassively.</p> <p>And it's <u>clear</u> to me that he's never <u>confided</u> in anyone.</p>	<p>"If you can spare someone to do that, you're obviously overstaffed."</p> <p>Oh, she's <u>sassy</u> today.</p> <p>"I'll <u>send</u> an e-mail to the head of human resources and <u>have her look</u> into our head count." This <u>is</u> what I <u>like</u>: our banter. It's <u>refreshing</u> and fun, and unlike anything I've <u>known</u> before.</p> <p>Mrs. Jones <u>serves</u> us breakfast, and I'm <u>pleased to see</u> Ana <u>relishing</u> her food. When Mrs. Jones <u>leaves</u> the kitchen Ana <u>peers up</u> at me.</p> <p>"What <u>is</u> it, Anastasia?"</p> <p>"You know, you never did tell me why you don't like to be touched."</p> <p>Not this again!</p> <p>"I've <u>told</u> you more than I've ever <u>told</u> anybody." My voice <u>is low to conceal</u> my frustration. Why <u>does</u> she <u>persist</u> with these questions? She <u>eats</u> another couple of mouthfuls of her pancakes.</p> <p>"<u>Will</u> you <u>think</u> about our arrangement while <u>you're</u> away?" I <u>ask</u>.</p> <p>"Yes." She's earnest.</p> <p>"<u>Will</u> you <u>miss</u> me?"</p> <p>Grey!</p> <p>She <u>turns</u> to face me, as <u>surprised</u> as I <u>am</u> by the question.</p> <p>"Yes," she <u>says</u> after a moment, her expression open and honest. I <u>was expecting</u> a smart remark, yet I <u>get</u> the truth. And strangely, I <u>find</u> her admission <u>comforting</u>.</p> <p>"I'll <u>miss</u> you, too," I <u>mutter</u>. "More than you <u>know</u>." My apartment <u>will be</u> a little quieter without her, and a little emptier. I <u>stroke</u> her cheek and <u>kiss</u> her. She <u>gives</u> me a sweet smile before <u>returning</u> to her breakfast.</p> <p>"I'll brush my teeth, then I should go," she <u>announces</u>, once she's <u>finished</u>.</p> <p>"So soon. I <u>thought</u> you might <u>stay</u> longer."</p> <p>She's <u>taken</u> aback. <u>Did</u> she <u>think</u> I'd <u>kick her out</u>?</p> <p>"I've prevailed upon you and taken up your time for long enough, Mr. Grey. Besides, don't you have an empire to run?"</p> <p>"I can <u>play</u> hooky." Hope <u>swells</u> in my chest and my voice. And I've <u>just cleared</u> my morning.</p> <p>"I have to prep for my interviews. And get changed." She <u>eyes</u> me warily.</p> <p>"You <u>look</u> great."</p> <p>"Why, thank you, Sir," she <u>says</u> graciously. But her cheeks <u>are coloring</u> their familiar rosy pink, like her ass last night. She's <u>embarrassed</u>. When <u>will</u> she <u>learn to take</u> a compliment?</p> <p><u>Rising</u>, she <u>takes</u> her plate to the sink.</p> <p>"<u>Leave</u> that. Mrs. Jones <u>will do</u> it."</p> <p>"Okay. I'm just going to brush my teeth."</p>
---	---

Окончание табл. 2.

<p>Doesn't he <u>have</u> any close friends? Perhaps he <u>told</u> Mrs. Robinson? I <u>want to ask</u> him, but I <u>can't</u> – I <u>can't pry</u> that invasively. I <u>shake</u> my head at the realization. He really <u>is</u> an island.</p> <p>“Will you think about our arrangement while you're away?” he <u>asks</u>. “Yes.”</p> <p>“Will you miss me?”</p> <p>I <u>gaze at</u> him, <u>surprised</u> by his question.</p> <p>“Yes,” I <u>answer</u> honestly.</p> <p>How <u>could he mean</u> so much to me in such a short time? He's <u>got</u> right under my skin... literally. He <u>smiles</u> and his eyes <u>light up</u>.</p> <p>“I'll miss you too. More than you know,” he <u>breathes</u>.</p> <p>My heart <u>warms</u> at his words. He really <u>is trying</u>, hard. He gently <u>strokes</u> my cheek, <u>bends down</u>, and <u>kisses</u> me softly [24, c. 262-263].</p>	<p>“Please <u>feel</u> free to <u>use</u> my toothbrush,” I <u>offer</u>, with sarcasm.</p> <p>“I had every intention of doing so,” she <u>says</u>, and <u>sashays</u> out of the room. That woman <u>has</u> an answer for everything. She <u>returns</u> a few moments later with her purse.</p> <p>“Don't <u>forget to take</u> your BlackBerry, your Mac, and your chargers to Georgia.”</p> <p>“Yes, Sir,” she <u>says</u> obediently.</p> <p>Good girl.</p> <p>“<u>Come</u>.” I <u>lead</u> her to the elevator and <u>step in</u> with her.</p> <p>“You don't have to come down. I can see myself to my car.”</p> <p>“It's all part of the service,” I <u>quip</u> ironically. “Besides, I <u>can kiss</u> you all the way down.” I <u>fold</u> her into my arms and <u>do</u> just that, <u>enjoying</u> her taste and her tongue and <u>giving</u> her a proper good-bye. We're both <u>aroused</u> and breathless by the time the doors <u>open</u> on the garage level. But she's <u>leaving</u>. I <u>take</u> her to her car and <u>open</u> the driver's door for her, <u>ignoring</u> my need.</p> <p>“Good-bye, for now, Sir,” she <u>whispers</u>, and <u>kisses</u> me once more. [25, c. 262-264]</p>
---	---

Здесь можно выдвинуть предположение, что таким образом писательница компенсировала репрезентацию референтности языкового поведения героя через ситуативное подстраивание под женский язык. Процесс конструирования гендера в данном случае наделен амбивалентностью.

Подведем итоги. Постмодернистские исследователи ставят под сомнение единый субъект, предпочитая рассматривать его как социально и лингвистически фрагментированный. Концепция письма в гендерном аспекте актуальна для решения проблемы трансформации авторской идентичности в текстуальную. Явление двойного голоса, воплощенного в гендерной маске автора-женщины в исследуемых текстах, существует на уровне палимпсеста, интерпретируя их как своего рода письмо для себя. Самое значительное в женском тексте оказывается нарративно спрятанным, а на поверхность текста выступает социально востребованное. Таким образом, маскарад гендерных практик посредством авторской маски участвует в усложнении нарративной техники автора, является средством игрового эксперимента

автора с самим собой, его поисками новых форм и способов осмысления себя самого и художественной реальности. Лингвистическое наблюдение за перформативным феноменом гендера в ракурсе авторской маски речевых характеристик героини/ героя художественного текста проводилось на примере одной грамматической категории – глагола. Глагол, как языковая форма отражает вполне определенные пласты человеческого опыта и передает их ментальное содержание.

Среди перспективных направлений научных изысканий в русле обозначенной тематики можно назвать анализ художественной прозы с использованием других маркеров – частей речи, функционально направленных на моделирование гендерной идентификации.

Список литературы

1. Алефиренко Н.Ф. Фразеология в свете современных лингвистических парадигм: Монография. М.: ООО Изд-во «Элпис», 2008. 271 с.
2. Барт Р. Удовольствие от текста // Избранные работы: Семиотика. Поэтика. М.: Прогресс, 1989. С. 471.
3. Бахтин М.М. Эпос и роман. СПб.: Азбука, 2000. 427 с.
4. Бовуар С. де «Второй пол». М. СПб.: Прогресс-Алетья, 1999. 832 с.
5. Бочарова О. Формула женского счастья // Новое литературное обозрение, 1996, № 22. С. 292-302.
6. Винокур Г.О. Избранные работы по русскому языку. М.: Государственное учебно-педагогическое издательство Наркомпроса РСФСР, 1959. 620 с.
7. Гофман И. Гендерный дисплей // Жеребкин С. (ред.). Введение в гендерные исследования. Ч. 2: Хрестоматия. Харьков: ХЦГИ; СПб.: Алетья, 2001. С. 306–335.
8. Гриценко Е.С. Язык как средство конструирования гендера: Дис. ...д-ра филол. наук. Н. Новгород, 2005. 405 с.
9. Гумбольдт В. фон. Избранные труды по языкознанию: Пер. с нем. // Общ. ред. Г.В. Рамишвили; Послесл. А.В. Гулыги и В.А. Звегинцева. М.: ОАО ИГ «Прогресс», 2000. 400 с.
10. Деррида Ж. О грамматологии. Пер. с франц., вступит ст. и комм. Н.С. Автономовой. М.: Издательство «Ad Marginem», 2000. 512 с.

11. Жеребкина И. «Прочти мое желание...». Постмодернизм. Психоанализ. Феминизм. М.: Идея-Пресс, 2000. 256 с.
12. Кон И.С. В поисках себя. Личность и самосознание. М.: Политиздат, 1983. 335 с.
13. Лотман Ю.М. Роман А.С. Пушкина «Евгения Онегин». Комментарии. М.: Просвещение, 1980. 415 с.
14. Осьмухина О.Ю. Авторская маска в русской прозе XIII – первой трети XIXв. (генезис, становление традиции, специфика функционирования): моногр. Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2008. 188 с.
15. Рэдзэй Дж.А. Читая любовные романы: женщины, патриархат и популярное чтение / Пер. с англ. Курганской М.Т., Тихонова М.А. М.: Прогресс-Традиция, 2004. 336 с.
16. Сиксу Э. Хохот Медузы // Введение в гендерные исследования. Ч. 2: Хрестоматия / Под ред. С.В. Жеребкина. Харьков: ХЦГИ, 2001; СПб.: Алетей, 2001. 991 с.
17. Фуко М. Воля к истине. М.: Касталь, 1996. 448 с.
18. Butler J. Gender Trouble. Feminism and the Subversion of Identity. N.-Y.: Routledge, 1990. 172 p.
19. Cawelti J. Adventure, Mystery and Romance: Formula stories as Art and Popular Culture. Chicago, London, 1976. 334 p.
20. Deleuze G., Guattari F. Introduction: Rhizome // Deleuze G., Guattari F. A Thousand Plateaus: Capitalism and Schizophrenia. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1987, pp. 3-25.
21. Goffman E. Gender Display // Lemert C., Branaman A., eds. Goffman Reader. Oxford, UK: Blackwell Publ., 1997, pp. 201-208.
22. Griffin S. Made from this Earth: An Anthology of Writings. New York: Harper and Row, 1983. 334 p.
23. Handke K. Język a determinant pley // Handke K., Anusiewicz J. (eds.) Plec w języku I kulturze. Wrocław, 1994, pp. 15-29.
24. James E.L. Fifty shades of Grey. Arrow Books. Great Britain, London, 2015. 546 p.
25. James E.L. Grey. Fifty shades of Grey as told by Christian. Arrow Books. Great Britain, London, 2015. 559 p.
26. Levant R.F. Masculinity Reconstructed: Changing the Rules of Manhood-at Work, in Relationships, and in Family Life. N.Y., 1995. 320 p.

References

1. Alefirenko N.F. *Frazeologija v svete sovremennyh lingvističeskikh paradigim: Monografija* [Phraseology in the Light of Modern Linguistic Paradigms: Monography]. M.: OOO Izd-vo «Jelpis», 2008. 271 p.
2. Bart R. *Udovol'stvie ot teksta* [The Pleasure of the Text]. Izbrannye raboty: Semiotika. Pojetika. M.: Progress, 1989. 471 p.
3. Bahtin M.M. *Jepos i roman* [Epos and novel]. SPb.: Azbuka, 2000. 427 p.
4. Bovuar S., de *Vtoroj pol* [The second sex]. M. SPb.: Progress-Aletejja, 1999. 832 p.
5. Bocharova O. *Formula ženskogo schast'ja* [Formula of female happiness]. *Novoe literaturnoe obozrenie*, 1996, № 22, pp. 292–302.
6. Vinokur G.O. *Izbrannye raboty po russkomu jazyku* [Selected papers about Russian language] M., Gosudarstvennoe uchebno-pedagogičeskoe izdatel'stvo Narkomprosa RSFSR, 1959. 620 p.
7. Gofman I. *Gendernyj displej* [Gender display]. Vvedenie v gendernye issledovanija. Ch. 2: Hrestomatija. Har'kov: HCGI; SPb.: Aletejja, 2001, pp. 306–335.
8. Gricenko E.S. *Jazyk kak sredstvo konstruirovanija gendera* [Language as the means of constructing gender] Dis. ...d-ra filol. nauk. N. Novgorod, 2005. 405 p.
9. Gumbol'dt V. fon. *Izbrannye trudy po jazykoznaniju* [Selected papers on linguistics]. Per. s nem. Obshh. red. G.V. Ramishvili; Poslesl. A.V. Gulygi i V.A. Zveginčeva. M.: OAO IG «Progress», 2000. 400 p.
10. Derrida Zh. *O grammatologii* [About grammatology]. Per. s franc., vstupit st. i komm. N.S. Avtonomovoj. M.: Izdatel'stvo “Ad Marginem”, 2000. 512 p.
11. Zherebkina I. *«Prochti moe zhelanie...».* *Postmodernizm. Psihoanaliz. Feminizm* [Perceive my desire... Postmodernism. Psychoanalysis. Feminism]. M.: Ideja-Press, 2000. 256 p.
12. Kon I.S. *V poiskah sebja. Lichnost' i samosoznanie* [In search of your identity. Self-comprehension]. M.: Politizdat, 1983. 335 p.
13. Lotman Ju.M. *Roman A.S. Pushkina «Evgenija Onegin».* *Kommentarii* [Novel by A.S. Pushkin “Eugene Onegin”. Review]. M.; Prosveshhenie, 1980. 415 p.

14. Os'muhina O.Ju. *Avtorskaja maska v russkoj proze XIII-pervoj treti XIXv. (genezis, stanovlenie tradicii, specifika funkcionirovanija): monogr.* [Author's mask in Russian prose of XIII – first third XIX c. (genesis, tradition generation, functioning specifics): monography]. Nauch. red. O.E. Osovskij. Saransk: Izd-vo Mordov. un-ta, 2008. 188 p.
15. Rjeduzej Dz.A. *Chitaja ljubovnye romany: zhenshhiny, patriarhat i populjarnoe chtenie* [Reading the Romance: women, patriarchy and popular prose]. Per. s angl. Kurganskoj M.T., Tihonova M.A. M.: Progress-Tradicija, 2004. 336 p.
16. Siksu Je. *Hohot Meduzy* [The Laugh of the Medusa]. Vvedenie v gendernye issledovanija. Ch. 2: Hrestomatija. Pod red. S.V. Zherebkina. Har'kov: HCGI, 2001; SPb.: Aletejja, 2001. 991 p.
17. Fuko M. *Volja k istine* [The will to knowledge]. M. Kastal', 1996. 448 p.
18. Butler J. *Gender Trouble. Feminism and the Subversion of Identity*. N.Y.: Routledge, 1990. 172 p.
19. Cawelti J. *Adventure, Mystery and Romance: Formula stories as Art and Popular Culture*. Chicago, London. 1976. 334 p.
20. Deleuze G., Guattari F. Introduction: Rhizome. *A Thousand Plateaus: Capitalism and Scizophrenia*. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1987, pp. 3–25.
21. Goffman E. *Gender Display*. Goffman Reader. Oxford, UK: Blackwell Publ., 1997, pp. 201–208.
22. Griffin S. *Made from this Earth: An Anthology of Writings*. New York: Harper and Row, 1983. 344 p.
23. Handke K. *Język a determinant płcy* [Language and Determinants of Gender] Handke K., Anusiewicz J. (eds.) *Plec w języku i kulturze*. Wrocław, 1994, pp. 15–29.
24. James E.L. *Fifty shades of Grey*. Arrow Books. Great Britain, London, 2015. 546 p.
25. James E.L. *Grey. Fifty shades of Grey as told by Christian*. Arrow Books. Great Britain, London, 2015. 559 p.
26. Levant R.F. *Masculinity Reconstructed: Changing the Rules of Manhood-at Work, in Relationships, and in Family Life*. N.Y., 1995. 320 p.

ДАННЫЕ ОБ АВТОРЕ

Винник Евгения Ивановна, кандидат филологических наук,
старший преподаватель кафедры английской филологии
Института филологии журналистики и межкультурной ком-
муникации

Южный федеральный университет

*пер. Университетский, 93, г. Ростов-на-Дону, Ростовская
область, 344006, Российская Федерация*

vinnikevgesh@mail.ru

DATA ABOUT THE AUTHOR

Vinnik Evgeniya Ivanovna, Ph. D. in Philology, Senior Lecturer of
English philology department, Institute of Philology, Journalism
and Intercultural Communication

Southern Federal University

*93, Universitetsky Alley, Rostov-on-Don, Rostov region, 344006,
Russian Federation*

vinnikevgesh@mail.ru

ORCID: 0000-0002-9538-6780

DOI: 10.12731/2077-1770-2018-4-3-41-53

УДК 81'42

ИНТОНАЦИОННО-ВЫРАЗИТЕЛЬНЫЕ СРЕДСТВА ВОЗДЕЙСТВИЯ НА АДРЕСАТА В АДВОКАТСКОМ ДИСКУРСЕ

Зарезина С.Н., Мойсеенко А.А.

Цель. Представленная статья посвящена особенностям использования интонации и ударения как фонетических средств воздействия на адресата в адвокатском дискурсе. Интонация и ударение рассматриваются как суперсегментные фонетические единицы, включающие в себя такие составляющие, как мелодику, ритм, интенсивность, темп, тембр речи, фразовое и логическое ударение.

Метод и методология проведения работы. Основные методы исследования относятся к дискурсологии; авторами используется метод дискурсивного анализа фонетических явлений с точки зрения перцепции и их манипулятивной значимости. В качестве методологической основы исследования выступают работы отечественных и зарубежных ученых, посвященных сущностной природе дискурса, адвокатского дискурса в частности.

Результаты исследования. В результате анализа речи адвоката Р.В. Ардыкуцы делается вывод о том, что речевое воздействие на аудиторию за счет использования фонетических средств вместе с другими средствами, такими как лексические, синтаксические, стилистические и др., может проявляться достаточно ярко и являться эффективным способом влияния на аудиторию в рамках судебного процесса.

Область применения результатов исследования. Результаты исследования могут быть использованы в рамках лекционных и семинарских занятий по дискурсу, судебной лингвистике, теории речевого воздействия.

Ключевые слова: дискурс; фонетический; суперсегментные фонетические единицы; воздействие; интонация; ударение; адвокатский дискурс; адвокат.

**EXPRESSIVE INTONATION AS A TOOL OF INFLUENCING
THE ADDRESSEE IN ADVOCACY DISCOURSE**

Zarezina S.N., Moiseenko A.A.

Purpose. *The article deals with intonation and stress as the phonetic ways of influencing the addressee in advocacy discourse. We focus on the melodics, rhythm, intensity, tempo, tone colour, phrasal and logic stress that compose a suprasegmental level.*

Method and methodology. *The method we are based on is discourse analysis. To be more precise, we use the method of analyzing phonetic means in the way they are perceived by the addressee and the way they help manipulate him/her. The methodological basis of the study is a wide range of Russian and foreign linguists' research works that are devoted to discourse nature and advocacy discourse in particular.*

Results. *The practical material of our research is the resonant speech of the advocate R.V. Ardytsupa in court. The video of the advocate's speech can be found on the Internet and was much spoken about in 2015. The defendant of the criminal trial – S.V. Kuryshv – is an ex-politician and ex-member of the Legislative Assembly in Vladimirskaya region. Finally, we conclude that by means of expressive intonation an advocate can have an influence on the addressees during a trial.*

Practical implications. *The results of the research can be used at lectures and seminars on Discourse, Forensic Linguistics and Theory Speech Manipulation.*

Keywords: *discourse; phonetic, suprasegmental phonetic units; influence; intonation; stress; advocacy discourse; advocate.*

В последние десятилетия наблюдается стремление лингвистов к все более углубленному анализу природы и свойств человека, представленных в языке во всей их совокупности. Дискурс в этой связи выступает как отражение природы человека во всем ее многообразии – в сочетании объективного и личностного, наблюдаемого и проинтерпретированного говорящим.

Говоря об уникальной и неоднозначной сущности языка, Ю.М. Ма-линович указывает на необходимость дальнейшего изучения человеческого «Я» «со всеми семантически значимыми интроспекциями, страстями души, волевыми, ценностными ориентациями и восприя-тием мира через призму личностной пристрастности к окружающему миру, в том числе и миру себе подобных, что составляет семиосфе-ру человека как манифестации своего Я» [8, с. 5]. Собственное «Я», выражаемое говорящим в языке и дискурсе, или, иными словами, личностный смысл представляет собой состояние сознания, возник-ающее в результате соотносительности вербального или невербального выражения с денотативной ситуацией, сконструированной говоря-щим / пишущим в соответствии с его осознанными или неосознан-ными интенциями на основе веры, желания, личного мнения или особого личностного эмоционального состояния [4, с. 91].

В западной традиции изучением способов выражения собствен-ного «Я» в дискурсе занимались ряд исследователей. П. Грайс трак-туют дискурс как симбиоз фактуального смысла и смысла говоря-щего (utterer's occasion-meaning) [15, с. 91].

Д. Канеман и А. Тверский характеризуют дискурс как процесс ментального конструирования мира (mental construction) на основе эвристик моделирования (simulation heuristics). Ментальное кон-струирование может осуществляться через моделирование насто-ящего, прошлого и будущего и основано на личностном представ-лении эмоций в дискурсе [16, с. 201].

В рамках подобного подхода, предлагаемого Э. Акерманом, про-цесс познания и порождения дискурса рассматривается в нераз-рывной связи с бытием отдельной личности и ее взаимодействием с окружающим миром. Исходя из этого, во главе порождения дискурса стоит живое знание, находящееся в каждом конкретном человеке. Будучи живым, индивидуальное знание растет в своем контексте (knowledge lives and grows in context), что неизменно на-ходит отражение в дискурсе [13, с. 25].

К. Тобин и Д. Типпинс пишут, любое знание и любой дискурс может быть одновременно и общественным (social) и личностным

(individual) [17, с. 163]. А. Беттенкорт провозглашает точку зрения о том, что все познанное познается только путем личностного конструирования (all we come to know is our own construction) [14, с. 39].

Принимая во внимание вышеизложенное, можно предположить, что собственное «я», выражаемое в дискурсе, не только демонстрирует эмоциональное состояние говорящего, его осознанные или неосознанные интенции и личное мнение относительно того, чем он говорит, но и является средством коммуникативного воздействия. Подобного рода дискурс призван не просто информировать и описывать какие-либо объекты или ситуации внешнего мира, но интерпретировать их, выражать свое личное видение ситуации посредством использования тех или иных языковых средств для регулирования поведения адресата, управлять восприятием описываемых объектов и ситуаций, навязывать выгодную говорящему положительную или отрицательную оценку. В этом смысле адвокатский дискурс не является исключением. Участники судебных заседаний, в частности адвокаты, используют весь спектр языковых средств воздействия, включая фонетический, для оказания влияния на аудиторию и достижения преследуемых целей.

Актуальность данного исследования обусловлена интересом современной науки к изучению адвокатского дискурса как фонетического явления, а именно к вопросам, связанным с участием интонации и ударения в процессе убеждения и воздействия на аудиторию в процессе судебного заседания. *Целью* настоящей работы является исследование суперсегментных (надлинейных, просодических) средств, используемых адвокатом, для придания эффективности своему выступлению и оказания воздействия на аудиторию в рамках судебного заседания.

Речевое воздействие восходит своими корнями в античность, где зародилось риторика, одно из значений которой – искусство убеждать. Необходимость своей речью не только доносить информацию, но и влиять на аудиторию возникла с тех пор, как усложнились отношения между людьми, и образовались такие явления, как политика, суды и т.д., где искусство убеждения играло огромную роль

[7]. Посредством речевого воздействия мы регулируем поведение другого человека, подталкиваем их к совершению, изменению или завершению того или иного действия, либо вызываем стремление при необходимости выполнить какое-либо действие. То есть суть речевого общения – это выполняемое за счет определенных речевых средств воздействие, направленное на регулирование деятельности других людей [12].

Говоря об особенностях адвокатского дискурса, следует отметить, что осуществляемое воздействие является социально ориентированным, когда говорящий строит образ не каждого собеседника, а обобщенный образ группы как целого, который ему также необходимо учитывать для удачного речевого воздействия. Этот вид речевого воздействия способствует регуляции деятельности слушающего и изменению его поведения [11].

В любом дискурсе и адвокатском дискурсе в частности воздействие, оказанное с помощью фонетических средств, является наиболее существенным, поскольку адресату (-ам) адвокатская речь представляется исключительно в устной форме.

Особую роль при оказании влияния играет интонация, об уникальных свойствах которой говорили еще в древности. Так, Абуль-Фарадж – ученый XIII века – говорил, что тот, кто разговаривает, постепенно снижая голос, несомненно, чем-то глубоко опечален; кто говорит слабым голосом – робок, как ягненок; тот, кто говорит пронзительно и несвязно, – глуп, как коза [Цит. по 1].

Интонация является звуковым средством языка, с помощью которого говорящий и слушающий выделяют в потоке речи высказывание и его смысловые части, противопоставляют высказывания по их цели (повествование, волеизъявление, вопрос) и передают субъективное отношение к высказываемому [10].

Интонация имеет сложную структуру и состоит из следующих элементов:

- интенсивные элементы: интонационная пауза, логическое ударение, интонационная интенсивность;
- частотные элементы: мелодика и диапазонная высота;

- темпоральные (временные) элементы: темп и эмфатическая долгота;
- спектральный элемент: интонационный тембр [2].

Рассуждая о роли интонационно-выразительных средств, Н.Н. Ивакина пишет, что восприятию речи в значительной степени способствует голос оратора. Это совокупность разнообразных по высоте, силе и тембру звуков, возникающих вследствие колебания голосовых связок при разговоре, крике, пении. Голос – основной инструмент убедительности. Это тонкий, прекрасный инструмент, которым можно передать различные оттенки мысли и чувства [5].

Интонация является своеобразным музыкальным оформлением любого судебного выступления, повышая его экспрессивность и воздействующий потенциал. Большое значение интонационному рисунку судебной речи придавал П.С. Пороховщиков, который в своей книге «Искусство речи на суде» (1910 г.), говоря о благозвучии, предостерегал остерегаться говорить ручейком: вода струится, журчит, лепечет и скользит по мозгам слушателей, не оставляя в них следа. Чтобы избежать утомительного однообразия, надо составить речь в таком порядке, чтобы каждый переход от одного раздела к другому требовал перемены интонации [9].

Переходя к анализу практического материала, следует отметить, что в своих речах адвокаты, в основном, осуществляют воздействие с помощью таких средств, как мелодика (повышение, понижение тона), темп речи и логическое ударение.

Как известно, за счет мелодики текст разбивается на смысловые части – синтагмы, высказывания приобретают характер утверждения, вопроса, восклицания и др. Темп речи может быть быстрым, медленным или средним. Так, наиболее важную с точки зрения адвоката информацию можно выделить более медленным по сравнению с остальным текстом темпом речи. Кроме того, важные места можно отделить от остального потока речи паузой. Логическое ударение также используется для того, чтобы выделить наиболее важную часть высказывания, сделать на ней акцент [3].

Следует отметить, что чаще всего фонетические средства, в частности, компоненты интонации, используются в совокупности. Например, в следующей фразе, произнесенной адвокатом, воздействии осуществляется за счет мелодики и логического ударения:

Закон суров! / Но это закон. / Закон един для всех [6].

Здесь адвокат Р.В. Ардыкуца с помощью повышения тона при произнесении последнего слова в синтагме акцентирует внимание на таких характеристиках закона, как беспристрастность и справедливость. За счет такого произнесения высказывание несет характер торжественности и приподнятости.

В следующем примере воздействие осуществляется с помощью темпа речи адвоката:

Мы так часто слышим эти слова из средств массовой информации [6].

Начало предложения адвокат произносит медленно, тщательно проговаривая слова, акцентируя каждое из них, тем самым усиливая их значение и добавляя к сказанному негативную окраску. Замедленный темп речи в данном случае выражает недовольство, подразумевает, что количество и повторяемость сказанных в СМИ слов не означает объективность, правоту и искренность сказанного.

В нижеприведенном примере в первой синтагме, которая выражает факт о состоянии здоровья подсудимого С.В. Курышева, интонация утвердительная. Отенок сожаления достигается за счет снижения тона и интенсивности речи, наблюдаемой к концу синтагмы. Затем, в следующих двух синтагмах, посредством повышения тона делается логическое ударение на двух словах: «вынужден» и «окончательно», что подчеркивает то, как С.В. Курышев, несмотря на плохое самочувствие, решил выполнить свой долг:

*Нельзя не отметить, что Сергей Владимирович страдает рядом хронических заболеваний, / и, несмотря на плохое самочувствие, желание отдохнуть дома с семьей, был **вынужден** поехать, / дабы **окончательно** разоблачить главу Ковровского района и его приближенных, записав очередной разговор на диктофон и передав*

запись в правоохранительные органы и руководству Владимирского региона [6].

Повышение тона в начале следующей фразы также используется с целью усиления отрицания:

Не может из таких ран вылиться такое количество крови [6].

В следующем примере Р.В. Ардыкуца цитирует Оскара Уайльда и, чтобы привлечь внимание аудитории к данной цитате, выделяет голосом важные места. Высказывание построено с использованием синтаксического параллелизма; параллельность наблюдается и в фонетическом оформлении высказывания: слово «любой» в начале синтагмы произносится повышенным тоном, чтобы подчеркнуть его значение универсальности, вторая же часть синтагмы произносится размеренно, с замедленным темпом, что призывает аудиторию задуматься, вникнуть в смысл произносимых адвокатом слов:

Любой суд, ***любой***, есть суд над чьей-либо жизнью, / и ***любой*** приговор – это смертный приговор! [6].

Далее адвокат цитирует Екатерину II. Цитата выделяется в потоке речи за счет тщательной артикуляции, а на словосочетании «десять виновных» ставится логическое ударение, которое подчеркивает, что оправдание даже виновного будет гуманнее, чем осуждение невиновного:

Лучше оправдать десять виновных, чем осудить одного невиновного! [6].

Задавая риторический вопрос и повышая тон на вопросительной частице «неужели», адвокат обращается к судье, как-бы взывает к его здравому смыслу. Далее следует нестандартное паузирование, которое не соответствует правилам русского языка, поскольку подлежащее отделяется от сказуемого заметной паузой, отдельно выделяется предлог «в». Безусловно, такая паузация и выделение отдельно каждой части высказывания подчеркивает абсурдность его содержания:

Неужели, / Ваша честь, неужели, / если бы Курьшев / был бы виновен / в / инкриминируемом ему деянии, / он скрывался бы от

следствия? Неужели бы Курышев не признался в совершённом им преступлении? [6].

Далее адвокат начинает отбивать ритм, постукивая по столу, что усиливает утвердительный характер высказывания, придает ему большую убедительность и эмоциональность:

Показания Курышева / грубо / искажались / на предварительном следствии, / следователями непосредственно. / Курышев нам об этом говорил, / и не раз, / и сегодня также в прениях [6].

Завершает свою речь адвокат уже более спокойно, что добавляет контраста и яркости всему выступлению. Так, последующая фраза почти полностью произносится на одном дыхании, ровным тоном, ударение делается лишь на слове «невиновен», после чего следует пауза, затем указывается, в чем именно невиновен подзащитный. Ровная интонация подчеркивает уверенность адвоката, а выделение слова «невиновен» показывает, в чем именно он уверен:

*Я уверен, у меня нет сомнений, что депутат Законодательного Собрания Владимирской области Курышев **невиновен** / в предъявленном ему обвинении* [6].

В следующем примере повышение тона происходит на произнесении словосочетания «в пользу», тем самым подводя итог всей речи адвоката и выражая главный посыл, который адвокат в нее закладывал – подсудимый С. В. Курышев не виновен и должен быть оправдан:

Все сомнения, ещё раз повторяюсь, / должны трактоваться в пользу Курышева, в пользу моего подзащитного [6].

Таким образом, на примере анализа речи адвоката Р.В. Ардыкуцы можно сделать вывод, что речевое воздействие на аудиторию за счет использования фонетических средств вместе с другими средствами, такими как лексические, синтаксические, стилистические и др., может проявляться достаточно ярко и являться эффективным способом влияния на аудиторию в рамках судебного процесса.

Список литературы

1. Абрамова Н.А., Володина С.И., Никулина И.А. Риторика. Учебное пособие для бакалавров. М., 2014. URL: <https://books.google.ru/book>

- s?id=1PISAgAAQBAJ&pg=PT146&lpg=PT146&dq (дата обращения: 27.03.2018).
2. Баранов Р.Е. Пособие по русскому языку с основами языкознания. М.: МПГУ, 2015. 149 с.
  3. Великая Е.В. Просодия в стилевой дифференциации языка. Монография. М.: Прометей, 2009. 256 с.
  4. Зарезина С.Н. Устойчивые личностные смыслы в аспекте межкультурной коммуникации (на материале статей о России в англоязычной прессе за 1991–2004 гг.): дис. ... канд. филол. наук; Иркутский гос. лингвистический ун-т. Иркутск, 2004. 236 с.
  5. Ивакина Н.Н. Основы судебного красноречия (риторика для юристов). М.: Издат. дом Юристь, 2007. 464 с.
  6. Изящное выступление Адвоката. URL: <https://inlove.kz/watch/mr=055=2015-06-01=izyashchnoe-vistuplenie-advokata/0PNkbUD-VtCs> (дата обращения: 3.04.2018).
  7. Иссерс О.С. Речевое воздействие: учебное пособие. М.: Флинта, Наука, 2009. 224 с.
  8. Малинович Ю.М. Введение // Антропологическая лингвистика: Концепты. Категори. Москва – Иркутск, 2003. С. 4–6.
  9. Сергеич П. Искусство речи на суде (фрагменты) // Вестник университета им. О.Е. Кутафина. URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/iskusstvo-rechi-na-sude-fragmenty> (дата обращения: 29.03.2018).
  10. Русская грамматика. М.: Наука, 1980. 784 с.
  11. Солдатова А.А. Стратегия коммуникативных стратегий и тактик в адвокатском дискурсе // Вестник ТвГУ. 2011. Выпуск 2. С. 252–258.
  12. Стернин И.А. Введение в речевое воздействие. Воронеж: Истоки, 2001. 252 с.
  13. Ackermann E. Perspective-taking and object construction // *Constructionism in Practice* / Ed. by Y. Kafai. Mahwah, NJ: Lawrence Erlbaum Associates, 1996, pp. 25–41.
  14. Bettencourt A. The construction of knowledge: a radical constructivist view // *The Practice of Constructivism in Science Education* / Ed. by K. Tobin. Hillsdale, NJ: Lawrence Erlbaum Associates, 1993, pp. 23–39.

15. Grice H.P. *Studies in the Way of Words*. Cambridge: Harvard University Press, 1989. 394 p.
16. Kahneman D. Judgment under uncertainty: heuristics and biases / D. Kahneman, A. Tversky // *The Simulation Heuristics* / Ed. by D. Kahneman, P. Slovic, A. Tversky. Cambridge University Press, 1982, pp. 201–208.
17. Tobin K. Constructivism as a referent for teaching and learning // *The Practice of Constructivism in Science Education* / Ed. by K. Tobin. Hillsdale, NJ: Lawrence Erlbaum Associates, 1993, pp. 3–230.

References

1. Abramova N.A., Volodina S.I., Nikulina I.A. *Ritorika. Uchebnoe posobie dlya bakalavrov* [Rhetorics. Workbook for Bachelors]. Moscow, 2014. <https://books.google.ru/books?id=1PISAgAAQBAJ&pg=PT146&lp-g=PT146&dq> (accessed on: 27.03.2018).
2. Baranov R.E. *Posobie po russkomu yazyku s osnovami yazykoznaniya* [Workbook on Basics in the Russian Language and Linguistics]. Moscow, MGPU, 2015. 149 p.
3. Velikaya E.V. *Prosodiya v stilevoj differenciacii yazyka* [Prosody in Style Differentiation of the Language]. M: Prometey, 2009. 256 p.
4. Zarezina S.N. *Ustojchivye lichnostnye smysly v aspekte mezkul'turnoj kommunikacii (na materiale statej o Rossii v anglojazychnoj presse za 1991–2004 gg.)* [Recurrent Personal Meaning in the Aspect of Intercultural Communication (based on the Articles about Russia in English Mass Media Discourse): dis. ... kand. filol. nauk. Irkutsk gos. lingvistichecky un-t. Irkutsk, 2004, 236 p.
5. Ivakina N.N. *Osnovy sudebnogo krasnorechiya (ritorika dlya yuristov)* [Basics on Trial Eloquence]. M.: Jurist, 2007. 464 p.
6. *Izyashchnoe vystuplenie Advokata* [The Exquisite Performance of the Lawyer]. <https://inlove.kz/watch/mr=055=2015-06-01=izyashchnoe-vistuplenie-advokata/OPNkbUDVtCs> (accessed on: 03.04.2018).
7. Issers O.S. *Rechevoye vozdeystviye: uchebnoye posobiye* [Speech Effects: Workbook]. Moscow: Flinta, 2009. 224 p.
8. Malinovich Yu.M. *Vvedenie* [Basics]. Antropologicheskaya lingvistika: Koncepty. Kategori. Moskva – Irkutsk, 2003, pp. 4–6.

9. Sergeich P. *Iskusstvo rechi na sude* [The Art of Speech in Court] (fragmenty). <https://cyberleninka.ru/article/v/iskusstvo-rechi-na-sude-fragmenty> (accessed on: 29.03.2018).
10. *Russkaya grammatika* [Russian Grammar]. Moscow: Nauka, 1980. 784 p.
11. Soldatova A.A. Strategiya kommunikativnyh strategij i taktik v advokatskom-diskurse [Communicative Strategies and Tactics in Advocacy Discourse]. *Vestnik TvGu*, №2. 2011, pp. 252–258.
12. Sternin I.A. *Vvedenie v rechevoe vozdejstvie* [Basics on Speech Effects]. Voronezh, Istoky, 2001. 252 p.
13. Ackermann E. Perspective-taking and object construction. *Constructionism in Practice*. Mahwah, NJ: Lawrence Erlbaum Associates, 1996, pp. 25–41.
14. Bettencourt A. The construction of knowledge: a radical constructivist view / A. Bettencourt. *The Practice of Constructivism in Science Education*. Hillsdale, NJ: Lawrence Erlbaum Associates, 1993, pp. 23–39.
15. Grice H.P. *Studies in the Way of Words*. Cambridge: Harvard University Press, 1989. 394 p.
16. Kahneman D. Judgment under uncertainty: heuristics and biases. *The Simulation Heuristics*. Cambridge University Press, 1982, pp. 201–208.
17. Tobin K. Constructivism as a referent for teaching and learning. *The Practice of Constructivism in Science Education*. Hillsdale, NJ: Lawrence Erlbaum Associates, 1993, pp. 3–230.

ДАННЫЕ ОБ АВТОРАХ

Зарезина Светлана Николаевна, кандидат филологических наук, доцент, Институт филологии, иностранных языков и медиакоммуникации

Иркутский государственный университет

ул. Ленина, 8, г. Иркутск, 664025, Российская Федерация

zaregina@mail.ru

Мойсеенко Александр Александрович, кандидат филологических наук, Институт филологии, иностранных языков и медиакоммуникации

*Иркутский государственный университет
ул. Ленина, 8, г. Иркутск, 664025, Российская Федерация
sanich_2001@mail.ru*

DATA ABOUT THE AUTHORS

Zarezina Svetlana Nikolaevna, Associate Professor of the English Philology Chair, PhD in Philological Science, Institute of Philology, Foreign Languages and Mediacommunication
*Irkutsk State University
8, Lenin Str., Irkutsk, 664025, Russian Federation
zaregina@mail.ru*

Moiseenko Aleksander Aleksandrovich, Associate Professor of the English Philology Chair, PhD in Philological Science, Institute of Philology, Foreign Languages and Mediacommunication
*Irkutsk State University
8, Lenin Str., Irkutsk, 664025, Russian Federation
sanich_2001@mail.ru*

DOI: 10.12731/2077-1770-2018-4-3-54-68

УДК 811.161.

ЦЕННОСТЬ КАК ФИЛОСОФСКАЯ И ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ КАТЕГОРИЯ

Кадачиева Х.М., Абдулкадырова А.Б.

Цель. В статье рассматривается эволюция понятия «ценность» в отечественной и зарубежной научной традиции. Зонтиковый характер современной науки о языке дает возможность разностороннего и многоаспектного изучения данного феномена. Оценочно-деятельностное, динамичное, отношение человека к миру, с одной стороны, и его зафиксированность, статичность в языке, с другой, стали причиной противоречивой трактовки традиционного понятия «ценность». В отличие от философской категории, лингвистическое понимание ценности не исключает и биполярной ее интерпретации как «антиценности».

Новизна. Разграничение ценностей в рамках двухаспектного подхода позволяет установить специфичность лингвистического подхода для аксиологического осмысления ценностей и антиценностей как вербализованных феноменов, существующих в неразрывной связи с прагматическими и культурологическими установками социума.

Метод или методология проведения работы. Основу исследования образуют системный и диалектический подходы, а также индуктивно-дедуктивный и компаративистский методы.

Результаты. Многоаспектность трактовки понятия «ценность» обусловлена целями и задачами исследования. Универсальным является представление ценности как философского, аксиологического и лингвокультурологического единства. Объективность, динамичность и системный характер ценности проявляются через ее языковое и речевое воплощение. При изучении ценности как философской категории акцент делается на положительные ценности, в то время как в лингвистике внимание исследователей преи-

мущественно обращено к антиценностям, как воплощению анти-социальности носителей языка. Многочисленные классификации ценностей являются результатом оценочно-деятельностного отношения к миру. Ценностная картина мира, закреплённая в сознании представителей отдельного этноса и зафиксированная в языке этого этноса, представляет собой систему ценностей, псевдоценностей и антиценностей.

Область применения результатов. Значимость работы определяется тем, что она вносит вклад в развитие лингвокультурологического направления – аксиологической лингвистики – и расширяет современные представления о ценностях. В работе уточняются теоретические основы изучения ценностей, предложены определения основных понятий, которые необходимы при таком исследовании.

Ключевые слова: аксиология; категория; ценность; антиценность; интерес; поведение; ценностный ориентир; классификация ценностей; оценка.

VALUE AS A PHILOSOPHIC AND LINGUISTIC CATEGORY

Kadachieva Kh.M., Abdulkadyrova A.B.

Purpose. The article considers the evolution of the concept “value” in domestic and foreign scientific tradition. The so-called “umbrella” nature of the modern linguistics gives an opportunity of versatile and multidimensional study of this phenomenon. Evaluative, dynamic, human attitude to the world, on the one hand, and its fixation, static character in language, on the other hand, caused a contradictory interpretation of traditional concept “value”. Unlike the philosophical category, the linguistic understanding of value does not exclude its bipolar interpretation as “anti-value”.

Originality. The distinction of values in the framework of the two-pronged approach allows determining the specificity of the linguistic

approach to axiological understanding of values and anti-values as verbalized phenomena existing in close connection with pragmatic and cultural attitudes of society.

Methodology. *Systematic and dialectical approaches as well as inductive-deductive and comparative methods are the basis of the research.*

Results. *The goals and objectives of this study determine the multi-dimensional interpretation of the concept “value”. The representation of values as a philosophical, axiological, linguistic and cultural unity is unique. Objectivity, dynamism and systemic nature of value are manifested through its linguistic and verbal embodiment. Studying of values as a philosophical category, the focus is on positive values, while attention of linguistic researchers is mainly addressed to the anti-values, as the embodiment of native speakers antisociality. Numerous classifications of values are the result of evaluative-actional attitude to the world. A value picture of the world, fixed in the consciousness of representatives of a single ethnic group and in the language of this ethnic group, is a system of values, and pseudo-values and anti-values.*

Practical implications. *The significance of this work is determined by the fact that it contributes to the development of linguoculturological direction – axiological linguistics – and it expands modern ideas about values. The theoretical foundations of the study of values are clarified, the necessary definitions of the basic concepts are proposed in the paper.*

Keywords: *axiology; category; value; anti-value; interest; behavior; value orientation; classification of values; evaluation.*

Каждый человек живет в мире ценностей, богатство которого столь значительно и неизмеримо, что никакая эпоха или культура не могут раскрыть его возможностей в полной мере [13].

Понятие «ценность» положило начало теории ценностей – аксиологии, оформившейся в конце XIX века как самостоятельная дисциплина, истоки которой можно обнаружить уже в античной философии. Учение о ценностях связано с именами таких выдающихся мыслителей и гуманистов, как А. Швейцер, М. Ганди, Б. Рассел,

А. Эйнштейн, Х. Ортега-и-Гассет, П. Флоренский, Вл. Соловьев, Н. Бердяев, Л. Карсавин, Н. Федоров и др.

В конце XX века ценности становятся объектом пристального внимания и лингвистов. В это время возникает новая отрасль в науке о языке – аксиологическая лингвистика, важнейшей исследовательской задачей которой является определение методологии и технологии в изучении содержания внутреннего мира языковой личности, ценностных ориентаций личности и общества по данным языка [19, с. 18–19], а также интегрирование достижений в различные области лингвистики. Существенный вклад в теорию ценностей внесли как отечественные ученые – Е.В. Бабаева, В.И. Карасик, Н.А. Красавский, Г.Г. Слышкин, Н.Н. Болдырев, С.И. Виноградов, Е.Ф. Серебрянникова и др., так и зарубежные – J. Potter, M. Wetherell, D. Schiffrin, T.A. Ван Дейк и др.

Различные исторические эпохи и философские направления оставляют свой отпечаток на понимании и толковании ценностей. Так, в античности обсуждение вопросов, имеющих отношение к проблеме ценностей, широко распространено в форме размышлений о красоте, добре, зле. В средние века ценности связывались с божественной сущностью; эпоха Возрождения выдвигала на первый план ценности гуманизма, в Новое время развитие науки определило основной подход к рассмотрению предметов и явлений как ценностей, а в XVII веке впервые в качестве ценности рассматриваются Воля, Свобода, внутренняя активность человека [16].

В аксиологии нет единого определения понятия «ценность». Многие ученые подчеркивают, что в основе понятия ценности лежит интерес. Так, О.Г. Дробницкий отмечает, что «под ценностью, или добром, принято понимать все, что является объектом желания, нужды, стремления, интереса и т.д.» [11, с. 25]. На основе человеческой практики, опыта, потребностей и социальных отношений возникают интересы и потребности людей, которые непосредственно обуславливают заинтересованность человека в чем-то: об объекте можно сказать, что он обладает ценностью, если к нему проявляют какой-то особый интерес [16]. Схожую точку зрения выражает

В.В. Ильин, который утверждает, что ценностью объявляется предмет некоторого интереса, желания, объект в общем смысле, значимый для человека в его целевой предназначимости [13, с. 202].

Более широкое определение дает философская энциклопедия: ценность – это «невербализуемые, «атомарные» составляющие наиболее глубинного слоя всей интенциональной структуры личности – в единстве предметов ее устремлений (аспект будущего), особого переживания-обладания (аспект настоящего) и хранения своего «достояния» в тайниках сердца (аспект прошедшего), которые конституируют ее внутренний мир как «уникально-субъективное бытие» [17].

В лингвистических исследованиях также наблюдается разнообразие определения понятия «ценность», которое зависит от целей и задач исследования, и от характера речевого материала. Так, Н.Ф. Алефиренко под ценностями понимает не материальные или духовные объекты, а модусные (культурно значимые) отношения человека к окружающему миру, служащие ему ценностными ориентирами [2]. Некоторые исследователи в определение ценности вкладывают такое понятие, как поведение. Так, Е.В. Бабаева пишет, что ценности – это цели, которые направляют человека в его деятельности и определяют нормы его поведения [4, с. 60], а в детальном определении А.Н. Усачевой, ценности – это «исторически сложившиеся, обобщенные представления людей о типах своего поведения, возникшие в результате оценочно-деятельностного отношения к миру, образующие ценностную картину мира, закрепленную в сознании представителей отдельного этноса и зафиксированную в языке этого этноса» [23, с. 26]. В.Е. Чернявская также определяет ценности как сформированные представления, значения некоего объекта для субъекта [24, с. 109].

Особую актуальность в лингвокультурологии приобретает работа С.Н. Виноградова, в которой ценность определяется как «идеальное образование, представляющее собой важность (значимость, значительность) предметов и явлений реальной действительности для общества и индивида и выраженное в различных проявлениях

деятельности людей» [7, с. 93]. Согласно С.Н. Виноградову, объективная сущность ценности проявляется через языковое и речевое воплощение представлений людей о ценностях, посредством словесных моделей ценности, создаваемых носителем языка. В качестве примеров выраженности ценностей могут быть такие их названия, как *добро, свобода, справедливость, правда, красота* и т. д.

В литературе также фигурируют такие термины, как «псевдоценность» («квазиценность») и «антиценность». По мнению В.И. Ефимова и В.М. Таланова, ценности и антиценности представляют собой крайности, а псевдоценности занимают промежуточное положение. Псевдоценности и антиценности «антисоциальны», поскольку они представляют собой опасность и вред обществу, несут угрозу деградации и даже уничтожения человечества. Поэтому подобные античеловеческие явления нельзя называть словом, основной частью которого является «ценность» [12]. В качестве примеров квазиценностей И.М. Борзенко, В.А. Кувакин и А.А. Кудишина приводят ошибки, заблуждения, ненадежную информацию, нумерологию, оккультизм и др., а антиценностей – жадность, враждебность, агрессивность, осквернение и разрушение среды обитания, наркоманию, алкоголизм и др. [6, с. 257].

В свое время против термина «антиценность» выступал В.П. Тугаринов, который утверждал, что, признавая «антиценность», мы признаем «отрицательную ценность» достоинства ценностей», т.е., по его мнению, вещь или явление можно или ценить или не ценить, а третьего не дано [22, с. 260].

Г.Г. Слышкин, выделяя ряд различий между философской категорией ценности и соответствующей лингвистической категорией, отмечает, что философия рассматривает преимущественно положительные ценности, тогда как в лингвистике внимание исследователей постоянно обращено как к ценностям, так и к антиценностям. Для лингвиста негативные ценности нередко оказываются даже более притягательными, чем ценности положительные [20]. Так, например, В.И. Карасик исследует концепт «лень» [15, с. 114–119]. А Т.А. Светоносова в своем исследовании приходит к выводу, что

ценность имеет биполярную структуру: каждой ценности соответствует антиценность. Антиценности носят антонимический характер и рассматриваются как понятия, отрицающие ту или иную ценность [18].

В науке не существует унифицированной исчерпывающей классификации ценностей. Так, ученые чаще всего выделяют виды ценностей по сферам бытия (ценности природы, культуры, социума), способу существования (материальные, духовные, духовно-материальные), содержанию (вещные, этические, эстетические, логические), значимости в жизни человека (бытийные ценности и ценности потребления) и т.д. С формальной точки зрения ценности подразделяют на положительные и отрицательные, относительные и абсолютные, субъективные и объективные.

Рассмотрим некоторые классификации, предложенные учеными-философами. А.И. Субетто выстраивает ценности в виде «пирамиды», в основании которой лежат базовые ценности, которые образуют ценностный архетип менталитета народа, передаются через первые этапы погружения ребенка в культурную среду и остаются стабильными на протяжении практически всей жизни [21, с. 65–67]. Верхние страты пирамиды ценностей – это быстро меняющиеся, легче поддающиеся управлению и воздействию ценности.

В.А. Блюмкин выделяет *ценности-цели* (например, человек и его жизнь, смысл жизни, справедливость, красота, истина, свобода) и *ценности-средства* (инструментальные, промежуточные ценности, подчиненные высшим ценностям и обусловленные ими) [5].

В теории Г. П. Выжлецова ценность имеет многоуровневую структуру, в которую включаются польза, норма и идеал. Уровню пользы соответствуют материальные и экономические ценности, уровню нормы – социальные (политика, право, мораль), уровню идеала – духовные ценности (религия, нравственность, искусство) [9].

По мнению С.Ф. Анисимова, ценности бытия можно представить следующим образом: 1) высшие ценности – человечество, человек; 2) материальные ценности – природные ресурсы, труд,

орудия и др., необходимые для существования человечества; 3) ценности социальной жизни – общественные образования, институты, семья, нация, класс, государство; 4) ценности духовной жизни и культуры – научные знания, идеи, нормы, идеалы, призванные удовлетворять духовные потребности [3, с. 23].

Ученые-лингвисты предлагают свои классификация. Так, в работе лингвиста А.В. Головановой ценность рассматривается как отношение субъекта к объекту, и поэтому осмысление ценности предполагает выявление той позиции, которая и определяет природу этого отношения. Она выделяет следующие ценности: 1) этические (нравственные), 2) эстетические, 3) утилитарные, 4) гедонистические [10, с. 56].

В классификации Е.Ф. Серебренниковой выделяются 5 специальных областей бытования ценностей: 1) область Истины (ценность выводится в терминах «истинно/ложно»); 2) область Прекрасного (ценность определяется в терминах «прекрасное/уродливое»); 3) область Этики (ценность выводится в терминах «хорошо/плохо»); 4) область Удовольствия (ценность определяется в терминах «приятное/отвратительное»); 5) область Практической пользы (ценность определяется в терминах «полезно/бесполезно/вредно» [19, с. 29].

Представленный материал доказывает, что в науке нет единой классификации ценностей, поскольку они исследуются с различными целями и с различных точек зрения.

Наряду с ценностью, основной категорией лингвистической и общей аксиологии является и оценка, как форма существования ценностей.

Оценка, как категория философии, рассматривалась и определялась еще в античности, но до сих пор продолжает быть источником интереса современных научных исследований. Так, в философии оценка рассматривается как «акт установления соответствия или несоответствия оцениваемого феномена принятым субъектом ценностям (как положительным, так и отрицательным), на которые ориентирован субъект ценностного отношения» [1].

В.А. Блюмкин поясняет, что оценка означает оценивание (процесс определения ценности) и его результат (суждение о значимости явления или предмета). То есть, оценка ценностей – это отношение между свойствами явлений или предметов и потребностями общества, которое устанавливается актом сознательной человеческой деятельности [5, с. 6]. Оценка связывает человека не только с окружающей реальностью, но и непосредственно с другими людьми, вводя его в мир ценностей.

Во многих лингвистических работах, посвященных проблемам оценки, утверждается, что оценка выражает ценностное отношение субъекта и связана с аксиологической категорией ценности (Е.М. Вольф, Н.Д.Арутюнова, Н.А. Лукьянова и др.). Так, Е.М. Вольф отмечает, что оценка, являясь семантическим понятием, представляет ценностный аспект значения языковых выражений, который можно объяснить как «А (субъект оценки) считает, что Б (объект оценки) хороший/плохой». Оценка может даваться по самым разным признакам («истинность/ложность», «полезность/бесполезность» и т.д.). Но все же, именно такой вид оценки как «хорошо/плохо» предполагает высказывания о ценностях [8, с. 5–8].

Е.Ф. Серебренникова отмечает важность оценочного аспекта, поскольку без него сегодня нельзя представить ни теорию истины, ни теорию и практику интерпретации [19, с. 34]. Для того, чтобы оценить объект или явление, человек должен «пропустить» его через себя. Причем оценке подлежит только то, что нужно (физически и духовно) человеку и Человечеству.

Согласно Н.Ф. Алиференко, оценка может быть (а) *эмоционально-чувственной*, если выражается эмоциями (в виде восхищения или негодования, любви или ненависти); (б) *рационально-вербальной*, если дается оценка значимости объекта (в рецензиях, высказываниях, критических статьях и т.д.); в) *прагматически-поведенческой* (в форме реального действия или поведения). Но для лингвистики оценка, выраженная словесно, является самой важной. Наиболее зримо ценность и оценка связаны с такими языковыми явлениями, как семантика, языковые и речевые средства выраже-

ния значения, парадигматические отношения, обуславливаемые закономерностями варьирования и выбора номинативных единиц (семантико-стилистическая синонимия, вариантность лексических и фразеологических единиц и т. п.) [2].

Таким образом, несмотря на свое «древнее» происхождение проблема ценностей уже давно не является только философской категорией. Все чаще ценности становятся объектом пристального внимания и интереса лингвистов. Проблемы аксиологического понимания ценности рассматриваются в неразрывной связи с языковым выражением ценности и оценки, поскольку наиболее эффективным и распространенным способом передачи информации, содержанием которой является квалификация явлений природы, социума и мышления, является система языка.

Список литературы

1. Азылбекова Г.О. Семантико-прагматические особенности утилитарной оценки (на материале русского и немецкого языков). Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тобольск, 2011. 29 с.
2. Алефиренко Н.Ф. «Лингвокультурология. Ценностно-смысловое пространство языка: учебное пособие». URL: <http://www.studfiles.ru/preview/4272589/> (дата обращения: 05.12.2017).
3. Анисимов С.Ф. Введение в аксиологию: учебное пособие для изучающих философию. М.: Современные тетради, 2001. 128 с.
4. Бабаева Е.В. Лингвокультурологические характеристики русской и немецкой аксиологических картин мира. Дис. ... д-ра филол. наук. Волгоград, 2004. 438 с.
5. Блюмкин В.А. Мир моральных ценностей. М.: Знание, 1981. 64 с.
6. Борзенко И.М., Кувакин В.А., Кудишина А.А. Основы современного гуманизма: учебное пособие для вузов. М.: Российское гуманистическое общество, 2002. 381 с.
7. Виноградов С.Н. К лингвистическому пониманию ценности // Русская словесность в контексте мировой культуры: Материалы Междунар. науч. конф. РОПРЯЛ. Н. Новгород: Изд-во Нижегородского ун-та, 2007. С. 93–97.

8. Вольф Е.М. Функциональная семантика оценки. М.: Наука, 1985. 228 с.
9. Выжлецов Г.П. Аксиология: становление и основные этапы развития // Социально-политический журнал. 1996. № 1. С. 75–99.
10. Голованова А.В. Ценности и оценки в языковом отражении: На материале русского и польского языков. Автореф. дис. ... канд. филол. наук: Пермь, 2002. 16 с.
11. Дробницкий О.Г. Некоторые аспекты проблемы ценностей // Проблема ценности в философии / Под ред. А. Г. Харчева. Л.: Наука, 1966. С. 25–40.
12. Ефимов В.И., Таланов В.М. Общечеловеческие ценности: монография. М.: «Академия Естествознания», 2010. 249 с.
13. Ильин В.В. Аксиология. М.: Изд-во МГУ, 2005. 216 с.
14. Карасик В.И. Культурные доминанты в языке // Языковая личность: культурные концепты: сб. науч. тр. Волгоград-Архангельск: Перемена, 1996. С. 12–18.
15. Карасик В.И. Этноспецифические концепты // Введение в когнитивную лингвистику. Кемерово, 2004. 206 с.
16. Лавриненко В.Н. Философия. Серия Institutions: Юристъ, 1998. 520 с.
17. Новая философская энциклопедия. Институт Философии Российской Академии наук. URL: <https://iphlib.ru/greenstone3/library/collection/newphilenc/page/about> (дата обращения: 04.12.2017).
18. Светонослова Т.А. Сопоставительное исследование ценностей в российском и американском политическом дискурсе: Дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2006. 174 с.
19. Серебренникова Е.Ф. Этносемиотрия как способ лингвистического аксиологического анализа // Лингвистика и аксиология: этносемиотрия ценностных смыслов: коллективная монография. М.: ТЕЗАУРУС, 2011. С. 49-76.
20. Слышкин Г.Г. Лингвокультурные концепты и метаконцепты. Дис. ... д-ра филол. наук. Волгоград, 2004. 323 с.
21. Субетто А.И. Ценности в системе общественного интеллекта. «Ценностная война» и защита ценностной самоидентификации россий-

- ской цивилизации. URL: <http://trinitas.ru/rus/doc/0012/001a/00120111.htm> (дата обращения: 04.12.2017)
22. Тугаринов В.П. Избранные философские труды. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1988. 334 с.
23. Усачева А.К. Лингвистические параметры концепта «состояние здоровья» в современном английском языке. Дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2002. 167 с.
24. Чернявская В.Е. Интертекст и интердискурс как реализация текстовой открытости // Вопросы когнитивной лингвистики. М., Тамбов. 2004. № 1. С. 106–112.

References

1. Azylbekova G.O. *Semantiko-pragmaticheskie osobennosti utilitarnoy otsenki (na materiale russkogo i nemetskogo yazykov)* [Semantic-Pragmatic Features of Utilitarian Evaluation (on the Material of Russian and German Languages)]. Avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Tobolsk, 2011. 29 p.
2. Alefirenko N.F. *«Lingvokul'turologiya. Tsennostno-smyslovoe prostranstvo yazyka: uchebnoe posobie»* [“Linguistic and Cultural Studies. Value-semantic space of language: a tutorial”]. URL: <http://www.studfiles.ru/preview/4272589/> (date of access: 05.12.2017).
3. Anisimov S.F. *Vvedenie v aksiologiyu: uchebnoe posobie dlya izuchayushchikh filozofiyu* [Introduction to Axiology: a Tutorial for Students of Philosophy]. M.: Sovremennye tetrady, 2001. 128 p.
4. Babaeva E.V. *Lingvokul'turologicheskie kharakteristiki russkoy i nemetskoy aksiologicheskikh kartin mira* [Linguistic and Cultural Characteristics of the Russian and German Axiological Pictures of the World]. Dis.... d-ra filol. nauk. Volgograd, 2004. 438 p.
5. Blyumkin V.A. *Mir moral'nykh tsennostey* [The World of Moral Values]. M.: Znanie, 1981. 64 p.
6. Borzenko I.M., Kuvakin V.A., Kudishina A.A. *Osnovy sovremennogo gumanizma: uchebnoe posobie dlya vuzov* [Fundamentals of Modern Humanism: a Textbook for Universities]. M.: Rossiyskoe gumanisticheskoe obshchestvo, 2002. 381 p.

7. Vinogradov S.N. *K lingvisticheskomu ponimaniyu tsennosti* [Concerning the Linguistic Interpretation of Value]. Russkaya slovesnost' v kontekste mirovoy kul'tury: Materialy Mezhdunar. nauch. konf. ROPRYaL. N. Novgorod: Izd-vo Nizhegorodskogo un-ta, 2007: 93–97.
8. Vol'f E.M. *Funktsional'naya semantika otsenki* [Functional Semantics of Evaluation]. M.: Nauka, 1985. 228 p.
9. Vyzhletsov G.P. *Aksiologiya: stanovlenie i osnovnye etapy razvitiya* [Axiology: Formation and Main Stages of Development]. *Sotsial'no-politicheskiy zhurnal*. 1996. № 1: 75–99.
10. Golovanova A.V. *Tsennosti i otsenki v yazykovom otrazhenii: Na materiale russkogo i pol'skogo yazykov* [Values and Assessments in Linguistic Reflection: On the Material of the Russian and Polish Languages]. Avtoref. dis. ... kand. filol. nauk: Perm', 2002. 16 p.
11. Drobnitskiy O.G. *Nekotorye aspekty problemy tsennostey* [Some Aspects of the Issue of Values]. *Problema tsennosti v filosofii* [The problem of value in philosophy] / Ed. A.G. Kharcheva. L.: Nauka, 1966: 25–40.
12. Efimov V.I., Talanov V.M. *Obshchechelovecheskie tsennosti: monografiya* [Universal Values: Monograph]. M.: «Akademiya Estestvoznaniya», 2010. 249 p.
13. Il'in V.V. *Aksiologiya* [Axiology]. M.: Izd-vo MGU, 2005. 216 p.
14. Karasik V.I. *Kul'turnye dominanty v yazyke* [Cultural Dominants in the Language]. *Yazykovaya lichnost': kul'turnye kontsepty: sb. nauch. tr.* [Linguistic identity: cultural concepts]. Volgograd-Arkhangel'sk: Peremena, 1996: 12–18.
15. Karasik V.I. *Etnospetsificheskie kontsepty* [Culture-bound Concepts]. *Vvedenie v kognitivnuyu lingvistiku* [Introduction to cognitive linguistics]. Kemerovo, 2004. 206 p.
16. Lavrinenko V.N. *Filosofiya* [Philosophy]. Seriya Institutions: Yurist, 1998. 520 p.
17. *Novaya filosofskaya entsiklopediya* [New Philosophical Encyclopedia]. Institut Filosofii Rossiyskoy Akademii nauk. <https://iphlib.ru/greenstone3/library/collection/newphilenc/page/about> (date of access: 04.12.2017).
18. Svetonosova T.A. *Sopostavitel'noe issledovanie tsennostey v rossiyskom i amerikanskom politicheskom diskurse* [Comparative Study of Values

- in Russian and American Political Discourse]. Dis. ... kand. filol. nauk. Ekaterinburg, 2006. 174 p.
19. Serebrennikova E.F. *Etnosemiometriya kak sposob lingvisticheskogo aksiologicheskogo analiza* [Ethnosemiometry as a Method of Linguistic Axiological Analysis]. *Lingvistika i aksiologiya: etnosemiometriya tsennostnykh smyslov: kollektivnaya monografiya* [Linguistics and axiology: ethnosemiometry of value meanings: a collective monograph]. M.: TEZAVURUS, 2011: 49–76.
20. Slyshkin G.G. *Lingvokul'turnye kontsepty i metakontsepty* [Linguistic Culture Concepts and Metaconcepts]. Dis. ... d-ra filol. nauk. Volgograd, 2004. 323 p.
21. Subetto A.I. *Tsennosti v sisteme obshchestvennogo intellekta. «Tsennostnaya voyna» i zashchita tsennostnoy samoidentifikatsii rossiyskoy tsivilizatsii* [Values in the system of social intelligence. „Value War“ and the protection of the value identity of Russian civilization]. «Akademiya Trinitarizma». <http://trinitas.ru/rus/doc/0012/001a/00120111.htm> (date of access: 04.12.2017).
22. Tugarinov V.P. *Izbrannye filosofskie trudy* [Selected Philosophical Works]. L.: Izd-vo Leningr. un-ta, 1988. 334 p.
23. Usacheva A.K. *Lingvisticheskie parametry kontsepta «sostoyanie zdorov'ya» v sovremennom angliyskom yazyke* [Linguistic Parameters of the Concept of “State of Health” in Modern English]. Dis... kand. filol. nauk. Volgograd, 2002. 167 p.
24. Chernyavskaya V.E. *Intertekst i interdiskurs kak realizatsiya tekstovoy otkrytosti* [Intertext and Interdiscourse as an Implementation of Textual Openness]. *Voprosy kognitivnoy lingvistiki*. M., Tambov. 2004. № 1: 106–112.

ДАнные ОБ АВТОРАХ

Кадачиева Хайбат Магомедтагировна, кандидат философских наук, доцент
Дагестанский государственный университет
ул. Гаджиева, 43-а, г. Махачкала, Республика Дагестан,
367000, Российская Федерация

Абдулкадырова Асият Багаутдиновна, старший преподаватель
кафедры иностранных языков
Дагестанский государственный университет
ул. Гаджиева, 43-а, г. Махачкала, Республика Дагестан,
367000, Российская Федерация
saidulik1@rambler.ru

DATA ABOUT THE AUTHORS

Kadachieva Khaibat Magomedtagirovna, Candidate of Philological
Sciences, Associate Professor
Dagestan State University
43-a, Gadжиеv Str., Makhachkala, Republic of Dagestan, 367000,
Russian Federation

Abdulkadyrova Asiyat Bagautdinovna, Senior Lecturer, Department
of Foreign Languages
Dagestan State University
43-a, Gadжиеv Str., Makhachkala, Republic of Dagestan, 367000,
Russian Federation
saidulik1@rambler.ru
SPIN-code: 6353-1392
ORCID: 0000-0002-2732-887X

DOI: 10.12731/2077-1770-2018-4-3-69-85

УДК 81-119

ЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ АРГУМЕНТАЦИИ В ЭКОНОМИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Кардович И.К., Коробова Е.В., Зарудная М.В.

Цель. Статья посвящена актуальной теме лингвистической аргументации. Предметом анализа выступает логико-коммуникативная организация текстов экономического дискурса с позиции проявления в них универсальной категории аргументации. Авторы ставят целью установить и классифицировать типы логико-семантических отношений, создающих логический аспект аргументации в сверхфразовых единствах (СФЕ) современного экономического текста, а также показать их функционирование на примере соединительного типа отношений.

Метод или методология проведения работы. Теоретической основой исследования послужили работы отечественных и зарубежных исследователей в области лингвистической аргументации. Методологической базой исследования выступили методы контекстуального и сравнительного анализа, а также индуктивный и дедуктивный методы научного познания.

Результаты. Результаты работы заключаются в том, что авторы провели инвентаризацию и описали логико-семантические отношения, создающие каркас логического аспекта текстовой аргументации в экономическом дискурсе; проанализировали средства выражения этих отношений, соединяющие самостоятельные предложения (или группы предложений) в сверхфразовых единствах (СФЕ) современного экономического текста, а также функционирование одного из трех основных типов логико-семантических отношений – соединительных отношений и их семантических разновидностей.

Область применения результатов. Результаты исследования могут быть использованы в спецкурсе по лингвистике текста, при подготовке учебных пособий, а также при написании курсовых и дипломных работ студентов.

Ключевые слова: дискурс; текст; аргументация; логический аспект аргументации; логико-семантические отношения; соединительные отношения.

LOGICAL ASPECT OF ARGUMENTATION IN ECONOMIC DISCOURSE

Kardovich I.K., Korobova E.V., Zarydnaya M.V.

Purpose. *The article is devoted to the topical issue of linguistic argumentation. The subject of analysis is the logical and communicative organization of texts of economic discourse in terms of their ability to manifest a universal category of argumentation. The authors aim to establish and classify the types of logical-semantic relations that create the logical aspect of argumentation in the superphrase unity (SPU) of the modern economic text, as well as to show their functioning by the example of the connecting type of relations.*

Methodology. *The works of national and foreign researchers in the field of linguistic argumentation make up formed the theoretical basis of the study, while the methods of contextual and comparative analysis, as well as inductive and deductive methods of scientific cognition are the methodological basis of the study.*

Results. *The results of the work are that the authors conducted an inventory and described the logical-semantic relations that create the framework of the logical aspect of the textual argument in economic discourse; analyzed the means of expressing these relations, connecting independent sentences (or groups of sentences) in the superphrase unity (SPU) of the modern economic text, as well as the functioning of one of the three main types of logical-semantic relations-connecting relations and their semantic varieties.*

Practical implications. *The results of the research can be used in a special course on text linguistics, for the preparation of textbooks, as well as in writing student's course and diploma papers.*

Keywords: *discourse; text; argumentation; logical aspect of argumentation; logical and semantic relationships; connective relations.*

Введение

Общеизвестно, что текст неоднократно становился объектом лингвистического исследования. Стремясь установить закономерности организации текста, особенности его структуры, онтологические признаки, авторы выделяют общие параметры текста, такие как информативность, интеграция, связность, цельность, проспекция и ретроспекция, континуум, модальность, когезия, завершенность [1, 12].

По нашему мнению, одной из важнейших характеристик текста, позволяющих установить в нем определенную системность, закономерность, организованность, является категория аргументации.

Аргументации посвящены многочисленные исследования в самых разных областях гуманитарного знания, таких как культурология, философия, литературоведение, психология и прочих. Исключением не стала и лингвистика, теоретики и практики которой на протяжении многих лет занимались широким кругом вопросов, связанных с аргументацией [2, 13, 14, 15, 17]. Однако при всем многообразии работ, посвященных сущностным характеристикам феномена аргументации, механизмов ее порождения и функционирования, большинство исследователей в трактовке этого феномена делают акцент на логической (доказательной) стороне данного явления, а аргументацию нередко представляют, как частный вид коммуникации или один из способов организации дискурса. Считается, что в основе аргументации лежат конфликт или разногласие, которые могут представлять собой недоказанную гипотезу, нерешенную проблему, конфликт мнений.

Мы предлагаем взглянуть на аргументацию шире, как на одну из основополагающих текстовых категорий, на основе которых можно построить некую модель исследования текста в частности и дискурса в целом.

Материалы и методы

Как справедливо указывает Г.В. Колшанский, «нельзя представить, что какое-либо высказывание не несло бы в себе определенной интенции автора, а, следовательно, компонента воздействия

на коммуникативного партнера», то есть не было бы обосновано с позиции получения какого-либо результата в коммуникативном акте [5, с. 141]. Убеждающее воздействие – это цель, которую ставит перед собой любой участник коммуникативной деятельности. В условиях реальной коммуникации эта цель может заключаться в стремлении изменить чьи-то убеждения, чью-то линию поведения, эмоционально воздействовать на реципиента информации, вызывая в нем удивление, страх, желание действовать, побудить объект к нужному поступку, привлечь к сотрудничеству, привести к долговременному изменению представлений и установок человека в требуемом направлении.

Убеждающее воздействие на реципиентов достигается с помощью аргументации, которую мы рассматриваем как логико-коммуникативный процесс, служащий обоснованию определенной точки зрения с целью ее восприятия, понимания и (или) принятия индивидуальным или коллективным реципиентом. Аргументация выступает универсальным средством убеждения, как основного способа речевого воздействия, является каркасом процесса конструирования и передачи знаний как ментальных репрезентаций ситуаций, событий и т.д. реального мира, служит универсальной процедурой коммуникативно-прагматического обоснования определенного фрагмента знания с целью его передачи в ходе дискурсивной деятельности. Иными словами, всякий дискурс\текст предполагает речевое воздействие, всякое речевое воздействие осуществляется через убеждение (и/или внушение), всякое убеждение неразрывно связано с аргументацией. Так как только убеждение основано на осмысленном принятии человеком каких-либо идей, сведений, их оценке и анализе, мы оставляем внушение за рамками данного исследования.

Согласно классическому определению аргументация представлена несколькими аспектами: фактуальным, под которым понимается собственно информация о фактах, привлекаемых в качестве аргументов; риторическим, то есть разнообразные формы и стили речевого и эмоционального воздействия; этическим, означающим

нравственную приемлемость или дозволенность аргументов; логическим, подразумевающим связность и последовательность аргументов, и, наконец, аксиологическим, сопряженным с ценностным подбором аргументов [13].

Мы различаем аналогичные компоненты в текстовой категории аргументации, базовыми из которых является фактуальный, т.е. информационная канва текста, поддерживаемая его предметно-содержательной связностью; логический, представленный логической последовательностью изложения фактуальной информации, и риторический, имеющий целью повлиять на чувства и эмоции реципиента для произведения необходимого убеждающего эффекта.

Настоящая статья посвящена некоторым вопросам логического аспекта аргументации. Материалом исследования послужили тексты экономического дискурса, представляющего одну из важнейших сторон научного знания современного мира.

Традиционно логическая основа аргументации рассматривалась в контексте дедукции – индукции. Опираясь на формально-логическую теорию доказательства, исследователи рассматривали силлогизм как основную модель организации аргументации. Поскольку силлогизмы характерны для закрытых логических систем, описание с их помощью логической основы естественноречевой коммуникации представляется довольно искусственным.

Трактуя природу аргументации шире, рассматривая ее как эффективный механизм для достижения целей дискурса, мы считаем целесообразным перенести исследование логического аспекта аргументации в частности и феномена аргументации в тексте\дискурсе в целом в область прагматической, предметом которой выступает естественноречевая неформальная аргументация, имеющая существенные отличия от строгой индукции или дедукции [6].

Мы провели анализ логической структуры текстов экономического дискурса, создающей каркас логического аспекта текстовой аргументации, и покажем ее функционирование на примере научно-популярных экономических текстов из газеты The Financial Times. В работе описана система текстообразующих логико-семан-

тических отношений; соответствующих средств связи, соединяющих самостоятельные предложения (или группы предложений) в сверхфразовых единствах (СФЕ) современного экономического текста, а также функционирование одного из трех основных типов логико-семантических отношений – соединительных отношений и их семантических разновидностей. Вслед за О.И. Москальской мы рассматриваем СФЕ как микротекст, наделенный основными закономерностями семантико-коммуникативной организации текста [8]. Всего проанализировано около 300 СФЕ научно-популярных текстов экономического дискурса.

В ходе исследования мы осуществили инвентаризацию логико-семантических отношений на основе эксплицитной (формально-выраженной) связи и средств выражения этих отношений в экономических текстах. Она проводилась в следующей последовательности: сначала устанавливались логико-семантические отношения (с учетом имеющихся исследований этих отношений в художественной прозе и в результате собственного ранее проведенного анализа логико-семантической связности научно-технического текста [3], затем определялись средства выражения каждого из них.

Результаты исследования и их обсуждение

Проведенный нами анализ существующих классификаций логико-семантических отношений между самостоятельными предложениями текста, собственное ранее проведенное исследование логико-семантической связности научно-технических текстов, а также анализ организации логического аспекта аргументации в экономических текстах показали, что все логико-семантические отношения в экономическом дискурсе могут быть сведены к трем основным типам: соединительному, противительному и каузативному, в каждом из которых, в свою очередь, различаются семантические разновидности.

Наш список основных типов логико-семантических отношений между самостоятельными предложениями в экономическом дискурсе представлен следующим образом: соединительные отноше-

ния, состоящие из аддитивных, пояснительных и перечислительных отношений; противительные, включающие противительно-ограничительные, противительно-сопоставительные и противительно-уступительные отношения; и каузативные, представленные причинно-следственными и резюмирующими отношениями. Общий список семантических типов отношений и их частотность (в процентах) в материале исследования представлены в таблице 1.

Таблица 1.

**Классификация и частотность логико-семантических отношений
в экономическом тексте**

Логико-семантические типы	Разновидности отношений	Частотность в процентах	Всего процентов
Соединительный	Аддитивные	13.6	27
	Пояснительные	7.9	
	Перечислительные	5.6	
Противительный	Противительно-ограничительные	32.6	59.5
	Противительно-сопоставительные	13.5	
	Противительно-уступительные	13.4	
Каузативный	Причинно-следственные	12.3	13.5
	Резюмирующие	1.1	
100%			

Проведя инвентаризацию логико-семантических отношений, мы определили средства выражения каждого из типов и разновидностей этих отношений.

В вопросе о средствах выражения логико-семантических отношений исследователи сходятся в том, что это языковые единицы, специально предназначенные для соединения предложений [7, 10]. К общепризнанным средствам выражения логико-семантических отношений относят союзы и союзные наречия, т.е. слова, образовавшиеся из обстоятельственных и качественных наречий, ранее определявших глагол типа *thus, therefore*. Кроме того, в состав средств связи включают сочетания предлогов и других частей речи – существительных, местоимений, известных в литературе под названиями: «словосочетания союзного характера» [4]; «prepositional phrases» [16]. В нашей работе для их обозначения используется

термин И.А. Пеговой «эквивалент союзного наречия». И.А. Пегова объединяет в класс эквивалентов союзных наречий сочетания знаменательного слова с предлогом, имеющие сходное с союзными наречиями лексико-грамматическое значение и выполняющие одинаковую функцию, то есть служащие средствами связи самостоятельных предложений [11, с. 98].

Изучение структуры связных текстов показало, что помимо слов и словосочетаний в оформлении логико-семантических отношений могут участвовать также части сложного предложения и самостоятельные предложения [9]. Это так называемые «служебные предложения», для которых функция связывания самостоятельных предложений является основной, например: *This means that... , This is because... .*

Средства выражения логико-семантических отношений в обследованном материале, то есть союзы, союзные наречия, эквиваленты союзных наречий, части сложного предложения (в обследованном материале не встретились самостоятельные предложения в качестве средств выражения логико-семантической связности), с указанием их частотности в целом и по отдельным типам отношений приводятся в таблице 2.

Таблица 2.

Частотность средств выражения логико-семантических типов отношений в экономическом тексте

Типы логико-семантических отношений	Частотность в процентах			
	Союзы	Союзные наречия	Эквиваленты союзных наречий	Части сложного предложения
Соединительный	6.6	6.7	12.4	1.1
Противительный	38.3	16.9	4.5	0
Каузативный	10.2	0	1.1	2.2
Итого	55.1	23.6	18	3.3
Всего	100%			

Переходим к описанию соединительного типа логико-семантических отношений и средств их выражения в экономическом тексте. Определено его общее содержание, даются определения семантиче-

ских разновидностей и приводятся их примеры на основе эксплицитной связи. По возможности мы сравниваем результаты нашего анализа текстов экономического дискурса с данными исследований логико-семантических отношений в художественной прозе из других работ, а также с результатами собственного ранее проведенного анализа научно-технических текстов и ограниченного анализа художественных текстов.

Соединительные отношения связывают согласованные по смыслу, непротиворечивые предложения. Внутри соединительного типа отношений мы различаем аддитивные отношения с семантически разновидностями дополнительности, сходства и подтверждения; пояснительные отношения, которые включают толкование и иллюстрацию, и перечислительные отношения. В нашем материале по частотности соединительные отношения занимают второе место, после противительных отношений. В проведенном ранее анализе научно-технического дискурса соединительные отношения занимают лидирующую позицию по частотности. В проанализированных текстах экономического дискурса соединительные отношения передаются имплицитно и союзными средствами: союзами, союзными наречиями, эквивалентами союзных наречий, а также частями сложного предложения. Поскольку эксплицитная связь более наглядна, мы будем приводить примеры только с ней, имея в виду, что каждое из приводимых отношений может быть имплицитным.

Аддитивные отношения

Отношение дополнительности передает самое общее значение дополнения содержания предшествующего предложения новой информацией. В материале исследования средствами его выражения выступают: союз *and*; эквиваленты союзного наречия *in addition*, *at the same time*; часть сложного предложения *what is more*. Самым частотным из всех указанных средств является союз *and*. При этом, полученные нами ранее результаты по функционированию этого союза показывают, что, являясь одним из самых распространенных средств выражения дополнительности в художественной прозе,

союз *and* в научно-техническом дискурсе используется ограниченно. В нем наиболее распространенным средством выражения дополнительности служит эквивалент союзного наречия *in addition*, который в нашем материале встретился всего один раз. По-видимому, в экономических текстах научно-популярных статей, адресованных как специалистам, так и непрофессиональной взрослой аудитории, частое использование союза *and* в качестве средства выражения дополнительности в противовес использованию языковых показателей, подчеркивающих доказательность, логичность, безличный характер дискурса, позволяет снять излишнюю строгость научного изложения, смягчить аргументацию, внести добавочные смысловые оттенки в значение дополнительности.

Следующий отрывок текста иллюстрирует использование союза *and* для передачи дополнительной, добавочной информации к содержанию предшествующего предложения (пример 1).

- (1) When you are taking an investment decision or looking to build infrastructure, it needs to be part of the whole due diligence and risk management package”, she says. “And it needs to bear sufficient weight within that decision – making process because ... (The Financial Times, 08/04/2010, S. Murray).

Отношение сходства означает смысловую идентичность, равнозначность соединяемых предложений. В нашем материале оно представлено эквивалентом союзного наречия *in much the same way*.

- (2) Rudolph Giuliani, Mayor of New York at the time of the terrorists attacks of 2001, was not only in the right place at the right time, he also offered New Yorkers hope for the future – he assured them that New York would be back. In much the same way, Andrew Higinson, Finance Director of UK retailer Tesco, recently said that the unpopularity of the retail banks represented an opportunity for them to further develop their popular brand in the financial services business (The Financial Times, 16/02/2009, M. Skapinker).

Союзные наречия *likewise* и *similarly*, активно передающие отношение сходства в научно-техническом тексте, в нашем материале не встретились.

Отношение подтверждения, также, как и отношения дополненности и сходства, означает добавление новой информации к ранее сказанному. А именно, подтверждение содержания предыдущего предложения. В материале исследования это отношение оформлено эквивалентом союзного наречия *in fact*, также характерным для научно-технического дискурса.

- (3) Ms Bell says that, in highly stressful conditions people often believe that aggressive or bullying behavior is justified. In fact, she suggests, leaders may need to take more care to understand why people are not performing well and work harder to motivate them (The Financial Times, 11/03/2009, M. Witzel).

Пояснительные отношения

Отношение иллюстрации соединяет предложения, первое из которых имеет характер общего суждения, а последующие (одно или несколько) уточняют, раскрывают его содержание. В нашем материале, как и в исследованных ранее научно-технических текстах, отношение иллюстрации составляет 90 процентов случаев пояснительных отношений, что полностью противоположно данным о функционировании этих отношений в художественных текстах. Экспликаторами отношения иллюстрации в экономических текстах выступают эквиваленты союзных наречий *for instance*, *for example*, характерные также для научно-технического дискурса.

- (4) The crowd funding concept derives from crowd sourcing whereby organizations ask the public, usually via the Internet, to do jobs typically done by their employees. For example, The Guardian newspaper's website recently asked readers to trawl through 700,000 expense claims by British Members of Parliament to find acts of wrongdoing (The Financial Times, 29/07/2009, E. Jacobs).

Отношение толкования соединяет самостоятельные предложения, являющиеся двумя различными изложениями одного и того же факта. В материале исследования эксплицитное выражение этого отношения не встретилось.

Перечислительные отношения

К перечислительным мы относим отношения, которые обеспечивают фиксацию, систематизацию фактов, явлений, действий по степени их объективной значимости и важности. В обследованных нами экономических текстах на долю перечисления среди отношений соединительного типа приходится 25 процентов. При этом в художественной прозе отношение перечисления встречается так редко, что многие исследователи не включают его в классификации логико-семантических отношений в художественных текстах.

В нашем материале средствами выражения перечисления выступают традиционно выражающие это отношение в научно-технических текстах *first(ly), second(ly), next, then*.

- (5) Charles Thomas of Kroll, a company whose services include background checks on job applicants, says that inaccuracies on CVs divide into three main groups. First, there are honest mistakes, typically made when candidates mix up dates. Second, there is deliberate lying about qualifications ... (The Financial Times, 04/ 03/2009, Guthrie J.).

Заключение

1. Аргументация, являясь универсальным способом организации дискурса для обоснования определенной точки зрения пропонента с целью ее восприятия, понимания и (или) принятия индивидуальным или коллективным реципиентом, с точки зрения логико-коммуникативной организации экономических текстов проявляется в трех основных типах логико-семантических отношений, связывающих самостоятельные предложения текста между собой и в рамках сверхфразовых единств (СФЕ) в целом: соединительный, противительный и каузативный. Преобладающим типом логико-семантических отношений в экономическом тексте выступают противительные отношения.

2. Внутри трех основных типов логико-семантических отношений, функционирующих в СФЕ экономических текстов, различаются несколько семантических разновидностей: соединительные

отношения включают аддитивные, пояснительные и перечислительные отношения; противительные отношения состоят из противительно-ограничительных, противительно-сопоставительных и противительно-уступительных отношений; каузативные представлены причинно-следственными и резюмирующими отношениями.

3. Своеобразие логико-семантических отношений в экономическом тексте в сравнении с этими отношениями в научно-техническом и художественном текстах заключается в их частотности и составе. В экономическом тексте наиболее частотными являются противительные отношения, вслед за которыми идут соединительные. Напротив, ранее проведенный анализ научно-технического текста показал противоположный результат – самыми частотным типом отношений в научно-техническом тексте является соединительный. Специфика состава отношений соединительного типа заключается в следующем: в материале исследования не встретилось эксплицитное выражение отношения толкования; ввиду достаточно высокой частотности в нашу классификацию входят отношения перечисления и иллюстрации, которые включаются далеко не во все классификации логико-семантических отношений в художественной прозе.

4. Средствами выражения логико-семантических отношений в экономическом тексте выступают союзы, союзные наречия, эквиваленты союзных наречий, а также части сложного предложения. Из них наиболее частотными показателями отношений являются союзы.

Список литературы

1. Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования. М: Наука, 1981. 137 с.
2. Дашкова С.Ю. Логико-прагматический анализ аргументации в научно-учебном тексте [На материале французского и русского языков]: дис. ... канд. филол. наук. Кемерово, 2004. 154 с.
3. Кардович И.К. Связность в научно-техническом тексте: дис. ... канд. филол. наук. М., 1990. 205 с.

4. Кобрин Н.А. Синтаксические средства связи между самостоятельными предложениями в современном английском языке: дис. ... канд. филол. наук. Л., 1953. 308 с.
5. Колшанский Г.В. Коммуникативная функция и структура языка. М.: Наука, 1984. 174 с.
6. Куликова О.В. Лингвопрагматические основания теории аргументации (на материале английского языка): дис. ... докт. филол. наук. М., 2011. 367 с.
7. Мальчевская Л.М. Некоторые языковые средства выражения связи между предложениями: дис. ... канд. филол. наук. М., 1964. 184 с.
8. Москальская О.И. Грамматика текста. М: Высшая школа, 1981. 183 с.
9. Новицкая И.М. К синтаксису связного текста (на материале немецкого языка): автореф. дис. ... канд. фил. наук. Л., 1973. 22 с.
10. Павловская В.Н. Процессы грамматизации лексических средств связи предложений в тексте: дис. ... канд. филол. наук. Л., 1982. 201 с.
11. Пегова И.А. Союзные наречия и эквиваленты союзных наречий как средства связи самостоятельных предложений в современном английском языке (Новоанглийский период): дис. ... канд. филол. наук М., 1982. 209 с.
12. Тураева З.Я. Лингвистика текста (Текст: Структура и семантика). Учеб. пособие для студентов пед. ин-тов по спец. № 2103 «Иностр. яз.». М.: Просвещение, 1986. 127 с.
13. Философский энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1989. 776 с.
14. Hitchcock D., Verheij B. (eds): *Arguing on the Toulmin Model. New Essays in Argument Analysis and Evaluation*. Springer, Dordrecht, 2006. 439 p.
15. Perelman Ch., Olbrechts-Tyteca L. *The New Rhetoric: A Treatise on Argumentation*. South Bend, Indiana, U.S.A., Univ. of Notre Dame Press. 1969. 45 p.
16. Quirk R., Greenbaum S., Leech G. *A University Grammar of English*. Moscow: М.: Высшая школа, 1982. 391 p.

17. Toulmin S.E. *The Uses of Argument*. Cambridge: University Press, 1958. 230 p.

References

1. Galperin I.R. *Tekst kak obekt lingvisticheskogo issledovaniya* [Text as an Object of Linguistic Research]. M: Nauka, 1981. 137 p.
2. Dashkova S.Yu. *Logiko-pragmaticheskij analiz argumentacii v nauchno-uchebnom tekste [Na materiale francuzskogo i russkogo yazykov]* [Logical-Pragmatic Analysis of Argumentation in the Scientific and Educational Text [As Based on the French and Russian Languages]: dis. ... kand. filol. nauk. Kemerovo, 2004. 154 p.
3. Kardovich I.K. *Svyaznost v nauchno-tehnicheskome tekste* [Connectivity in the Scientific and Technical Text]: dis. ... kand. filol. nauk. M., 1990. 205 p.
4. Kobrina N.A. *Sintaksicheskie sredstva svyazi mezhdu samostoyatelnyimi predlozheniyami v sovremennom anglijskom yazyke* [Syntactic Means of Communication between Independent Sentences in Modern English]: dis. ... kand. filol. Nauk. L., 1953. 308 p.
5. Kolshanskij G.V. *Kommunikativnaya funkciya i struktura yazyka* [Communicative Function and Structure of the Language]. M.: Nauka, 1984. 174 p.
6. Kulikova O.V. *Lingvopragmaticheskie osnovaniya teorii argumentacii (na materiale anglijskogo yazyka)* [Linguopragmatic Grounds of the Theory of Argumentation (as Based on the material of the English language)]: dis. ... dokt. filol. nauk. M., 2011. 367 p.
7. Malchevskaya L.M. *Nekotorye yazykovye sredstva vyrazheniya svyazi mezhdu predlozheniyami* [Certain Language Means of Expressing the Relations between Sentences]: dis. ... kand. filol. Nauk. M., 1964. 184 p.
8. Moskalskaya O.I. *Grammatika teksta* [The Text Grammar]. M: Vysshaya shkola, 1981. 183 p.
9. Novickaya I.M. *K sintaksisu svyaznogo teksta (na materiale nemeckogo yazyka)* [Concerning the Syntax of the Coherent Text (as Based on the German language)]: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. L., 1973. 22 p.

10. Pavlovskaya V.N. *Processy grammatizacii leksicheskikh sredstv svyazi predlozhenij v tekste* [The Processes of Grammatical Lexical Means of Communication of Sentences in the Text]: dis. ... kand. filol. nauk. L., 1982. 201 p.
11. Pegova I.A. *Soyuznye narechiya i ekvivalenty soyuznyh narechij kak sredstva svyazi samostoyatelnyh predlozhenij v sovremenном anglijskom yazyke (Novoanglijskij period)* [Conjunctive Adverbs and Equivalents of Conjunctive Adverbs as a Means of Linking Separate Sentences in Modern English (Modern English Period)]: dis. ... kand. filol. nauk. M., 1982. 209 p.
12. Turaeva Z.Ya. *Lingvistika teksta (Tekst: Struktura i semantika)* [Text Linguistics (Text: Structure and Semantics)]. Ucheb. posobie dlya studentov ped. in-tov po spec. № 2103 «Inostr. yaz.». M.: Prosveshenie, 1986. 127 p.
13. *Filosofskij enciklopedicheskiy slovar* [Philosophical Encyclopedic Dictionary]. M.: Sovetskaya enciklopediya, 1989. 776 p.
14. Hitchcock D., Verheij B. (eds): *Arguing on the Toulmin Model. New Essays in Argument Analysis and Evaluation*. Springer, Dordrecht, 2007. 477 p.
15. Perelman Ch., Olbrechts-Tyteca L. *The New Rhetoric: A Treatise on Argumentation*: South Bend, Indiana, U.S.A. Univ. of Notre Dame Press. 1969. 45p.
16. Quirk R., Greenbaum S., Leech G. *A University Grammar of English*. M.: Vysshaya shkola, 1982. 400 p.
17. Toulmin S.E. *The Uses of Argument*. Cambridge: University Press, 1958. 230 p.

ДАнные ОБ АВТОРАХ

Кардович Ирина Кимовна, доцент кафедры иностранных языков
№ 1, кандидат филологических наук
*Российский государственный экономический университет
им. Г.В. Плеханова*
Стремянный пер., 36, г. Москва, 115054, Российская Федерация
kardovich.irina@gmail.com

Коробова Екатерина Владимировна, доцент кафедры иностранных языков №1, кандидат педагогических наук,
*Российский государственный экономический университет
им. Г.В. Плеханова*
Стремянный пер., 36, г. Москва, 115054, Российская Федерация
ekkorobova@yandex.ru

Зарудная Мария Владимировна, старший преподаватель кафедры иностранных языков №1,
*Российский государственный экономический университет
им. Г.В. Плеханова*
Стремянный пер., 36, г. Москва, 115054, Российская Федерация
marya_zarudnaya@mail.ru

DATA ABOUT THE AUTHORS

Kardovich Irina Kimovna, Associate Professor in Foreign Languages
Department №1, Ph.D. in Philological Science
Plekhanov Russian State University of Economics
36, Stremyanniy lane, Moscow, 125993 Russian Federation
kardovich.irina@gmail.com

Korobova Ekaterina Vladimirovna, Associate Professor in Foreign
Languages Department №1, Ph.D. in Pedagogical Science
Plekhanov Russian State University of Economics
36, Stremyanniy lane, Moscow, 125993 Russian Federation
ekkorobova@yandex.ru

Zarudnaya Maria Vladimirovna, Senior Teacher in Foreign Languages
Department №1
Plekhanov Russian State University of Economics
36, Stremyanniy lane, Moscow, 125993 Russian Federation
marya_zarudnaya@mail.ru

DOI: 10.12731/2077-1770-2018-4-3-86-97

УДК 811.11-112

НАЦИОНАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ В БРИТАНСКОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Кауфова И.Б., Кауфова Л.А.

Цель. Авторы ставят целью выделить и проанализировать собственные британскому политическому лидеру Терезе Мэй лексические средства реализации национальной идентичности, с помощью которых политиком решаются коммуникативные задачи.

Метод и методология исследования. Основными методами исследования данной работы являются сопоставительный, лингвистический и описательный.

Результаты. С лингвистической точки зрения британская национальная идентичность выражается скорее через лексику, подчеркивающую политические и этические ценностно-ориентированные качества, которые считаются традиционными для данной страны, чем через характерные национальные признаки.

Область применения результатов. Результаты исследования могут быть применены в области политической лингвистики, культурологи и риторики.

Ключевые слова: политический дискурс; национальная идентичность; глобализация; языковые средства; Великобритания; британскость; английскость; премьер-министр.

NATIONAL IDENTITY IN BRITISH POLITICAL DISCOURSE

Kaufova I.B., Kaufova L.A.

Purpose. The article deals with analyzing the linguistic ways of modelling the notion of national identity in the British political discourse. The analysis of the speech, delivered by British Prime Minister Theresa

May, helps to identify a set of strategies used to perform her communicative tasks.

Methodology. *The comparative, linguistic and descriptive methods are used as basic methods of the survey.*

Results. *In terms of linguistics the British national identity is expressed through a vocabulary, showing the political values and values based on ethics, which are considered traditional for this country, rather than through characteristic national features.*

Practical implications. *Research results can be applied in political linguistics, cultural science and rhetoric.*

Keywords: *political discourse; national identity; globalization; language features; Great Britain; Britishness; Englishness; prime minister.*

Проблема национальной идентичности приобретает все большую значимость среди категорий гуманитарных наук и, в силу этого, является одним из ведущих направлений работы антропологов, историков, этнологов, культурологов и лингвистов. Именно национальная идентичность определяет ключевые рамки в самоопределении личности в обществе и самого общества, помогает выжить и сохранить самоуважение и цельность натуры в современных условиях глобализации и радикальных социокультурных перемен. Актуальность статьи обусловлена тем, что на фоне глобализации особую важность приобретают вопросы изучения специфики функционирования языка в политическом дискурсе, так как именно политический дискурс нагляднее всего отражает изменения в жизни всего человечества. При этом внимание ученых сосредоточено не только на лингвистической составляющей дискурса, но и на различных экстралингвистических факторах, таких как политические, исторические, социокультурные и др.

Научная новизна работы обусловлена тем, что впервые в ней уточняется набор стратегий, тактик и лингвистических средств, которым пользуется в своих выступлениях известный британский политик (действующий премьер-министр Великобритании Тереза Мэй) в целях реализации национальной идентичности.

Целью данной статьи является анализ речи премьер-министра Великобритании с лингвистической точки зрения на предмет вы-

явления способов проявления национальной идентичности в британском политическом дискурсе. Материалом исследования послужило публичное выступление премьер-министра Великобритании Т. Мэй 2 марта 2018 г., состоявшееся в резиденции лондонского лорда-мэра (Мэнсон-хаус), в котором политик рассказала о главных пожеланиях Великобритании к ЕС в плане экономических взаимоотношений после выхода Великобритании из Евросоюза.

Известно, что конец XX – начало XXI в., знаменующие окончание холодной войны и рост мобильности людей, характеризуются нарушением налаженных ранее этнокультурных, производственных и политических связей. Феномен идентичности связан с тем, что у человека существуют этнические и идеологические потребности [2]. Выделяются этническая, идеологическая и биологическая идентичности, каждая из которых в свою очередь подразделяется на определенные подтипы. В частности, идеологическую идентичность можно разделить на социальную и политическую. Некоторые виды идентичности располагаются на стыке разных типов. Например, социокультурная идентичность находится на стыке идеологической и этнической [11, с. 55]. Идентификация помогает сделать процессы мышления и коммуникации более эффективными. По словам Д. Питерсона, типы групповой идентичности можно изобретать неограниченное количество раз, потому что критериев для определения идентификации бесконечное множество. Именно поэтому групповая идентичность активно используется в политике, в особенности ее роль велика при построении авторитарных и тоталитарных государств [14].

Национальная идентичность представляется одной из наиболее проблематичных в силу того, что она всегда воспринималась как само собой разумеющийся факт, а не сознательный выбор. Тем не менее, в последние десятилетия проблема национальной идентичности вышла на первый план из-за стремления одних наций к интеграции, а других – к культурной и политической самостоятельности. Как считает Ю.А. Эмер, эти явления связаны с «процессами глобализации, предопределяющими, с одной стороны, унификацию культуры, с другой – стремление к национальной идентификации» [12, с. 18].

Особенно актуальным вопрос национальной идентификации является для Великобритании, поликультурного общества, в котором сосуществуют разные национально-культурные группы. В этом государстве регулярно возникают дебаты между партиями страны с целью как можно привлекательнее представить идеальную нацию, в которую они верят, и которая служит образцом для их народа, всего человечества и, главное, их избирателей. В своих выступлениях, особенно во время избирательных компаний, различные политические партии выступают за расширение прав этнических меньшинств и предоставление национального суверенитета некоторым областям, пытаясь привлечь на свою сторону большее количество голосов избирателей. Как известно, Великобритания, будучи объединением Англии, Шотландии, Уэльса и Северной Ирландии, переживает кризисный период самоопределения и, в силу этого, подъема идентификации. Необходимо отметить, что региональное самосознание не замещает этнонациональное и не снимает проблемы социальной и ментальной неопределенности. По мнению некоторых исследователей, суть английского кризиса можно определить формулой «английскость против британскости» (*Englishness versus Britishness*), как имперскость против самобытности, мультикультурализм против культурного единства, магистральность против локальности [3, с. 3]. Английскость в данный период представляет совокупность английских «этнических» ценностей и ориентаций, в то время как британскость скорее относится к концепту надэтнической гражданской (имперской и постимперской) британской идентичности. Бытует мнение, что ранее жители Британских островов относились к другим народам снисходительно, приписывая себе англосаксонскую исключительность. Колониальное прошлое страны обусловило наслоение национальной идентичности на этническую [1, с. 77]. Л. Коллей выделяет следующие факторы, подорвавшие национальную идентичность Великобритании: упадок протестантизма как основного признака идентичности, ослабление монархии, конец имперского величия и обогащения, слабеющая поддержка среди населения централизованной системы управления в стране,

передача части суверенитета Европейскому союзу, иммиграция в Великобританию из стран Содружества и мусульманских стран, приватизация государственных компаний, конституционные изменения, кризис общебританской классовой политики [13].

С лингвистической точки зрения особая роль в проявлении национальной идентичности отводится лексико-семантическим средствам, поскольку лексические единицы бесспорно ярче всего выражают мировосприятие носителей определенного языка, делая их наиболее эффективными средствами самоидентификации [11, с. 61]. Определение национальной идентичности в риторике Т. Мэй осуществляется при помощи прямых и контекстуальных лексических номинаций британской нации (*the United Kingdom, Britain, the nation, our precious union*):

1) *Now I am here... to set out my vision for the future economic partnership between the United Kingdom and the European Union.* / Я нахожусь здесь ... с целью представить свое видение будущего экономического партнерства Соединенного Королевства и Евросоюза. (здесь и далее перевод выполнен И.Б. Кауфовой и Л.А. Кауфовой).

2) *... we will make Britain a country that works not for a privileged few, but for every one of us.* / ... мы сделаем Британию страной, которая служит не горстке привилегированных, но каждому из нас.

3) *... I stood in Downing Street and addressed the nation for my first time as Prime Minister.* / ... я стояла на Даунинг-стрит и обращалась к нации впервые в качестве премьер-министра.

4) *... nor will I allow anything that would damage the integrity of our precious Union.* / ... я также не позволю ничему нарушить целостность нашего драгоценного союза.

Необходимо отметить, что британская национальная идентичность выражается скорее через политические и этические ценностно-ориентированные признаки, которые считаются традиционными для данной страны, чем через характерные национальные признаки (*pioneers, innovators, explorers, creators, cradle for innovation, a leader in the industries of the future, a champion of free trade, modern, outward-looking, tolerant* и др./первооткрыватели, первопроходцы, исследо-

ватели, создатели, колыбель инноваций, лидер отраслей промышленности будущего, поборник свободной торговли, современная, космополитическая, толерантная и др.) [1, с. 78]:

1) *A nation of pioneers, innovators, explorers and creators. A country that celebrates our history and diversity, confident of our place in the world; that meets its obligations to our near neighbours and far off friends, and is proud to stand up for its values.* / Страна первооткрывателей, первопроходцев, исследователей и создателей. Страна, которая прославляет свою историю и многообразие, уверенная в своем месте в мире, которая выполняет обязательства перед ближайшими соседями и далекими друзьями, гордится и отстаивает свои ценности.

2) *A United Kingdom which is a cradle for innovation; a leader in the industries of the future; a champion of free trade...; a modern, outward-looking, tolerant country, proud of our values and confident of our place in the world.* / Великобритания является колыбелью инноваций, лидером отраслей промышленности будущего, поборником свободной торговли...; это современная, космополитическая, толерантная страна, гордящаяся своими ценностями и уверенная в месте, которую занимает в мире.

3) *A Global Britain which thrives in the world by forging a bold and comprehensive economic partnership...; and reaches out beyond our continent, to trade with nations across the globe.* / Глобальная Британия, которая процветает в мире, налаживая смелое всеобъемлющее экономическое партнерство...; которая устанавливает контакты за пределами континента по всему миру.

Используя стратегию сплочения наций, Т. Мэй все время обращается к проблемным вопросам сохранения единства государства на фоне самобытности некоторых исторических частей страны и их желания приобрести независимость и самостоятельность, о чем свидетельствует, например, референдум о независимости Шотландии, прошедший в сентябре 2014 г.:

1) *We must bring our country back together, taking into account the views of everyone who cares about this issue....* / Мы снова должны сплотить нашу страну, учитывая точку зрения каждого, кого волнует этот вопрос....

2) ... *it is my duty to represent all of our United Kingdom, England, Scotland, Wales and Northern Ireland; north and south, from coastal towns and rural villages to our great cities.* / ... *считаю своей обязанностью представлять все Соединенное Королевство: Англию, Шотландию, Уэльс и Северную Ирландию; север и юг; от прибрежных городков и деревень до наших больших городов.*

3) *It was a vote to take control of our borders, laws and money. And a vote for wider change, so that no community in Britain would ever be left behind again.* / *Это было голосование за контроль над нашей границей, законом и капиталом. А также голосование за более обширные изменения, чтобы ни одно сообщество не было забыто.*

4) ... *it (the new agreement we reach with the EU) must strengthen our union of nations and our union of people.* / ... *оно (новое соглашение с Евросоюзом) должно укрепить наш союз наций и союз нашего народа.*

В выступлении Терезы Мэй косвенно сквозит идея конфессионального равноправия и, соответственно, присутствует лексика, подтверждающая национальную идентичность полиэтнической и многоконфессиональной страны (*modern, open, outward-looking, tolerant, whatever your background/современное, свободное, космополитическое, либеральное (государство), вне зависимости от происхождения*):

1) *Fourth, it (the new agreement we reach with the EU) must be consistent with the kind of country we want to be as we leave: a modern, open, outward-looking, tolerant, European democracy.* / *В-четвертых, оно (новое соглашение с Евросоюзом) должно соответствовать такой стране, которой мы хотим остаться при выходе (из Евросоюза): современным, свободным, космополитическим, толерантным (либеральным) демократическим государством.*

2) *We will do everything we can to help anybody, whatever your background, to go as far as your talents will take you.* / *Мы сделаем все возможное, чтобы помочь каждому, вне зависимости от происхождения, проявить все свои таланты.*

Итак, проведенный анализ позволяет сделать вывод, что понятие национальной идентичности Великобритании значительно расширилось, что связано с произошедшим распадом империи, борьбой народов страны за признание своей индивидуальности, иммигра-

цией в Великобританию из стран Содружества и мусульманских стран и другими факторами. Изменения в образе жизни британцев призывают политических лидеров апеллировать к концепту «британскость», формируя критерии идентичности, указывающие на культурно-языковое и социальное родство граждан, активируя самосознание и чувство национальной общности. Концептуальное понятие национальной идентичности проявляется как в эксплицитной, так и в имплицитной форме. С лингвистической точки зрения британская национальная идентичность выражается скорее через лексику, подчеркивающую политические и этические ценностно-ориентированные качества, которые считаются традиционными для данной страны, чем через характерные национальные признаки.

Список литературы

1. Демидова Д.Г. Понятие национальной идентичности в политическом дискурсе Великобритании (на материале текстов публичных выступлений парламентариев консерваторов в 2010–2016 годах) // Социальные и гуманитарные знания. Ярославль: ЯрГУ им. П.Г. Демидова, 2017. Том 3. № 1. С. 76–80.
2. Ершов П.М. Потребности человека. М.: Мысль, 1990. 368 с.
3. Караваева Д.Н. Английскость: дискурс (на материалах современной северной Англии: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.07: Екатеринбург, 2014. 35 с.
4. Кауфова И.Б., Кауфова Л.А. Коммуникативные тактики самопрезентации политического деятеля (на примере публичного выступления Терезы Мей) // Разноуровневые черты языковых и речевых явлений. Межвузовский сборник научных трудов. Пятигорск: ПГУ, 2018. С. 41–48.
5. Кауфова И.Б. Лингво-коммуникативные стратегии в предвыборных речах Хиллари Клинтон // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2016. № 9–2 (63). С. 100–103.
6. Кауфова И.Б., Кауфова Л.А. Политкорректность в британском политическом дискурсе // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2017. № 10–1 (76). С. 111–114.
7. Кауфова И.Б. Сопоставительные характеристики просодической реализации незавершенности в политическом дискурсе (на примере

- русского языка) // Новые идеи в лингвистике XXI века: Актуальные проблемы и тенденции в рамках современных направлений лингвистической мысли. Межвузовский сб. научных трудов, посвященный памяти профессора Л.П. Бердниковой. Пятигорск: ПГЛУ, 2016. С. 117–124.
8. Кауфова И.Б. Экстралингвистические факторы в реализации синтагм с незавершенностью в политическом дискурсе // Университетские чтения – 2016. Материалы научно-методических чтений ПГЛУ. Пятигорск: ПГЛУ, 2016. С. 160–166.
  9. Кауфова Л.А. Когнитивно-дискурсивный подход к анализу британской политической речи // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2016. № 9–2 (63). С. 103–107.
  10. Кауфова Л.А. Особенности когнитивного подхода к анализу британского политического дискурса // Университетские чтения-2016. Материалы научно-методических чтений ПГЛУ. Пятигорск: ПГЛУ, 2016. С. 104–110.
  11. Ширяев Н.С. Коммуникативные стратегии репрезентации национальной идентичности в политическом медиадискурсе (на материале английского и французского языков): дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19: Саратов, 2017. 195 с.
  12. Эмер Ю.А. Миромоделирование в современном песенном фольклоре: когнитивно-дискурсивный анализ: автореф. дис. ... докт. филол. наук: 10.02.01: Томск, 2011. 41 с.
  13. Colley L. *Britons: Forging the Nation. 1707–1837: New Haven and London: Yale University Press, 1992. 432 p.*
  14. Peterson J.B. *Maps of Meaning: The Architecture of Belief: Routledge, 2000. 564 p.*

Источник фактического материала

1. Prime Minister **Theresa May's** speech on our future economic partnership with the European Union. Published 2 March 2018 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.gov.uk/government/speeches/pm-speech-on-our-future-economic-partnership-with-the-european-union> (дата обращения 7.09.2018).

References

1. Demidova D.G. Ponyatie nacional'noj identichnosti v politicheskom diskurse Velikobritanii (na materiale tekstov publicnyh vystuplenij parlamentariev konservatorov v 2010–2016 godah) [The Notion of National Identity in British Political Discourse (based on speeches delivered by Tory MPs published in 2010-2016)]. *Social'nye i gumanitarnye znaniya*. Yaroslavl': YarGU im. P.G. Demidova, 2017. Volume 3. No1, pp. 76–80.
2. Ershov P.M. *Potrebnosti cheloveka* [Human Needs]. M.: Mysl'. 1990. 368 p.
3. Karavaeva D.N. *Anglijskost': diskurs (na materialah sovremennoj severnoj Anglii)* [Englishness: Discourse (based on Modern Northern England Data)]. Ekaterinburg, 2014. 35 p.
4. Kaufova I.B., Kaufova L.A. *Kommunikativnye taktiki samoprezentacii politicheskogo deyatelya (na primere publicnogo vystupleniya Theresy May)* [Speech Strategies and Self-Presentation Techniques of a Political Leader (based on Theresa May's Speech)]. Raznourovnevye cherty yazykovykh i rechevyh yavlenij. Mezhvuzovskij sbornik nauchnyh trudov. Pyatigorsk: PGU, 2018, pp. 41–48.
5. Kaufova I.B. Lingvo-kommunikativnye strategii v predvybornykh rechah Hillary Clinton [Speech Strategies in pre-election campaign speeches by Hillary Clinton]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*. Tambov: Gramota, 2016. No 9–2 (63), pp. 100–103.
6. Kaufova I.B., Kaufova L.A. Politkorrektnost' v britanskom politicheskom diskurse [Political Correctness in British Political Discourse]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*. Tambov: Gramota, 2017. No 10–1 (76), pp. 111–114.
7. Kaufova I.B. Sopostavitel'nye harakteristiki prosodicheskoy realizacii nezavershennosti v politicheskom diskurse (na primere russkogo yazyka) [Comparative Analysis of Prosodic Features of Political Discourse with Non-finality (as exemplified in the Russian language)]. *Novye idei v lingvistike XXI veka: Aktual'nye problemy i tendencii v ramkah sovremennyh napravlenij lingvisticheskoy mysli. Mezhvuzovskij sbornik nauchnyh trudov, posvyashchennyj pamyati professora L.P. Berdnikovej* [New ideas in linguistics of the XXI century: Actual problems and trends in the framework of modern areas of linguistic thought. Interuniversi-

- ty collection of scientific papers dedicated to the memory of Professor L.P. Berdnikova]. Pyatigorsk: PGLU, 2016, pp. 117–124.
8. Kaufova I.B. Ekstralingvisticheskie faktory v realizacii sintagm s nezavershennost'yu v politicheskom diskurse [Extratextual Factors in the Realization of Tone-groups with Non-finality]. *Universitetskie chteniya – 2016. Materialy nauchno-metodicheskikh chtenij PGLU* [University readings – 2016. Materials of scientific and methodological readings of PSLU]. Pyatigorsk: PGLU, 2016, pp. 160–166.
  9. Kaufova L.A. Kognitivno-diskursivnyj podhod k analizu britanskoj politicheskoj rechi [Cognitive-discursive Approach to the British Political Discourse Analysis]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*. Tambov: Gramota, 2016. No 9–2 (63), pp. 103–107.
  10. Kaufova L.A. Osobennosti kognitivnogo podhoda k analizu britanskogo politicheskogo diskursa [Specific Features of the Cognitive Approach to the British Political Discourse Analysis]. *Universitetskie chteniya – 2016. Materialy nauchno-metodicheskikh chtenij PGLU* [University readings – 2016. Materials of scientific and methodological readings of PSLU]. Pyatigorsk: PGLU, 2016, pp. 104–110.
  11. Shiryaev N.S. *Kommunikativnye strategii reprezentacii nacional'noj identichnosti v politicheskom mediadiskurse (na materiale anglijskogo i francuzskogo yazykov)* [Communicative and Speech Strategies in Representing National Identity (in English and French)]. Saratov, 2017. 195 p.
  12. Emer Yu.A. *Miromodelirovanie v sovremennom pesennom fol'klоре: kognitivno-diskursivnyj analiz* [World Modelling in Modern Folk Songs: Cognitive Discourse Analysis]. Tomsk, 2011. 41 p.
  13. Colley L. *Britons: Forging the Nation. 1707–1837*: New Haven and London: Yale University Press, 1992. 432 p.
  14. Peterson J.B. *Maps of Meaning: The Architecture of Belief*: Routledge, 2000. 564 p.

The content source

1. Prime Minister **Theresa May's** speech on our future economic partnership with the European Union. Published 2 March 2018. <https://www.gov.uk/government/speeches/pm-speech-on-our-future-economic-partnership-with-the-european-union> (accessed July 9, 2018).

ДАнные ОБ АВТОРАХ

Кауфова Инесса Беталовна, доцент кафедры теоретической лингвистики и практики межкультурного общения, кандидат филологических наук

Пятигорский государственный университет

Проспект Калинина, 9, г. Пятигорск, 357500, Российская Федерация

ikaufova@yandex.ru

Кауфова Лола Аслановна, доцент кафедры экспериментальной лингвистики и межкультурной компетенции, кандидат филологических наук

Пятигорский государственный университет

Проспект Калинина, 9, г. Пятигорск, 357500, Российская Федерация

lkaufova@yandex.ru

DATA ABOUT THE AUTHORS

Kaufova Inessa Betalovna, Associate Professor, Chair of Theoretic Linguistics and Intercultural Communication Practice, Ph.D. in Philology

Pyatigorsk State University

9, Prospekt Kalinina, Pyatigorsk, 357500, Russian Federation

ikaufova@yandex.ru

SPIN-code: 4124-4408

ORCID: 0000-0001-7079-5185

Kaufova Lola Aslanovna, Associate Professor, Chair of Experimental Linguistics and Intercultural Competence, Ph.D. in Philology

Pyatigorsk State University

9, Prospekt Kalinina, Pyatigorsk, 357500, Russian Federation

ikaufova@yandex.ru

SPIN-code: 9901-7238

ORCID: 0000-0002-0967-6408

ResearcherID: N-6914-2018

DOI: 10.12731/2077-1770-2018-4-3-98-112

УДК 811.161.1

ОБРАЗНАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ЛЕТНЕГО ВРЕМЕНИ ГОДА В РЕКЛАМНОМ ТУРИСТИЧЕСКОМ НАРРАТИВЕ

Меньшикова Е.Е.

Цель. Цель исследования – определить языковые средства, за счет которых реализуется образ летнего времени года в рекламном туристическом нарративе.

Метод или методология проведения работы. Методами исследования послужили общенаучные методы наблюдения и описания, а также семантический и лингвокультурологический анализ.

Результаты. В ходе произведённого анализа установлено, что образная репрезентация летнего времени года в рекламном туристическом нарративе представлена различными тематическими сферами, представляющими природный ландшафт, солнце, цветовую гамму, чувства и эмоции и т.д. Под средствами реализации образности в данном исследовании понимаются образительные и выразительные средства языка, а именно метафора, метонимия, образное сравнение, эпитеты, олицетворение и другие. В статье сделан вывод о том, что данные средства языка заключают в себе особый потенциал эмоционального и экспрессивного воздействия.

Область применения. Практическая значимость исследования заключается в возможности применения общих положений в лекционных курсах по общему языкознанию, лингвострановедению, культурологии. Материалы работы могут составить содержание спецкурсов и спецсеминаров по когнитивной лингвистике, лингвокультурологии.

Ключевые слова: образность; рекламный туристический нарратив; образ лета; образ природного ландшафта (пейзажа); образ солнца; эмоции и чувства.

FIGURATIVE REPRESENTATION OF THE SUMMER SEASON IN THE ADVERTISING TOURIST NARRATIVE

Men'shikova E.E.

Purpose. *The purpose of the study is to determine the language means by which the image of the summer season is realized in the advertising tourist narrative.*

Methodology. *The research was conducted by means of the general scientific methods of observation and description, as well as semantic and linguoculturological analysis.*

Results. *The analysis revealed that the figurative representation of the summer season in the advertising tourist narrative is represented by various thematic areas, which include natural landscapes, the sun, colors, feelings and emotions, etc. The means of conveying imagery in this study refers to the visual and expressive means of language, namely metaphor, metonymy, figurative comparison, epithets, personification and others. The article concludes that these means of language contain a special potential of emotional and expressive influence.*

Practical implications. *The practical significance of the study lies in the possibility of applying its general provisions in lecture courses on general linguistics, culture-oriented linguistics, and cultural studies. The results of the study can be included in the course content on cognitive linguistics and linguoculturology.*

Keywords: *imagery; advertising tourist narrative; the image of summer; the image of natural landscape; the image of the sun; feelings and emotions.*

Введение

Известно, что туризм – это индустрия услуг, где чаще всего потребитель покупает не поездку в другую страну, а легенды, мифы и эмоции, сопутствующие вождения и аффекты, сказку, воплощенный рай, надежду, спасение от несовершенного бытия, веру (религиозную, личностную, социальную), мечту, приключения,

открытия, свободу, гармонию, релаксацию, убежище, чувство любви и т.д. Структурируя образное представление о мире локального интереса, создавая мифопоэтическую грезу о туристической дестинации, рекламный туристический нарратив проявляет высокую степень образности [8]. При этом отличительной чертой образной репрезентации летнего времени года в рекламном туристическом нарративе является метафоричность, проявляющаяся в устойчивой потребности использования метафор при объяснении и осмыслении реалий и событий. Метафора, являясь ментальной единицей языка [2] и обладая моделирующей ролью [12], создает образ туристской дестинации, формирует представления и ассоциации.

Настоящая работа базируется на теоретических положениях, сформулированных в трудах как отечественных, так и зарубежных исследователей, которые посвящены проблемам образа и образности. В данной работе под образностью понимается отражение какого-либо объекта действительности (объекта один) через отражение другого объекта действительности (объекта два), при этом объект один и объект два связаны отношениями сходства в каком-либо отношении [5]. Образное высказывание придает «изобразительную предметность описываемой реалии, благодаря которой смысловая расшифровка речи осуществляется не только логическим путем, но и через активизацию чувственных модальностей восприятия (зрительных, слуховых, тактильных, вкусовых, обонятельных)» [3, с. 133]. Зарубежные исследователи соотносят образность с такими смежными категориями, как изобразительность, эмоциональность, эмотивность и экспрессивность [14], рассматривают образ и образность как конституирующий компонент дискурса [15], а лексику как конституирующий компонент образности [16].

Актуальность данной работы определяется, с одной стороны, современными задачами когнитивной лингвистики, ее интересом к проблемам взаимодействия языка, мышления и культуры, а также направленностью на изучение фрагментов картины мира через их языковые репрезентации. С другой стороны, актуальность об-

условлена практической необходимостью исследования образной репрезентации времен года в текстах различного типа.

Научные работы, посвященные такому фрагменту языковой картины мира как лето, репрезентируют этот материал по-разному, с использованием разных методик, с преимущественным вниманием к определенным аспектам. Так, например, Т.В. Салашник, исследует концепты времен года «весна», «зима», «лето», «осень» в сравнительно-сопоставительном аспекте в европейской культуре, анализирует их структуры, национально-культурную специфику [9]. Исследование Цзу Сюэцин посвящено выявлению национально-культурных содержательных компонентов концептов времен года (осень, зима, весна, лето) в сравнительно-сопоставительном аспекте в восточной культуре (в русской языковой картине мира на фоне китайской) [11]. В работе У Вэй единицей изучения является лексико-фразеологическая вербализация зимы и лета в современном народном языковом сознании [10]. В диссертационном исследовании Е.А. Грудевой описываются лингвокультурные особенности концептов лето/summer, осень/autumn в русском и английском языках, выявляются общие и национально обусловленные свойства этих концептов [4].

Научная новизна настоящей работы определяется попыткой выявить особенности функционирования и текстовой реализации системы образных языковых средств в рекламном туристическом нарративе. На сегодняшний день работ, в поле зрения которых находился бы туристический нарратив, репрезентирующий образ лета как времени года, нет.

Материалы и методы

Иллюстративным материалом послужили тексты из сети Интернет. Отметим, что выбор иллюстративного материала не случаен, т.к. потенциальный потребитель туристических услуг в поисках наиболее полной и достоверной информации чаще всего обращается к сайтам туроператоров и турагентств. Проведенный семантический и лингвокультурологический анализ выявил изобрази-

тельные и выразительные средства языка, которые дают наглядное представление о летнем времени года, в том числе в ассоциативной связи с другими явлениями на основе их реального или мнимого сходства. Результаты исследования позволили выделить основные тематические сферы, которыми представлен образ лета в туристическом нарративе.

Результаты и обсуждение

На основе анализа эмпирического материала нами выявлено, что образная репрезентация летнего времени года в рекламном туристическом нарративе представлена такими основными содержательными сферами, как «Природный ландшафт», «Солнце», «Луна», «Небесная сфера», «Звезды», «Воздух», «Климат», «Погода», «Цветовая гамма», «Растительный мир», «Животный мир», «Активные виды деятельности», «Чувства и эмоции», «Прецедентные тексты». Обратимся к некоторым вышеперечисленным сферам.

Природный ландшафт. В данной работе мы исходим из культурологической природы ландшафта – это «система способов репрезентации, структурирования и символизирования окружающей среды» [13, с. 1]. Природный ландшафт, как реально существующий объект географической действительности, является материальной основой существования пейзажа, рассматриваемого как внешний облик (образ) ландшафта, воспринимаемый визуально с определенной видовой точки или по ходу маршрута [1].

В рекламном туристическом нарративе актуализируются эстетический образ природного ландшафта (пейзажа) и его эстетические свойства (качества, характеристики): красота ландшафта (пейзажа), степень первозданности ландшафта, гармония ландшафта (пейзажа), наличие качества новизны (неповторимость, уникальность, экзотичность), уникальные (символические) природные объекты в ландшафте (в пейзаже): леса, горы, моря, реки и т.д., наличие оздоравливающего воздействия на человека, пейзажеобразующая цветовая гамма. Например: *Завораживающая бирюза моря, ослепительно-белый песок пляжей, закаты в пустыне... Купить тур в Тунис*

летом – значит, попасть в рай. ... это настоящий оазис изумительных ландшафтов среди изумрудных вод Средиземноморья [21].

В рекламном туристическом нарративе природный ландшафт в летнее время года представлен комплексом географических объектов: равнины, степи, пустыни, леса, горы, вулканы, каньоны, пещеры, реки, водопады, озера, моря, океаны, острова и т.д.

Так, например, остров предстает в рекламном туристическом нарративе как символический образ. Образ острова имеет семантику земного рая, обретает мифопоэтические черты, воплощает собой альтернативную реальность в противовес бытовой ситуации, где присутствуют тоска, уныние, отчаяние, проблемы, неурядицы, суета будней, однообразие, апатия, хандра, усталость, суета, повседневность, обыденность, однотипность, безысходность, привычка и т.д. Альтернативная реальность представлена символами спасения, надежды, открытия, новой жизни, убежища, мечты, приключения, свободы, гармонии, релаксации. Например: *Фиджи – божественный остров... небо и солнце слились в романтическом союзе... приглушенный свет заката сменяет буйное мерцание звезд. Совершим же побег от цивилизации на острова гармонии, где уединенные пляжи подарят радостную прогулку по белоснежным пескам, прозрачные лагуны встретят нас бирюзовым сиянием морского покрова, а в пышных садах мы вкусим благоухание диковинных цветов... здесь царит своя первозданная красота и таинственность. Здесь время движется в особом романтическом темпе... Оставим позади холода северных широт и затеряемся в райской атмосфере острова Фиджи... [19].*

Образному описанию подвергаются конкретные предметы, совокупность которых образует пейзажные сюжеты. Метафорические и сравнительные конструкции, эпитеты репрезентируют природный ландшафт (пейзаж) острова как «иног» мира, как райского локуса в туристическом нарративе разнообразными способами переноса и выражения уподобления (сопоставления), основанными на зрительном впечатлении и чувственных ассоциациях. Например: *Отдых на Маврикии – уникальная возможность побывать в земном раю...*

умиротворяющая атмосфера... возможность наслаждаться картинами уникального тропического ландшафта, создающего ощущение нереальности и сказочности окружающего... великолепные тропические пейзажи, величественные горные массивы, золотые песчаные пляжи, живописные водопады и потухшие вулканы, обрывистые скалы и заросли кокосовых пальм, богатство растительного и животного мира [23].

При описании природного ландшафта (пейзажа) летнего времени года в рекламном туристическом нарративе активно используется прием олицетворения: на географические объекты ассоциативно переносятся внешние признаки и внутренние характеристики человека, им приписываются антропоморфные свойства. Яркие персонализированные образы создают такие олицетворяющие признаки, как «Эмоциональное состояние», «Речь», «Слух», «Зрение», «Физическое состояние», «Интеллект». Например: *Изумрудная зелень лесов, лазурь Адриатического моря и многое другое ждёт тебя в туре в Черногорию... воздух дышит ароматом сосен, кипарисов и лавра, а теплое, кристально чистое море радуется своей жизнерадостной песней [20].*

Солнце. Перцептивный образ солнца чаще всего ассоциируется с летом. В рекламном туристическом нарративе летнее время года также представлено образом солнца, который формируется на основе зрительного и осязательного восприятия. В целом наглядно-чувственный образ солнца в туристическом нарративе представлен колористической и пространственной характеристикой, как перемещающийся объект и объект, способный отражаться на поверхности воды, как небесное светило и источник света. Например: *Вы по-настоящему сможете почувствовать красоту нетронутой дикой природы ... Огромная долина с множеством зеркал – это лучи солнца отражаются в водах многочисленных лагун, болот и причудливых извилинах рек и водоемов... Вы увидите, как первые лучи солнца начинают освещать пустынный пейзаж [24].*

Образное описание в рекламном туристическом нарративе получают форма, яркость, положение, активность солнца. Так, напри-

мер, солнце метафорически эксплицируется такой формой, как шар. Например: *Фукуок... открывается восхитительный вид на закат солнца. Огненный шар будто погружается в воду на глазах* [28]; *... лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать. Побывайте на Камчатке... изумитесь громадным огненным шаром-солнцем, медленно поднимающимся из океана* [22]. Метафорической и метонимической номинации подвергается такая доступная зрительному восприятию характеристика, как цвет солнца: *багровое, багрово-красное, багряное, золотисто-огненное, пурпурное, золотое, красное, огненно-красное, пунцово-красное*. Например: *Безбрежная гладь... Великолепие выше понимания... Пурпурное солнце, ласкающее лучами скалистые горы и огнем играющее на лунных песках величественной пустыни... Вади Рам – восточный вестерн* [18].

В рекламном туристическом нарративе метафорически номинаруются также и различные периоды активности солнца: восход, закат, рассвет, заря, наделяются антропоморфными признаками и свойствами. Например: *Золото карибских морей. Если и есть на земле рай, то его нужно искать на тропических островах, оброненных богами в неистовую синеву Карибского моря... сумасшедшая луна пляшет в небесах под ритмы рэгги... в небесах полыхает феерия заката. Солнце медленно опускается, заполняя бухту расплавленным золотом. Ямайка... там закаты полыхают, как пламя страсти, а рассветы разливают свечение нежности. Там природа полна чувственной неги, ветер шепчет слова любви...* [25].

Солнце в туристическом нарративе часто наделяется антропоморфными признаками и свойствами и выступает как активно действующий субъект, способный совершать действия, присущие человеку, оно наделяется способностью воспринимать и порождать речь. Например: *Барбадос – это рай на земле. Ласковое солнце и теплое море, бесконечные пляжи и зеленые поля... делают этот остров бесценной жемчужиной в короне Карибских островов* [17].

Чувства и эмоции. Эмоции (чувства) «отражают в форме субъективного переживания значимость (смысл) явлений и ситуаций, состояний организма в зависимости от внешних воздействий и

служат одним из главных механизмов внутренней регуляции психической активности и, в конечном счете, поведения» [6, с. 12]. Как отмечает Г.М. Костюшкина, чувства и эмоции человека – его непосредственная суть, проявляющаяся в процессе когнитивной деятельности через язык. Автор выделяет, например, такие категориальные классы эмоций, как «Состояние» (Настроение, расположение духа), «Способность» (Умение, возможность), «Переживание» (Краткое / важное интенсивное эмоциональное событие), «Испытание» (Этап в жизни человека, связанный с получением жизненного опыта) [7], что соотносится с проблематикой нашего исследования. Например: *Острова Карибского моря... Они хранят дух Эпохи великих открытий и пиратские тайны. На Ямайке все сводит с ума: ритмы рэгги, воздух, море ... Пританцовывает на ходу Доминикана – неутомная, бессонная мулатка. Любвеобильная Куба заставляет вспомнить Хемингуэя и отправиться за своим голубым марлином... там витает дух патриархальности, сохраняются пасторальные сюжеты в пастельных тонах... Каждого человека ждет его остров – остров любви или остров мечты, остров желаний или остров приключений. Нужно только найти его среди океанов и морей... [27].*

Базовой эмоцией, актуализируемой туристическим нарративом, является эмоция «радость», которая имеет наиболее широкое лексическое значение и характеризуется наибольшей частотностью контекстуальных употреблений. Радость как положительное эмоциональное состояние, возникает не только по поводу удовлетворения желания, достижения цели, но и по поводу предвидения удовлетворения желания (предвкушения), что и репрезентируется рекламным туристическим нарративом.

Эмоция радости в туристическом нарративе при репрезентации летнего времени года как в целом, так и по выделенным выше содержательным сферам, выражается посредством целого ряда субстантивных номинаций этой эмоции: *радость, блаженство, вдохновение, восхищение, ликование, торжество, умиление, веселье, восторг*. Использование эпитетов придает туристическому narra-

тиву образность и эмоциональность, подчёркивает впечатление о реалии. Например: *Синее море, белый песок, золотисто-красные закаты, потрясающей красоты природа... Сейшелы... рай для любителей буйной тропической природы... восторг шестого дня творения, взрыв божественного вдохновения, воплощенный в природе. Нигде нет таких феерических огненных закатов, таких черных скал, вздымающихся из океанских пучин, таких фантастических пейзажей* [27].

Эмоция радости эксплицируется в рекламном туристическом нарративе посредством глаголов с семантикой радоваться: *ликовать, восторгаться, восхищаться, веселиться* и прилагательных с семантикой радости: *радостный, веселый, торжественный*. От радости, актуализируемой туристическим нарративом, можно *блистать, сверкать, светиться, сиять*, радость можно *вкусить дарить, доставить, приносить, испытывать, ощутить, пережить, предвкушать, чувствовать, обрести, получить* и т.д. Например: *Летим к экваториальному солнцу – на Занзибар! ... сказочно красивый и овеянный легендами остров Занзибар! ...вкусить все пляжные радости жизни ...познакомиться с богатейшим культурно-историческим наследием этого уголка планеты* [26].

Заключение

Таким образом, в данной статье показано, что образность способна обозначать определенное явление внеязыковой действительности на основе связи с другим предметом или явлением действительности через общие черты сходства этих двух предметов. Рассмотренные выше лишь некоторые содержательные сферы образа лета в рекламном туристическом нарративе, свидетельствуют о том, что репрезентация летнего времени года характеризуется наглядностью, эмоциональной и оценочной насыщенностью. Индикаторами проявления образности выступают изобразительно-выразительные средств языка – метафоры, эпитеты, сравнения, олицетворение и т.д. Как показал анализ материала, в формировании наглядно-чувственного образа лета участвуют

преимущественно зрительные представления. Формирование зрительных образов лета осуществляется в рекламном туристическом нарративе с помощью обращения к пространственно-временным, качественным, физическим характеристикам, что заключает в себе особый потенциал эмоционального и экспрессивного воздействия.

Список литературы

1. Бибаева А.Ю. Особенности формирования эстетических свойств прибрежных ландшафтов: Автореф. дис. ... канд. геогр. наук. Иркутск, 2015. 24 с.
2. Боброва Е.А. Концептуальная метафора как способ категоризации окружающей действительности на примере метафоры движения по пути // Известия ИГЭА. Иркутск: Изд-во БГУЭП, 2013. № 3. <http://brj-bguer.ru/reader/article.aspx?id=18125> (дата обращения: 11.09.2018)
3. Васильева С.Г. Современный русский язык. Лексикология и фразеология. Казань: РИЦ «Школа», 2005. 156 с.
4. Грудева Е.А. Концепты лето и осень в разноязычных культурах: когниолингвистический аспект: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Ставрополь, 2011. 22 с.
5. Зливко С.Д. Образный компонент научных лингвистических текстов: на материале работ известных русских языковедов: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Казань, 2008. 17 с.
6. Иванова Е.С. Исследование взаимосвязи эмоционально-личностных особенностей и активного словаря эмоций: Автореф. дисс. ... канд. псих. наук. Екатеринбург, 2007. 26 с.
7. Костюшкина Г.М., Егорова З.В. Категоризация эмоций в русском языковом сознании // Вестник Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Аммосова. 2017. № 5 (61). С. 99–107.
8. Меньшикова Е.Е. Мифопоэтическое пространство рекламного туристического нарратива. Мифологемы, идеологемы, метафора. Saarbrücken, Deutschland, LAP LAMBERT Academic Publishing GmbH & Co. KG, 2014. 316 с.

9. Салашник Т.В. Национально-культурная специфика концептов времен года: на материале русского и английского языков: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Саратов, 2007. 21 с.
10. У Вэй. Времена года в русской языковой картине мира: на фоне китайского языка: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Санкт-Петербург, 2013. 24 с.
11. Цзу Сюецин. Национально-культурные концепты времён года в русской языковой картине мира: на фоне китайской: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Владивосток, 2009. 24 с.
12. Шереметьева А.А., Зырянова И.Н. Метафорическое представление Kunde (клиента) в экономическом дискурсе (на примере немецкого и русского языков) // Сибирский филологический журнал. 2016. № 4. С. 152–161.
13. Daniels S. Introduction: iconography and landscape. In *The Iconography of Landscape*. Cambridge: Cambridge University Press, 1988. С. 1–10.
14. Bailey R. *Images of English: A Cultural History of the Language*. Cambridge: Cambridge Press, 1992. 330 p.
15. Bruce B. *Images of Power*. L.: Kogan Page, 2010. 192 p.
16. Misselhorn C. Imaginative Resistance // *Journal of Literary Theory*. 2009. Vol. 3. № 1, pp. 129–144.
17. <http://u-tur.com/barbados.html> (дата обращения: 15.09.2018).
18. <http://www.centrsp.ru/aziya/iordaniya/kurorty-iordanii> (дата обращения: 15.09.2018).
19. <http://ib-travel.ru/travel/fidzhi-bozhestvennyiy-ostrov/> (дата обращения: 15.09.2018).
20. <http://silver-tour.com.ua/tour/2951/> (дата обращения: 15.09.2018).
21. <http://www.natotour.ru/countries/97/> (дата обращения: 15.09.2018).
22. http://polaris.tours/item/kamennie_fakeli_kamchatka/ (дата обращения: 20.09.2018).
23. <https://www.svoiludi.ru/mauritiush.html> (дата обращения: 20.09.2018).
24. <http://www.scubaclass.ru/safari/287/> (дата обращения: 20.09.2018).
25. <https://www.sodis.ru/disps=publication&id=33660> (дата обращения: 20.09.2018).

26. <http://www.samaraintour.ru/tanzaniya/zanzibar> (дата обращения: 20.09.2018).
27. <http://www.tksozvezdie.ru/services/3> (дата обращения: 25.09.2018).
28. <http://turgir.ru/luchshie-mesta-dlya-otdyha-vo-vetname/> (дата обращения: 25.09.2018).

References

1. Bibaeva A.Yu. *Osobennosti formirovaniya ehsteticheskikh svoystv pribrezhnykhlandshaftov* [Formation Features of Aesthetic Properties of Coastal Landscapes]. Abstract of Geogr. Cand. Diss. Irkutsk, 2015. 24 p.
2. Bobrova E.A. Kontseptual'naya metafora kak sposob kategorizatsii okruzhayushchey deystvitel'nosti na primere metafory dvizheniya po puti [Metaphorical Concept as a Way of Categorizing the Outside World by the Example of the Metaphor of Travel]. *Izvestiya of Irkutsk State Economics Academy*. Irkutsk: Izd-vo BGUEHP, 2013. № 3. <http://brj-bguep.ru/reader/article.aspx?id=18125>
3. Vasil'eva S.G. *Sovremennyy russkiy yazyk. Leksikologiya i frazeologiya* [Modern Russian Language. Lexicology and Phraseology]. Kazan: RITS «Shkola», 2005. 156 p.
4. Grudeva E.A. *Kontsepty leto i osen' v raznoyazychnykh kul'turakh: kogniolingvisticheskiy aspekt* [The Concept Summer and Autumn in Multilingual Cultures in Cognitive-linguistic Aspect]. Abstract of Philol. Cand. Diss. Stavropol, 2011. 22 p.
5. Zlivko S.D. *Obraznyy komponent nauchnykh lingvisticheskikh tekstov: na materiale rabot izvestnykh russkikh yazykovedov* [An Imaginative Component of Scientific Linguistic Texts (based on the works of famous Russian linguists)]. Abstract of Philol. Cand. Diss. Kazan, 2008. 17 p.
6. Ivanova E.S. *Issledovanie vzaimosvyazi ehmtsional'no-lichnostnykh osobennostey i aktivnogo slovarya ehmtsiiy* [Investigating the Relationship between Emotional and Personal Characteristics and Active Vocabulary of Emotions]. Abstract of Psychol. Cand. Diss. Yekaterinburg, 2007. 26 p.
7. Kostyushkina G.M., Egorova Z.V. Kategorizatsiya ehmtsiiy v russkom yazykovom soznanii [Categorization of Emotions in Russian Language

- Linguistic Consciousness]. *Vestnik of North-Eastern Federal University*. 2017. № 5 (61), pp. 99–107.
8. Men'shikova E.E. *Mifopoehticheskoe prostranstvo reklamnogo turistichekogo narrativa. Mifologemy, ideologemy, metafora* [Mythopoetic Space of Advertising Tourist Narrative. Myths, Ideologemes, Metaphor]. Saarbrücken, Deutschland, LAP LAMBERT Academic Publishing GmbH & Co. KG, 2014. 316 p.
  9. Salashnik T.V. *Natsional'no-kul'turnaya spetsifika kontseptov vremen goda: na materiale russkogo i angliyskogo yazykov* [National and Cultural Specificity of the Seasons Concepts (on the basis of the Russian and English languages)]. Abstract of Philol. Cand. Diss. Saratov, 2007. 21 p.
  10. U Vehy. *Vremena goda v russkoy yazykovoy kartine mira: na fone kitayskogo yazyka* [Seasons in the Russian Language Picture of the World (as compared to the Chinese language)]. Abstract of Philol. Cand. Diss. St.-Petersburg, 2013. 24 p.
  11. Tszu Syuetsin. *Natsional'no-kul'turnye kontsepty vremyon goda v russkoy yazykovoy kartine mira: na fone kitayskoy* [National and Cultural Concepts of the Seasons in the Russian Language Picture of the World (as compared to the Chinese language picture of the world)]. Abstract of Philol. Cand. Diss. Vladivostok, 2009. 24 p.
  12. Sheremet'eva A.A., Zyryanova I.N. *Metaforicheskoe predstavlenie Kunde (klienta) v ehkonomicheskom diskurse (na primere nemetskogo i russkogo yazykov)* [The Metaphorical Representation of Kunde (Client) in Economic Discourse (in the German and Russian languages)]. *Siberian Journal of Philology*. 2016. № 4, pp. 152–161.
  13. Daniels S. *Introduction: iconography and landscape. In The Iconography of Landscape*. Cambridge: Cambridge University Press, 1988, pp. 1–10.
  14. Bailey R. *Images of English: A Cultural History of the Language*. Cambridge: Cambridge Press, 1992. 330 p.
  15. Bruce B. *Images of Power*. L.: Kogan Page, 2010. 192 p.
  16. Misselhorn C. *Imaginative Resistance* // *Journal of Literary Theory*. 2009. Vol. 3. № 1, pp. 129–144.

17. <http://u-tur.com/barbados.html> (accessed September 15, 2018).
18. <http://www.centrsp.ru/aziya/iordaniya/kurorty-iordanii> (accessed September 15, 2018).
19. <http://ib-travel.ru/travel/fidzhi-bozhestvennyiy-ostrov/> (accessed September 15, 2018).
20. <http://silver-tour.com.ua/tour/2951/> (accessed September 15, 2018).
21. <http://www.natotour.ru/countries/97/> (accessed September 15, 2018).
22. http://polaris.tours/item/kamennie_fakeli_kamchatka/ (accessed September 20, 2018).
23. <https://www.svoiludi.ru/mauritius.html> (accessed September 20, 2018).
24. <http://www.scubaclass.ru/safari/287/> (accessed September 20, 2018).
25. <https://www.sodis.ru/disp?s=publication&id=33660> (accessed September 20, 2018).
26. <http://www.samaraintour.ru/tanzaniya/zanzibar> (accessed September 20, 2018).
27. <http://www.tksozvezdie.ru/services/3> (accessed September 25, 2018).
28. <http://turgir.ru/luchshie-mesta-dlya-otdyha-vo-vetname/> (accessed September 25, 2018).

ДААННЫЕ ОБ АВТОРЕ

Меньшикова Екатерина Евгеньевна, доцент кафедры иностранных языков, кандидат филологических наук
Байкальский государственный университет
ул. Ленина, 11, г. Иркутск, 664003, Российская Федерация
canoe@list.ru

DATA ABOUT THE AUTHOR

Men'shikova Ekaterina Evgen'evna, Associate Professor of the Foreign Languages Department, PhD in Linguistics
Baikal State University
11, Lenin St., Irkutsk, 664003, Russian Federation
canoe@list.ru

DOI: 10.12731/2077-1770-2018-4-3-113-126

УДК 821.161.1

СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ИМЕН ЧИСЛИТЕЛЬНЫХ ДАРГИНСКОГО И НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКОВ

Мишаева М.В., Мутаева С.И.

Цель. В статье проводится сопоставительный анализ числительных даргинского и немецкого языков. Основная цель нашего исследования заключается в исследовании числительного даргинского языка в последовательном сопоставлении с фактами немецкого языка.

Метод и методология проведения работы. В работе использованы различные методы исследования: описательный, сопоставительный и структурно-семантический.

Результаты. Авторы отмечают, что по своим образовательным и функциональным признакам числительное в исследуемых языках делится на специфические разряды. Числительные даргинского языка в атрибутивной функции не располагают какой-либо грамматической категорией. Неизменяемость определенных количественных числительных немецкого языка также является одной из отличительных черт грамматического строя данного языка. В немецком языке при сочетании имени числительного с именем существительным проявляются некоторые структурные особенности.

Область применения результатов. Материалы данного исследования могут быть использованы в свете новых требований преподавания даргинского и немецкого языков в школе и в вузе.

Ключевые слова: даргинский язык; немецкий язык; имена числительные; количественные; порядковые; дробные; структурно-семантические разряды; сопоставительный анализ.

COMPARATIVE ANALYSIS OF NUMERALS IN THE DARGWA AND GERMAN LANGUAGES

Mishayeva M.V., Mutayeva S.I.

Purpose. The article presents the comparative analysis of numerals in the Dargwa and German languages. The main purpose of our research

is to study the Dargwa language numerals in comparison with the similar facts in the German language.

Methodology. *When developing the topic, various methods of research were used in the work such as the descriptive, comparative and structural-semantic ones.*

Results. *The authors note that the numerals in the Dargwa and German languages are divided into specific categories according to their educational and functional characteristics. Numerals in the Dargwa language that have an attribute function do not have any grammatical category. The immutability of certain cardinal numerals of the German language is also one of the distinctive features of the grammatical structure of the language. When combining a numeric name with a noun, some structural features are revealed in the German language.*

Practical implications. *The materials of the following study can be used at schools and universities, since the introduction of new requirements of teaching the Dargwa and German languages are coming soon.*

Keywords: *Dargwa language; German language; numerical names; cardinal, ordinal, fractional; structural-semantic categories; comparative analysis.*

По своей природе имя числительное одно из самых абстрактных и древних в языке. Исследования показывают, что люди склонны наделять некоторые числительные мистическими, загадочными характеристиками. Респонденты выделяют «счастливые», «несчастливые» числа. Символические значения числительных указывают на то, что в большей своей части эти языковые единицы сформировались в глубоком прошлом нации [8, с. 55]. Лексико-грамматический класс числительных представляет собой сложную систему, в которую включены количественные числительные и лексические единицы, пересекающиеся с другими частями речи. Основанием для объединения такого рода единиц является их количественная семантика [12, с. 5]. Помимо семантического своеобразия ему присущ ряд синтаксических и морфологических черт. Обычно у имен числительных имеются отличительные особенности структурного

характера. Если имена числительные многих языков сближаются своими семантическими и синтаксическими чертами, то морфологические и структурные особенности по языкам большей частью локализованы. Интересно, в частности, отметить, что числительные не образуются от других частей речи, хотя в то же время могут служить базой для образования других частей речи. Так, например, в современном немецком языке можно обнаружить большое количество слов, в которые входят числительные *eins* и *erst*. Среди них огромное количество прилагательных, таких как *eindeutig*, *einfach*, *einförmig*, *einheitlich*; такие существительные как *die Einheit* (единство), *das Einhorn* (единорог), *die Einzahl* (ед. число); глаголы *einigen* (объединять), *einwiegen* (уравновешивать), *einwilligen* (соглашаться) и др. [5, 120].

Количественное имя числительное служит основой для образования всех остальных числительных. Прямо или косвенно на него опираются порядковые, кратные, дробные и другие имена числительные.

Имя числительное как в даргинском, так и в немецком языках характеризуется наличием в нем целого ряда специфических разрядов с лексико-грамматическими особенностями. Как известно, понятие числа является семантической основой имен числительных, как части речи. Числительные относятся к именным частям речи, т.к. имеют ряд общих свойств с именами существительными и прилагательными, как с точки зрения синтаксического употребления, так и состава грамматических категорий и словоизменения.

Количественные числительные даргинского языка, выполняя функцию зависимого компонента, в словосочетаниях не согласуются со стержневыми компонентами ни в классе, ни в числе: *xIябал урши* букв. «три мальчик», *шел рурси* «пять девочка» и т.д. Стержневой компонент – имя существительное, определяемое зависимым числительным, всегда ставится в даргинском языке в единственном числе и по отношению к зависимому компоненту занимает в предложении постпозитивное положение. Сравните: чеч., инг., *бацб. пхи* машина – «пять машин», чеч., инг. *итт машина*, бацб. *ит1м1* машина – «десять машин», во всех этих словосочетаниях имя существитель-

ное «машина» используется в именительном падеже единственного числа [9, с. 12]. Дагестанские языки обнаруживают одну примечательную особенность реализации лексического способа выражения числа, осуществляемую через соответствующие мыслительные единицы. Эта особенность заключается в том, что дискретное (или прерывное) количество выражается сочетанием любого числительного с существительным, стоящим исключительно и непременно в единственном числе. Как пишет по этому поводу С.М. Хайдаков: «В синтагме *ацIва ниц*, что буквально означает «десять бык», существенным образом меняется само понятие дискретного количества: оно мыслиться как такое количество, которое состоит лишь из отдельной, изолированной единицы – в данном случае этой единицей является название животного *ниц* «бык», а сочетание его с числительным *ацIва* «десять» дает понятие дискретного количества, которое соразмеряется с числом «десять», но явно противоречит числовой форме существительного *ниц* «бык», которая, как правило, стоит в единственном числе» [11, с. 7]. Такое положение вещей наблюдается не только в лакском языке, но и во всех дагестанских языках, например: аварский язык: *анцIгооц* букв. «десять бык», *къого чу* «двадцать лошадь», *шуго яс* «пять девочка»; даргинский язык: *вецIал уни*, *гъалябу*, *шел рурси*; чеченский язык: *иттсиу*, *тIкъаговр*, *пхийуоI*.

Числительные в даргинском языке характеризуются определением предмета с его количественной стороны, причем в отличие от некоторых прилагательных и местоимений, также выражающих количество, числительное выражает количество точно.

Имена числительные в немецком языке, как и имена прилагательные, выступают в качестве определения при имени существительном, например: *der kleine Junge*. Подобно именам существительным и прилагательным, многие имена числительные склоняются, изменяются по родам, например: *der zweite Versuch*, *ein zweiter Versuch*, *nach dem zweiten Versuch*. Реже имена числительные сходны с наречиями и переходят в них. Отметим, что не все исследователи считают числительное отдельной частью речи, так, например, В. Юнг не выделяет числительные в самостоятельную часть речи [14, с. 180].

В разносистемных даргинском и немецком языках обнаруживаются некоторые параллели в системе распределения видов числительных.

Числительные в даргинском языке делятся на количественные, порядковые, дробные, кратные, распределительные. В простых числительных даргинского языка от 2 до 100 различаются две составные части, корень и суффикс: *xIяб+ал* «три», *вeцI+ел* «семь», *дарш+ал* «сто» и т.д.

Отметим, что в лакском и в некоторых других языках Дагестана числительные снабжены классными показателями, которые согласуются в зависимости от класса определяемого имени. Например, в лакском языке *кIия* 1 класс «два», *кIива* 3класс, *кIраа* 2, 4 классы [7, с. 71]. В даргинском языке числительные по классам не изменяются.

Порядковые числительные в даргинском языке образуются прибавлением простого числительного или причастия к составному числительному *ибил/эсил* «сказанный»: *вeцIубил* «десятый», *гъ-аэсил* «двадцатый», *цаэсил* «первый», *вeцIну кIира ибил* «двенадцатый» и т.д. Такое же положение и в других дагестанских языках (аварском, лакском, табасаранском, лезгинском) порядковые числительные образуются тем же способом.

Дробные числительные в дагестанских языках развиты слабо. В даргинском языке для выражения понятия «половина» существует слово *байхъала* (где *б* является классным показателем). Этимология данного слова восходит к слову *бай* «середина, центр», а *байбя хъес* означает «резать пополам». Для выражения понятия «четверть» используют слово *авбаркъала* (*ав* «четыре»+*баркъ* «деление», *-ала* «словообразовательный суффикс»). Остальные дробные числительные в даргинском и в других дагестанских языках выражаются описательно: *шел бутIала ца бутIа* «одна пятая» и т.д.

Кратные числительные образуются при помощи суффикса – *на*: *xIяй+на* «три раза», *ав+на* «четыре раза», *вeцI+на* «в десять раз» и т.д.

Распределительные числительные со значением «по одному», «по два» в даргинском языке образуются повторением основ: *кIи-кIел* «по два», *xIяб-xIябал* «по три», *шу-шел* «по пять», *вeцI-вeцIал* «по десять» и т.д.

Количественные числительные в даргинском языке не располагают какой-либо грамматической категорией, в том числе и категорией падежа. Склонению такие числительные подвергаются только при их субстантивации. С.Н. Абдуллаев пишет, что «Склонение числительных в даргинском языке имеет некоторые особенности: в числительных от 2 до 10 и в круглых десятках, 20 и 100 – все косвенные падежи образуются от корня числительного без суффикса *-ал*, причем эргатив принимает показатель *кIел* «два» – *кIили, кIила, кIилис, кIиличил*; в других числительных косвенные падежи образуются от полного числительного: 30 – *хIябцIали, хIябцIай, хIябцIа, хIябцIайс*» [1, с. 139].

В других дагестанских языках картина склонения имени числительного примерно такая же. Например, в цахурском языке числительные при самостоятельном употреблении также склоняются. В парадигме склонения числительных с учетом особенностей оформления косвенной основы выделяются два типа склонения [3, с. 98].

Числительные в немецком языке делятся на два структурно-семантических разряда: 1) определенно-количественные числительные и 2) неопределенно-количественные числительные. Определенно-количественные числительные в свою очередь подразделяются на: а) количественные; б) порядковые; в) дробные.

Основная масса количественных числительных является неизменяемыми словами. Кстати, неизменяемость определенных количественных числительных в немецком языке является одной из схожих черт грамматического строя немецкого языка с даргинским, так как в даргинском, как в других дагестанских языках, количественные числительные также не имеют развитую систему склонения. А такие слова как миллион, миллиард являются заимствованными через русский язык.

К количественным числительным примыкают по своим функциям и по значению счетные существительные. К ним относятся: а) Интернациональные слова: *die Million, die Milliarde, die Billion*. Соответственно они склоняются как имена существительные: *eine (die) Million, einer (der) Million, (die) Millionen*, например: *eine Million Rubel*. Отметим, что и в дагестанских языках *миллион, миллиард* также

склоняются как существительное; б) Счетными существительными являются также *das Hundert* (*des Hunderts, die Hunderte*) и *das Tausend* (*des Tausends, die Tausende*). Производными от них являются неизменяемые количественные числительные *hundert* и *tausend*. Счетные числительные даргинского языка, образуются сочетанием числительных, занимающих соседние позиции в ряду натуральных чисел, ср. *кIел-хIябал* – «два-три». Эти формы даргиноведы относят к сложным словам [6, с. 119]. Порядок следования компонентов в подобных композициях подчиняется принципу «цифровой последовательности»: *ца-чIвел* – «один-два», *хьвел-уреккал* – «пятьшесть» (т. е. последовательности «два-один» или же «шесть-пять» невозможны) [4].

Имена существительные *das Hundert* и *das Tausend* употребляют либо как единицы меры: *ein Hundert Zigarren, ein halbes Hundert*, либо в формах множественного числа для обозначения неопределенного большого количества, где допускается двоякое написание – с заглавной и строчной буквы.

Порядковые числительные обозначают порядковое место предмета при счете. Выступая в функции определения в составе атрибутивного словосочетания, порядковые числительные склоняются как имена прилагательные. Подобно прилагательным также изменяются по числам и родам: *der erste Mai; die ersten Schritte; ihr erstes Schuljahr; der vierte Fünfjahrplan*.

Дробные числительные обозначают дробные величины. Являясь по происхождению существительными, дробные числительные сохраняют некоторые свойства имен существительных, например, написание с заглавной буквы (*ein Drittel, ein Achtel, ein Hundertstel*). Поэтому в научной литературе по германистике мнения по квалификации дробных числительных расходятся. Дробные числительные не согласуются с определяемым именем существительным; они сохраняют в соответствии со своим происхождением тип флексии имен существительных: *ein Drittel, eines Drittels, zwei Drittel*.

Счетным прилагательным, имеющим значение дробного числительного, но сохраняющим флексию имени прилагательного, является *halb*: *ein halbes Kilo, ein halber Tag – einen halben Tag*.

Неопределенно-количественные числительные в немецком языке, как указывает их название, заключают в себе указание на большое или малое количество предметов, не называя, однако, точно их числа [15]. К данному типу числительных относится весьма немногочисленная группа слов, как простых, так и производных, например: *alle, gesamte, ganze, beide, einige* и другие.

Вышеперечисленные слова представляют собой в грамматическом и семантическом отношении особую группу. Среди германистов нет единого мнения по вопросу квалификации данных лексем. Некоторые лингвисты (В. Юнг и его последователи) указывают на возможность рассмотреть эти слова среди числительных [13, с. 353].

Е.В. Гулыга и Е.И. Шендельс полагают возможным квалифицировать данные лексемы как количественные местоимения, учитывая при этом их особый характер. Они разделяют вместе со всеми местоимениями их свойства; указательность, относительность своего содержания и др. Они отличаются от таких местоимений, как *dieser – jener* тем, что выражают количественные отношения. Они дают большей частью общую и неточную количественную характеристику тому предметному понятию, с которым они соотносятся. Они выражают неопределенную множественность – семы «множественность» и «неопределенное количество» (кроме *beide*), но, помимо этого, они способны передать целую гамму числовых значений, начиная от «тотального множества» (*alle*) и кончая нулем (*keine*). Обычно они сопровождают существительное во множественном числе (или соотносятся с ним в макроконтексте), присоединяя свои семы к семе «множественность» и конкретизируя тем самым понятие множества. *Alle* и *sämtliche* – синонимы, которых объединяет, кроме вышеуказанных двух сем, сема «тотальность». Они указывают на то, что ни один член множества не отсутствует. Они сочетаются со всеми названиями исчисляемых понятий во множественном числе: *alle (sämtliche) Fenster, Völker, Freuden*. *Alle* отличается от *sämtliche* более высокой частотой употребления, многозначностью (*alle* может иметь значение «кончилось», «все», например: *Zucker ist alle = Zucker ist ausgegangen*, ср. рус. «сахар весь вышел»).

Alle может употребляться: 1) не как сопроводитель существительного, а самостоятельно: Alle (Menschen) stimmenbei. В среднем роде: Allesspaziert, alle slacht – в значении «все люди вокруг», (прием встречается в художественной литературе); 2) в сочетании с личными местоимениями множественного числа: wir alle; sie alle; 3) в сочетании с числительным и существительным во множественном числе: Alle zehn Schritte, allezwei Monate. Сема «тотальность» относится ко всему сочетанию zehn Schritte, zweiJahre, представляя его как единый отрезок; кроме того, в результате идиоматичности словосочетания появляется новая сема «регулярность» (повторность с равными интервалами); 4) в сочетании с существительными в единственном числе, не имеющими формы множественного числа: alle Mühe, aller Einsatz [2, с. 27].

Alle не сочетается с именами собирательными и вещественными в единственном числе. При необходимости передать сему «тотальность» в отношении этих понятий привлекается слово ganz. Ср.: die ganze Studentenschaft, но alle Studenten; das ganze Geld, но alle Gelder, all mein Geld. Слово ganz обладает только семой «тотальность», но не семой «множественность», что обуславливает смысловое различие в следующих двух словосочетаниях: alle Welt (jedermann) – dieganze Welt (universum). По этой же причине alle не может заменить ganz в сочетаниях: der ganze Staat, der ganze Mensch, das ganze Buch.

Числительные в немецком языке функционируют также как выразители определенного количества. Числительные дают точную количественную информацию: 2, 10, 25 Jahre, или информацию о порядковом номере: das zweite Jahr. Они выражают определенную множественность. Они обладают семами «множественность» и «определенность количества» (кроме чисел eins и null) и противостоят, таким образом, количественным местоимениям. Подобно последним они сопровождают существительное, конкретизируя количественные отношения. Можно установить смысловую оппозицию:

сема ↔ сема

«неопределенное множество»	«неопределенное множество»
количественные местоимения	числительные

Между этими двумя противоположными по значению группами может произойти сближение. Так, местоимение *beide* равно по значению числительному *zwei*, а местоимение *keine* – числительному *null*. Иногда числительные *zwei*, *drei*, *vier*, *fünf* синонимичны местоимению *einige*: *Aufzwei Worte*; *Ich brauche bloss zwei, drei Nagel und einen Hammer*.

Существительные-числительные *das Dutzend*, *das Hundert*, *das Tausend*, *die Million*, несмотря на свое конкретное числовое значение, часто употребляются синонимично местоимениям *viele*, *mehrere*: *Dutzend Fragen*; *Hunderte, Tausende von Menschen*; *Tausende und aber Tausende*; *Millionen und abermals Millionen*.

С последующим существительным эти слова могут соединяться одним из трех способов: *ein Dutzend der Löffel* – малоупотребительно; *ein Dutzend von Löffeln* – употребительно; *ein Dutzend Löffel* – наиболее употребительно.

Хотя в этих случаях числительные передают не совсем точную количественную информацию, она точнее, чем информация местоимений, так как позволяет судить приблизительно о количестве элементов множества.

Небольшая группа существительных в дагестанских языках также располагает двумя формами множественного числа, выражающими ограниченное и неограниченное множество, где анализируется ряд лексем с двумя формами множественного числа, например, в аварском языке: *чед* «хлеб» – *чед-ал* (мн.ч. огран. кол.); *чад-ал* (мн.ч. неогран. кол.) [10, с. 114–119].

Как показывают примеры, форма ограниченного множественного числа отличается от формы неограниченного множественного числа рядом признаков: характером оформления основы, позицией ударения и т.д.

Полагаем, что сопоставительное изучение разноструктурных языков: английского, немецкого, французского и дагестанских позволит существенно расширить лингвистико-теоретический кругозор языковедов. Так что, задача системного исследования сопоставительной грамматики данных языков является на сегодняшний день весьма актуальной.

Список литературы

1. Абдуллаев С.Н. Грамматика даргинского языка. Махачкала: Институт истории, языка и литературы Дагестанского филиала АН СССР, 1954. 216 с.
2. Гулыга Е.В., Шендельс Е.И. Грамматико-лексические поля в современном немецком языке. М.: Просвещение, 1969. 184 с.
3. Ибрагимов Г.Х. Цахурский язык. М.: Издательство «Наука», 1990. 120 с.
4. Кадибагомаева З.А. Словообразование в сирхинском диалекте даргинского языка (на материале нахкинского, нацинского и цугнинского говоров). Дисс. .... к.ф.н. Махачкала, 2009. 179 с.
5. Колотилова Н.С. Числительные 1, 2, 3 в немецком языке: новые образования и древние реликты // Вестник Рязанского государственного университета, 2015. № 1 (46). С. 116–125. (дата обращения 8.10.2018).
6. Курбанова Э.О., Солодовникова О.К. Сложные числительные в даргинском и английском языках // Проблемы современной науки и образования, 2015. №10 (40). С. 117–119.
7. Мусаева Х.М. Неопределенно-количественные числительные в русском и лакском языках // Гуманитарные исследования №3 (35) 2010. С. 70–73.
8. Насырова А.Б., Коурова О.В. Символика чисел в немецком языке: результаты опроса информантов // Проблемы романо-германской филологии, педагогики и методики преподавания иностранных языков № 7. 2009. С. 48–55.
9. Сулейбанова М.У., Шовхалова Д.С. Числительные в нахских языках // Перспективы развития современных гуманитарных наук, 2017. С. 10–13.
9. Сулейманов Я.Г. О формах ограниченного и неограниченного множественного числа имен существительных в аварском языке // Категория числа в дагестанских языках. Махачкала, 1985. С. 114–119.
10. Хайдаков С.М. Принципы именной классификации в дагестанских языках. М.: Наука, 1980. 251 с.
11. Челнокова А.А. Имена числительные как мотивационная база вторичной номинации в немецком языке: автореф. дис. ... к.ф.н.. Самара, 2009. 24 с.

12. Glinz H. Die innere Form des Deutschen. Eine neue deutsche Grammatik. 4. Aufl. Bern – München, 1965. 505 с.
13. Jung W. Grammatik der Deutschen Sprache. Leipzig, 1966. 204 с.
14. Trabant C., Sanfelici E., Thiel A., Schulz P. On the acquisition of ordinal numbers in German. GALA Proceedings 2013. С. 521–532.

References

1. Abdullaev S.N. *Grammatika darginskogo yazika* [The grammar of the Dargwa language]. Makhachkala: Institut istorii, jazyka i literatury Dagestanskogo filiala AN SSSR, 1954. 216 p.
2. Guliga E.V., Shendels E.I. *Grammatiko-leksicheskiye polya v sovremennom nemetskom yazike* [Grammatical-lexical fields in the modern German language]. Moscow: Prosveshhenie, 1969. 184 p.
3. Ibragimov G.H. *Tsakhurskiy yazik* [The Tsakhur language]. M.: Nauka, 1990. 120 p.
4. Kadibagomayeva Z.A. *Slovoobrazovanye v sirhinskom dialekte darginskogo yazika (na materiale nahkinskogo, natsinskogo ye tcuginskogo govorov)* [Word formation in the Sirkhin dialect of the Dargha language (on the material of the Nakhkin, Natsin and Zugna dialects)]. Diss. ... k.f.n. Makhachkala, 2009. 179 p.
5. Kolotilova N.S. Chislitelnye 1, 2, 3 v nemetckom yazike: novye obrazovaniya ye drevnye relikty [The numerals 1, 2, 3 in the German language: new formations and ancient relics]. *Vestnik razanskogo gosudarctvennogo universiteta*, 2015. № 1 (46), pp. 116–125.
6. Kurbanova E.O., Solodovnikova O.K. Slozhniye chislitelniye v darginskom ye angliyskom yazikah [Complex numerals in the Dargin and English languages]. *Problemy sovremennoy nauki ye obrazovaniya*, 2015. №10 (40), pp. 117–119.
7. Musayeva H.M. Neopredelenno-kolichestvenniye chislitelniye v russkom ye laksim yazikah [Indefinite-quantitative numerals in the Russian and Lakh languages]. *Gumanitarniye issledovaniya* №3 (35), 2010, pp. 70–73.
8. Nasirova A.B., Kourova O.V. Simvolika chisel v nemetckom yazike: rezultati oprosa informantov [The symbolism of numbers in the Ger-

- man language: the results of a survey]. *Problemy romano-germanskoj filologiiye, pedagogiki i metodiki prepodavaniya inostrannih yazikov*, № 7, 2009, pp. 48–55.
9. Suleymanov Ya.G. O formah ogranichennogo ye neogranichennogo mnozhestvennogo chisla yemen sushestvitelnih v avarskom yazike [On forms of the definite and indefinite plural of nouns in the Avar language]. *Kategorija chisla v dagestanskih jazykah* [Category of the number in Dagestan languages]. Makhachkala, 1985, pp. 114–119.
  10. Haidukov. S.M. *Printsipy yemenoj klassifikatsiye v dagestanskih yazikah* [Principles of nominal classification in the Dagestan languages]. M: Nauka, 1980. 251 p.
  11. Chelnokova A.A. *Imena chislitelniye kak motivatsionnaya baza vtorichnoy nominatsiye v nemetckom yazike* [Numerals as a motivational base for secondary nomination in the German language]. Avtoref. diss. k.f.n. Samara, 2009. 24 p.
  12. Glinz H. Die innere Form des Deutschen. Eine neue deutsche Grammatik. 4. Aufl. Bern – München, 1965. 505 p.
  13. Jung W. Grammatik der Deutschen Sprache. Leipzig, 1966. 204 p.
  14. Trabandt C., Sanfelici E., Thiel A., Schulz P. On the acquisition of ordinal numbers in German. GALA Proceedings 2013, pp. 521–532.

ДАнные ОБ АВТОРАХ

Мишаева Марианна Владимировна, канд. филол. наук, доцент кафедры иностранных языков для естественнонаучных факультетов *Дагестанский государственный университет*
ул. Коркмасова 8, г. Махачкала, Дагестан, Российская Федерация
mishmar78@mail.ru

Мутаева Саида Ибрагимовна, канд. филол. наук, доцент кафедры иностранных языков для естественнонаучных факультетов *Дагестанский государственный университет*
ул. Коркмасова 8, г. Махачкала, Дагестан, Российская Федерация

suzon09@list.ru

ORCID: 0000-0002-9259-3936

DATA ABOUT THE AUTHORS

Mishaeva Marianna Vladimirovna, Candidate of Philology, Associate Professor of the Department of Foreign Languages for Faculties of Natural Sciences

Dagestan State University

8, Korkmasova st., Makhachkala, Dagestan, Russian Federation

mishmar78@mail.ru

Mutaeva Saida Ibragimovna, Candidate of Philology, Associate Professor of the Department of Foreign Languages for Faculties of Natural Sciences

Dagestan State University

8, Korkmasova st., Makhachkala, Dagestan, Russian Federation

suzon09@list.ru

ORCID: 0000-0002-9259-3936

DOI: 10.12731/2077-1770-2018-4-3-127-146

УДК 81'371

АКТУАЛЬНЫЕ ПРИЗНАКИ КОНЦЕПТА GOTT В НЕМЕЦКОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА

Морозов Е.А., Уразаева Н.Р.

Цель. Предметом исследования выступает лингвокультурное содержание концепта *Gott* (бог) в немецком языке. Бог представляет собой высшую ценность для религиозного человека. Концепт *Gott* относится к фундаментальным концептам, определяющим сознание человека, и через изучение языковых средств, его репрезентирующих, позволяет реконструировать картину мира народа. В немецком языке, как и во многих других, исследуемый концепт широко представлен в лексико-фразеологическом фонде и поговорках, которые в концентрированной форме отражают ценностные ориентации, мировидение, картину мира общества. Авторы ставят целью смоделировать концепт *Gott* в немецком языке на основе лингвокогнитивного анализа, раскрыть национальную языковую картину мира.

Метод или методология проведения работы. Основными методами исследования являются концептуальный анализ, который опирается на лексикографический и семантический анализ, а также свободный лингвистический ассоциативный эксперимент и метод сплошной выборки. До сих пор данный концепт немецкой лингвокультуры не подвергался комплексному всестороннему описанию, основанному на понятийных и ценностных характеристиках.

Результаты. Результаты исследования заключаются во всестороннем анализе трех основных составляющих концепта *Gott*: понятийной, образно-перцептивной и ценностной характеристик. На основе проведенного исследования была смоделирована структура концепта *Gott* в немецкой языковой картине мира, были выделены следующие концептуальные признаки: всемогущий, всезнающий, создатель, судья, достойный восхваления и др.

Область применения результатов. *Результаты исследования послужат вкладом в когнитивные исследования языка, описание концептов, изучение национальной языковой картины мира, а также сопоставительное изучение языков и концептов, фразеологии и паремиологии.*

Ключевые слова: *концепт; бог; когнитивная лингвистика; языковая картина мира; фразеология; паремия; немецкий язык; концептуальный признак.*

ACTUAL FEATURES OF THE GOTT CONCEPT IN THE GERMAN LINGUISTIC VIEW OF THE WORLD

Morozov E.A., Urazayeva N.R.

Purpose. *The subject of the research is the linguocultural content of the concept Gott (God) in the German language. God is the supreme value for a religious person. The Gott concept refers to the fundamental concepts that determine the human consciousness, and through the study of language means, representing it, allows you to reconstruct the people's view of the world. In the German language, as in many others, the concept under study is widely represented in the lexico-phraseological fund and paremia, which in a concentrated form reflect the value orientations and worldview. The authors aim to simulate the concept Gott in the German language based on linguo-cognitive analysis to reveal the national linguistic view of the world.*

Methodology. *The main methods of research are the conceptual analysis, based on lexicographical and semantic analysis, as well as free linguistic associative experiment and the method of continuous sampling. Until now, this concept has not been subjected to a comprehensive complex description based on conceptual and value characteristics.*

Results. *The results of the study lie in a comprehensive analysis of three main components of the concept Gott, i.e. conceptual, figurative-perceptive and value characteristics. On the basis of the study, the structure of the concept Gott was modeled, which includes a number of*

conceptual features: Almighty, all-knowing, Creator, judge, worthy of praise and gratitude, etc.

Practical implications. *The results of the study will contribute to cognitive research of the language, description of concepts, study of the national linguistic view of the world and comparative study of languages and concepts, phraseology and paremiology.*

Keywords: *concept; God; cognitive linguistics; linguistic view of the world; phraseology; proverb; German; conceptual sign.*

Введение

Изучение когнитивного и лингвокультурного содержания концептов в последние десятилетия приобрело большую актуальность в связи развитием антропоцентрического подхода в лингвистике, с необходимостью изучения и описания взаимосвязи человеческого мышления и языка. Язык – это отражение способа восприятия и концептуализации мира. Одним из значимых фрагментов общей картины мира является религиозная картина мира. Без учета религиозного фактора в жизни народа сложно представить культуру народа в целом. Религия определяет мировоззрение, поведение, ценностные ориентации [9, 10, 15].

Религиозная картина мира как один из фрагментов общей картины мира, связанный с духовной культурой народа, в своей основе представляет когнитивную структуру, которая аккумулирует в себе знание о системе духовных ценностей нации, о взглядах на мироустройство и роль человека в земном мире. Одной из ключевых констант религиозного сознания является концепт *Gott*.

Концепт *Бог* уже был объектом исследования в русской лингвокультуре [6], в других языках, в том числе в сопоставительном плане [2, 3, 4, 11], в различных текстах и жанрах [8, 12, 13, 16]. Однако комплексному всестороннему анализу в немецкой лингвокультуре концепт *Gott* не подвергался. Актуальность настоящего исследования обусловлена тем, что *Gott* является фундаментальным концептом, во многом определяющим сознание этноса, позволяющим изучить его картину мира. Новизна исследования заключается в

попытке моделирования структуры концепта с опорой на смысловые характеристики, отраженные в словарях, образно-перцептивные, основанные на ассоциативных восприятиях, и ценностные, представленные во фразеологии и паремиологии немецкого языка.

Само определение понятия «концепт» уже долгое время является предметом дискуссий ученых. Существует множество различных дефиниций концепта. Н.Д. Арутюнова усматривает в концепте взаимодействие таких факторов, как национальная традиция, фольклор, религия, идеология, жизненный опыт, образы искусства, ощущения и система ценностей. Концепты образуют «своего рода культурный слой, посредничающий между человеком и миром» [1, с. 3].

Концепт представляет собой многомерное ментальное образование, включающее понятийную, образно-перцептивную и ценностную составляющие [7]. «Концепты не только мыслятся, они переживаются. Они – предмет эмоций – симпатий и антипатий, а иногда и столкновений» [14, с. 40–41].

Таким образом, существенными признаками концепта является то, что это ментальное образование, включающее культурную, национально-специфическую, ценностную составляющие. Кодом для расшифровки концептуального значения выступает язык. Через описание средств языковой репрезентации концепта можно прийти к осмыслению языковой картины мира народа, выделить концептуальные признаки.

Ценный материал для подобного исследования представляют собой фразеологизмы и паремии, так как концентрируют коллективные представления о мире, складывавшиеся на протяжении длительной истории народа. Особую значимость приобретает раскрытие культурного компонента фразеологических и паремиологических единиц языка, которые имеют своим источником религиозное мировоззрение народа. Концепт *Gott* выступает одним из основных источников фразеологии в истории европейской и мировой цивилизации, оказывая значительное влияние на формирование мироощущения и языкового сознания разных народов мира. Поэтому в качестве материала для исследования ценностной составля-

ющей рассматриваемого концепта были выбраны фразеологизмы и паремии немецкого языка, зафиксированные в словарях [4, 21, 22]. Методика исследования носит комплексный характер и включает сплошную выборку, лексикографический, концептуальный и семантический анализ, а также свободный лингвистический ассоциативный эксперимент.

Понятийная характеристика концепта *Gott*

Понятийная часть концепта составляет основу лексического значения слова и зафиксирована в лексикографических источниках. Обратимся для раскрытия содержания и определения места изучаемого концепта в языковой картине мира и сознании нации к немецким толковым словарям. Ядерной лексемой, репрезентирующей исследуемый концепт, выступает *Gott*.

Словарь немецкого языка Duden дает следующие определения:

1. (im Monotheismus, besonders im Christentum) höchstes übernatürliches Wesen, das als Schöpfer Ursache allen Geschehens in der Natur ist, das Schicksal der Menschen lenkt, Richter über ihr sittliches Verhalten und ihr Heilsbringer ist
2. (im Polytheismus) kultisch verehrtes übermenschliches Wesen als personal gedachte Naturkraft, sittliche Macht [19, с. 229].

В цифровой словарной системе немецкого языка DWDS *Gott* определяется как “höchstes und verehrungswürdiges, außerhalb der realen Welt gedachtes Wesen in einer Religion, besonders der christlichen” [17].

Словарь WAHRIG содержит следующие дефиниции: 1) übermenschl., meist unsterbliches, mit Willen u. Macht ausgestattetes, kult. verehrtes Wesen, Gegenstand des relig. Glaubens <...> 2) im Christentum u. a. monotheist. Religionen erstes höchstes Wesen, Schöpfer der Welt [22, с. 635].

Обобщая представленные в толковых словарях дефиниции, можно выделить следующий признаковый состав концепта: высший, сверхъестественный, сверхчеловеческий, создатель, правитель, судья, почитаемый, сила, власть, не смертный, объект веры.

Для выявления внутренней формы слова, т.е. его мотивирующих признаков, обратимся к его этимологии. Древневерхнемецкое (8 в.)

got, древнесаксонское, древнеанглийское, английское, средненидерландское и нидерландское god, шведское gud, готское guþ указывают на германский корень *gudā- ‘бог, божество’, во множественном числе ‘силы судьбы’. Раньше существительное *Gott* было среднего рода, так как обозначало божества как мужского, так и женского пола. Под влиянием христианства оно перешло в разряд существительных мужского рода, и в основу его легло обозначение христианского бога. Этимология этого слова до конца не ясна. Одно из толкований его происхождения сводится к германскому корню *gudā-, в форме партиципа с -to-, индоевропейскому *ǵhǵto- ‘тот, к кому зывают’, *ǵhau-, *ǵhau- ‘звать, обращаться’. Таким образом, субстантивированную форму индоевропейского *ǵhǵtom следовало бы трактовать как ‘(волшебным словом) вызываемое или призываемое существо’; ср.: древнеиндийское hávatē ‘зывает’, hūtá- ‘позванный’, puruhūtá- ‘призываемый многими’ (в качестве имени Индры в ведах), греческое kauchásthai (καυχᾶσθαι) ‘восхваляться, хвалиться’, древнеирландский guth ‘голос’, галльско-латинское gutuater ‘галльский священник’, вероятно, от *ǵhutupatēr ‘отец (т.е. мастер) возвания (к богу)’, литовский žavėti, латышский zavēt ‘колдовать’, древнеславянский zъvati, русский ‘звать’. Другое толкование связывает германское *gudā- ‘тот, кому приносят жертвы’ с индоевропейским корнем *ǵheu- (□gießen – лить), соотносящимся с либацией (возлиянием) [17, 18, 20].

Таким образом, среди мотивирующих признаков можно выделить: 1) вызываемый (волшебным словом); 2) восхваляемый; 3) требующий жертвоприношений.

Синонимические ряды концепта представлены следующими лексемами: Allwissender, der liebe Gott, Er, Gott der Herr, Gottvater, Herr, Schöpfer, Unsterblicher; (gehoben) Allerbarmer, Allgütiger, Allmächtiger, Erbarmen, Gottheit; (familiär) Herrgott; (alttestamentlich) Adonai, Eloah, Herr Zebaoth, Jahve, Jehova; (katholische Liturgie) Dominus; (Religion) Heilsbringer, [himmlischer] Vater, Vater im Himmel; (christliche Religion) Himmelfürst; (islamische Religion) Allah; Göttergestalt, Gottheit, Götze, Unsterblicher; (Mythologie, Religion) Allvater [17].

Культурный фон откладывает отпечаток на коннотацию. Синонимы охватывают в основном положительно коннотированные экспликации: всезнающий, всемилостивый, всемогущий, спаситель и др. Однако здесь присутствуют также и отрицательные оценочные характеристики, как, например: *Götze* – идол, кумир. В современных мировых религиях идолопоклонство является неприемлемым и осуждается. Известное библейское изречение гласит: *schaff' dir keinen Götzen* – не сотвори себе кумира. Все фразеологические единицы немецкого языка, содержащие данную лексему, также используются в неодобрительных контекстах: *einem Götzen räuchern* – поклоняться идола; *Götzen anbeten* – предаваться идолопоклонству; *den falschen Götzen dienen* – поклоняться не тем богам; *in Götze verwandeln* – делать идола; *Götzen dienst mit j-m / etw. treiben* – создавать себе кумира; *er sitzt da wie ein Götze* – он сидит тут как истукан.

Образно-перцептивная характеристика концепта *Gott* (ассоциативный эксперимент)

Для определения образно-перцептивной составляющей концепта *Gott* был проведен ассоциативный эксперимент в форме опроса открытого формата. Целью эксперимента явилось выстраивание ассоциативных полей, вербализующих концепт *Gott* в немецкоязычном языковом сознании. Анкета, содержащая два вопроса, была разослана через социальные сети в интернете. Участники эксперимента отвечали на вопросы онлайн, программа аккумулировала ответы. В эксперименте приняли участие 132 респондента – носителя немецкого языка.

Вопросы были сформулированы следующим образом:

1. Ist Deutsch Ihre Muttersprache?
2. Schreiben Sie eine Assoziation mit dem Wort Gott!

В результате исследования был составлен ассоциативный образ, который позволяет выявить содержание концепта в актуальном сознании народа и ранжировать когнитивные признаки, формирующие концепт по степени яркости. На основе анализа полученных

слов-реакций были выделены следующие смысловые зоны концепта (в скобках указано количество упоминаний ассоциации):

Религиозные атрибуты: *Beten, Bibel (3), Jesus (8), Jesus Gebete, Gottes Gebete, Glaube (10), Gläubige Gottes, Kirche (6), Kreuz, Religion (9), Spiritualität (2)*

Всемогущество Бога: *Allmacht, allmächtig (2), Allmächtiger (2), Kreationismus, der allmächtige Vater, Schöpfer, allwissend, heilig, omnipräsent, sein Wille geschehe, Übermacht, Herr, Macht*

Gott как вымышленный персонаж: *Mann im Himmel mit weißem Bart, imaginärer Freund, alter Mann mit Bart, Idioten die nicht selbständig denken, fiktiv, patriarchalisch, inexistent, fiktiv, mystisch, unfassbar, Unfassbares,*

Нравственные, в том числе религиозные ценности: *Gerechtigkeit (2), Liebe (2), Hoffnung, Universalethik, Friede, Familie, Gesellschaft*

Gott как вечность/мировоззренческие ценности: *Ewigkeit, ewig, Gut, Orientierung, Licht, Energie*

Gott как универсум: *Weltraum, Universum, allgemeines Prinzip, Natur, Himmel (4)*

Конфессиональная принадлежность людей: *Christen, Moslems*

Gott как покровитель /родитель: *Vater (2)*

Антипод бога: *Teufel, Quacksalber, Sünder*

Зло, раздор: *Hass, Trauer, Streit, Krankheit, Sterben, Missbrauch, Aberglaube, Krieg (3), Hölle, Geld, heuchlerisch*

Ответы респондентов разнились от юмористически-безобидных, сравнивающих бога с пожилым человеком с бородой, живущим на небе, или с мнимым другом патриархального уклада (*Mann im Himmel mit weißem Bart, imaginärer Freund, alter Mann mit Bart*), до абсолютно отрицательно коннотированных (*Quacksalber, Sünder, Teufel*).

Ценностная характеристика концепта *Gott*

В немецкой лингвокультуре концепт *Gott* имеет долгую историю, о чем свидетельствует его богатая вербализация в языке. Большое количество фразеологических единиц, пословиц и поговорок,

в которых сосредоточивается и хранится социально-значимая информация, сведения о картине мира народа, может выступать основным источником для исследования языка и культуры народа.

Ядерное значение концепта *Gott*, реконструируемое из фразеологических и паремиологических единиц немецкого языка, может быть определено как «превосходящий (всех и во всем), высший». Обусловлено такое видение религиозной картиной мира, в которой Бог – это высшая инстанция. Здесь вычлняются в свою очередь следующие концептуальные признаки.

Бог превосходит всех по силе, власти, могуществу (*Allmächtiger Gott*), он является повелителем над всем:

Bei Gott ist kein Ding unmöglich. – Для Бога нет ничего невозможного. / Чем черт не шутит.

das ist von Gott gewollt – это сам бог велел

das liegt ganz bei Gott – все в руках божьих

Так как в силах бога исполнить все, человек обращается к нему с просьбами, молитвами, уповая на его всемогущество:

Dein Wort in Gottes Gehörgang! – Твои слова да Богу в уши!

Бог превосходит всех по знанию. Если что-то не поддается человеческому объяснению, то говорят:

Gott allein weiß. – Лишь одному Богу известно.

Gott weiß alles, Gott sieht alles, Gott hört alles. – Бог не Тимошка, видит немножко.

Gott weiß! – Одному богу известно!

Das wissen die Götter! – Откуда мне знать это!

Обобщающее значение имеют фразеологизмы, содержащие сочетание *Gott und die Welt*:

Das weiß Gott und die Welt! – Это все знаем!

von Gott und der Welt nichts wissen – ничего не понимать, ни в чем не разбираться

Бог является творцом, создателем всего (дарует как жизнь, так и смерть, забирает умерших в свое царство):

wie ihn Gott geschaffen hat – в чём мать родила

alle Tage, die Gott werden lässt – каждый божий день

Gott ruft j-n zu sich – бог призвал его к себе
j-s Seele ist bei Gott – его душа на небесах, отдал богу душу
Gott habe ihn selig! – Царство ему небесное!
Gott hat ihn zu sich abberufen – он скончался
in Gottes Erdboden ruhen – почивать с богом

Ничто не происходит без воли бога, без божьего промысла. Крылатое выражение из библейского псалма гласит, что все усилия и старания напрасны, если нет благословения божьего: „Es ist umsonst, dass ihr früh aufsteht und euch spät erst niedersetzt, um das Brot der Mühsal zu essen; denn der Herr gibt es den Seinen im Schlaf“ (Ps 27,2).

Gott gibt's den Seinen im Schlaf. – Дуракам счастье.

Бог – это спаситель, защитник:

Gott erbarm / behüte / bewahre! – Не дай бог! Боже сохрани!

Da Gott sei vor! – Боже упаси! Не дай бог!

unter (in) Gottes Schutz stehen – под божьей защитой

Также бог выступает справедливым судьей:

Gott möge alles richten. – Бог – всему судья.

vor Gottes Richterstuhl treten – предстать перед судом божьим
bei Gott schwören – божиться, клясться

О справедливости и мудрости могут свидетельствовать слова Иисуса, ставшие крылатым выражением, о том, что каждому должно воздаваться по заслугам:

So gebet dem Kaiser, was des Kaisers ist, und Gott, was Gottes ist.
– Кесарево кесарю, а божие богу.

В человеческом мышлении присутствует представление, что бог ни в чем не нуждается, живет без забот и хлопот:

leben wie Gott in Frankreich – кататься как сыр в масле, жить припеваючи

dem (lieben) Gott einen guten Mann sein lassen – жить беспечно, ни о чем не беспокоиться

Однако также во фразеологизмах и паремиях говорится о его трудолюбии:

Gottes Mühlen mahlen langsam, aber stetig. – Вода камень точит.
/ За все придет расплата.

dem lieben Gott die Tage (ab)stehlen – бездельничать (данное выражение буквально означает «красть дни у бога», что свидетельствует о том, что бог явно не одобряет праздности)

Бог достоин восхваления и благодарности:

Gott sei Dank! – Слава богу!

Gott sei's getrommelt und gepfiffen! – (шутл.) слава богу!

ein Bild für die Götter – (шутл.) зрелище, достойное богов

Еще один немаловажный признак – «свой». У каждой религии свое божество, и поклонение другим богам является для приверженца определенной религии неприемлемым, осуждается:

sich fremden Göttern zuwenden – поклоняться чужим богам

Несмотря на то, что бог – существо сверхъестественное, человеческое сознание, как правило, наделяет его антропоморфными признаками. Представления о боге оказывают влияние на формирование человека, который сравнивает свои способности и возможности с возможностями бога. В данном сопоставлении проявляются два полярных начала: с одной стороны, слабость и бессилие человека, с другой – вера в его силу и достоинство.

Стремление человека к совершенству в каких-либо делах обусловливает отождествление человека с богом, перенос божественных способностей в сферу человеческой деятельности, на обозначение всемогущих, влиятельных лиц или мастеров своего дела:

zum Gott machen / zu einem Gott erheben – обожествлять

Götter der Druckerschwärze – влиятельные газетчики

ein Dichter von Gottes Gnaden – поэт милостью божьей (настоящий поэт)

Götter in Weiß – врачи

Darüber streiten sich die Götter (в другом варианте – *die Gelehrten*).

– Об этом ещё идут споры, это ещё не решено.

Volkes Stimme ist Gottes Stimme. – Глас народа – глас божий.

Выдающиеся человеческие способности обозначаются как *göttlicher Funke* – божья искра.

Противоположность – человек, «покинутый богом», то есть лишенный каких-то способностей, совершающий ненадлежащие поступки:

Du bist wohl ganz von Gott verlassen! – Ты, видно, совсем одурел!
Предметы или явления, достойные высочайшей похвалы, также «обожествляются»:

himmlische Schönheit – божественная красота
madonnenhaft – как мадонна; неземной; божественный (о красоте женщины)

ein göttlicher Fraß! – пища богов! роскошная пища!

Человек не всегда может уповать на помощь бога. Ряд пословиц указывает на то, что человек сам должен прилагать усилия для достижения цели:

Hilf dir selbst, so hilft dir Gott / vertrauet Gott, doch haltet euer Pulver trocken – На Бога надейся, а сам не плошай.

Der Mensch denkt, Gott lenkt. – Человек предполагает, а Бог располагает.

Vor den Erfolg haben die Götter den Schweiß gesetzt. – Успех даётся нелегко.

den lieben Gott walten lassen – пустить дело на самотек

Человек призван творить добрые дела на земле, и благодарность бога в религиозном сознании является для человека наивысшей наградой за совершенный поступок. При этом бог не может отблагодарить материально. Однако сегодня выражения *um einen Gotteslohn arbeiten* и *etw. für ein Vergelt's Gottes tun*, изначально трактовавшиеся как «работать за божью награду», трансформировались и наполнены ироническим подтекстом, означая «работать даром» (ср. рус. «бог подаст»).

Бог является эталоном, критерием истины (в формулировках как религиозное подтверждение):

So wahr mir Gott helfe! – Клянусь честью! (данное выражение используется в присяге канцлера и министров ФРГ)

göttliches Recht – божественное право

Различные междометия, эксплицирующие широкую палитру эмоций: радость, восторг, досаду, возмущение, разочарование, сожаление, удивление и др., можно отнести к дальней периферии концепта. Многие из таких междометий при этом могут выражать несколько эмоций в зависимости от ситуации:

Mein Gott! – Боже мой!

Leider Gottes! – К сожалению!

Großer Gott! – Ах, господи! Боже мой!

Herrgott! – Господи! Боже мой!

Um Gottes (Himmels) willen! – Боже упаси!

Gerechter Gott! – о господи! (возглас изумления, испуга)

Сюда же можно отнести и формулы приветствия и прощания, так как первоначальная семантика лексемы *Gott* в них практически стерта:

Grüß Gott! – Здравствуйте!

Gott befohlen! – Прощайте!

Следует отметить, что во многих фразеологизмах и паремиях немецкого языка концепт *Gott* десакрализован, то есть оторван от религиозных представлений, лишен священного смысла. Так, на современном молодежном жаргоне *iPhone* называют *Jesus-Handy*.

Заключение

Таким образом, в ходе анализа были выделены функции концепта *Gott*, представленные в дефинициях словарей, объективированные в лексико-фразеологическом и паремиологическом фонде немецкого языка, а также реконструированные на основе ассоциативного эксперимента.

Концепт *Gott* имеет сложную структуру, включающую ряд концептуальных признаков. Анализ словарных дефиниций ключевой лексемы немецкого языка, объективирующей концепт *Gott*, позволил дополнительно выстроить области рассматриваемого концепта, проследить этимологию и выявить качественные сходства и различия. Слово-стимул исследуемого концепта состоит из следующих ассоциативных полей: религиозные атрибуты, всемогущество, вымышленный персонаж, нравственные, в том числе религиозные ценности, вечность/мировоззренческие ценности, универсум, конфессиональная принадлежность людей, *Gott* как покровитель / родитель, антипод бога, зло, раздор. Каждый базовый компонент ассоциативного поля получает специфичное наполнение в немецком

языке посредством различных языковых единиц. Фразеология и паремиология немецкого языка объективируют также такие признаки, как всемогущий, обладающий абсолютным знанием, создатель, спаситель, защитник, судья, трудолюбивый, достойный восхваления и благодарности, «свой» и др., которые базируются на религиозном мировидении и отражают мотивирующее значение ключевой лексемы, а также некоторые периферийные признаки (в междометиях, формулах приветствия и прощания), значение которых с течением времени было десакрализовано.

Данное исследование предполагает перспективу дальнейшего изучения концепта *Gott*, выявления концептуальной асимметрии в отношениях разных лингвокультур, поскольку это фундаментальный, значимый для всех социумов концепт, отражающий картину мира человека и общества.

Список литературы

1. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. 2-е изд., испр. М.: «Языки русской культуры», 1999. 896 с.
2. Базарова Л.В. Концепт «Бог» во фразеологических единицах английского, русского, татарского и турецкого языков. Дисс. ... к.ф.н. Казанский (Приволжский) федеральный университет. Казань, 2011. 268 с.
3. Белова Д.А. Концепт «БОГ/GOTT» в паремиологической картине мира (на материале пословиц и поговорок) // Личность и общество: проблемы взаимодействия. Материалы VIII Международной научно-практической конференции. Челябинск: Издательство: Издательский дом «Монограф», 2015. С. 215–218.
4. Бинович Л.Э. Немецко-русский фразеологический словарь. М.: Аквариум, 1995. 768 с.
5. Елисеева О.В. Когнитивный аспект символического компонента в структуре концептов бог и дьявол в русской, французской и английской лингвокультурах. Дисс. ... к.ф.н. Ульяновск, 2008. 151 с.
6. Калькова О.К. Бог в русской языковой картине мира (основные компоненты) // Вестник ЦМО. МГУ, 2009. № 1. Лингвокультурология. С. 89–91.

7. Карасик В.И., Слышкин Г.Г. Лингвокультурный концепт как единица исследования // Методологические проблемы когнитивной лингвистики / Под. ред. И.А. Стернина. Воронеж, 2001. С. 75–80.
8. Кремшокалова М.Ч. Ценностный концепт «Бог» в жанровой картине мира благопожеланий и проклятий // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2014. № 4. С. 110.
9. Морозов Е.А. Духовные ценности: проблема взаимоотношений церкви и горожан на рубеже XX–XXI вв. (на примере Храма Вознесения Господня г. Магнитогорска) // Традиционные национально-культурные и духовные ценности как фундамент инновационного развития России. Магнитогорск: МГТУ им. Г. И. Носова, 2017. № 2 (12). С. 23–26.
10. Морозов Е.А., Уразаева Н.Р. Репрезентация современных ценностей религиозного общества. Монография (электронное издание). Магнитогорск: МГТУ им. Г. И. Носова, 2017. URL: <http://catalog.infoereg.ru/Inet/GetEzineByID/316119> (дата обращения: 10.01.2018).
11. Нуруллина А.Г. Концепты «Бог», «дьявол», «небо», «душа» в религиозной картине мира // *Lingua mobilis*. 2011. № 5. С. 64–72.
12. Павлова Д.Д. Лексико-семантическое поле концепта «Бог» и языковые средства его реализации в романе Р.А. Анайи «Благослови, Ульtima!» // Актуальные вопросы филологических наук: материалы II Междунар. науч. конф. (г. Чита, июль 2013 г.). — Чита: Издательство Молодой ученый, 2013. С. 39–44. URL: <https://moluch.ru/conf/phil/archive/80/4130/> (дата обращения: 02.02.2018).
13. Салех М. Лингво-когнитивный анализ концепта «Бог» в творчестве Ф.М. Достоевского – попытка лингвиста к пониманию мировоззрения великого писателя – философа на примере его шедевра «Братья Карамазовы» // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия «Гуманитарные науки». Москва, 2016 (сентябрь). URL: <http://www.vipstd.ru/index.php/серия-гуманитарные-науки/серия-гуманитарные-науки-2016/гуманитарные-науки-2016-сентябрь/848-hum-19> (дата обращения: 23.01.2018).
14. Степанов Ю.С. Константы: Словарь русской культуры: 3-е изд. М.: Академический проект, 2004. 992 с.

15. Уразаева Н.Р. Ценностные доминанты молитвенных текстов (на материале немецкоязычных протестантских молитвенных текстов) // Искусство Германии в России под ред. М.А. Егоровой (отв. ред.), А.А. Кузиной, О.В. Синяевой, Н.Р. Уразаевой. Магнитогорск: МаГУ, 2012. С. 250–256.
16. Щемелинина И.Н. Концепт БОГ в сочинении Г. Котошихина «О России в царствование Алексея Михайловича» // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2015. № 6. С. 55–62.
17. Das Wortauskunftssystem zur deutschen Sprache in Geschichte und Gegenwart (DWDS). URL: <https://www.dwds.de> (дата обращения: 17.12.2017).
18. Deutsches Wörterbuch von Jacob Grimm und Wilhelm Grimm (DWB) URL: http://woerterbuchnetz.de/cgi-bin/WBNetz/wbgui_py?sigle=DWB (дата обращения: 20.12.2017).
19. Duden. Etymologie. Herkunftswörterbuch der Sprache. Mannheim: Bibliographisches Institut AG, 1963. 816 S.
20. Duden: URL: <https://www.duden.de/rechtschreibung/Gott> (дата обращения: 17.12.2017).
21. Kluge F. Etymologie. Herkunftswörterbuch der deutschen Sprache. Berlin / New York: Walter de Gruyter, 2002. 1023 S.
22. PONS. Deutsche Idiomatik: die deutschen Redewendungen im Kontext. Stuttgart, Dresden: Ernst Klett Verlag für Wissen und Bildung, 1993. 1037 S.
23. PONS. Synonymwörterbuch der deutschen Redensarten. Stuttgart, Dresden: Ernst Klett Verlag für Wissen und Bildung, 1992. 428 S.
24. Wahrig. Großwörterbuch Deutsch als Fremdsprache. Berlin: Gütersloh/München, und Cornelsen Verlag GmbH & Co OHG, 2008. 1728 S.

References

1. Arutyunova N.D. *Jazyk i mir cheloveka* [Language and the World of Man]. 2-nd ed. Moscow: Yazyki russkoi kultury [Languages of Russian culture], 1999. 896 p.
2. Bazarova L.V. *Kontsept «Bog» vo frazeologicheskikh edinitakh angliiskogo, russkogo, tatarskogo i turetskogo iazykov* [Concept “God”

- in Phraseological Units of English, Russian, Tatar and Turkish Languages]. Diss. ... k.f.n. Kazan', 2011. 268 p.
3. Belova D.A. Koncept «BOG/GOTT» v paremiologicheskoj kartine mira (na materiale poslovic i pogovorok) [The Concept “GOD / GOTT” in the Paremiological Picture of the World (Based on Proverbs and Sayings)]. *Lichnost' i obshhestvo: problemy vzaimodejstvija. Materialy VIII Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii* [Personality and society: problems of interaction. Proceedings of the VIII International Scientific and Practical Conference]. Chelyabinsk: Publishing house “Monograph”, 2015: 215–218.
  4. Binovich L.E. *Nemetsko-russkii frazeologicheskii slovar'* [German-Russian Phraseological Dictionary]. M.: Akvarium, 1995, 768 p.
  5. Eliseeva O.V. *Kognitivnyi aspekt simvolicheskogo komponenta v strukture kontseptov bog i d'iavol v russkoj, frantsuzskoj i anglijskoj lingvokul'turakh* [The Cognitive Aspect of the Symbolic Component in the Structure of the Concepts of God and Devil in Russian, French and English Linguocultures]. Diss. ... k.f.n. Ul'ianovsk, 2008, 151 p.
  6. Kal'kova O.K. Bog v russkoj jazykovoju kartine mira (osnovnye komponenty) [God in the Russian Language Picture of the World (Main Components)] *Vestnik TsMO. MGU*, 2009. № 1. Lingvokul'turologija: 89–91.
  7. Karasik V.I., Slyshkin G.G. Lingvokul'turnyj koncept kak edinica issledovanija [Linguocultural Concept as a Unit of Study]. *Metodologicheskie problemy kognitivnoj lingvistiki* [Methodological problems of cognitive linguistics]. Voronezh, 2001: 75–80.
  8. Kremshokalova M.Ch. Cennostnyj koncept «Bog» v zhanrovoj kartine mira blagopozhelanij i prokljatij [The Value Concept “God” in the Genre Picture of the World of Good Wishes and Curses]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*. 2014. № 4: 110.
  9. Morozov E.A. Duhovnye cennosti: problema vzaimootnoshenij cerkvi i gorozhan na rubezhe XX–XXI vv. (na primere Hrama Voznesenija Gospodnja g. Magnitogorska) [Spiritual Values: the Problem of the Relationship between the Church and the Townspeople at the Turn of the 20th-21st Centuries (on the Example of the Temple of the Ascension of the Lord, Magnitogorsk)]. *Traditsionnye natsional'no-kul'turnye i duk-*

- hovnye tsennosti kak fundament innovatsionnogo razvitiia Rossii* [Traditional national cultural and spiritual values as the foundation of the innovative development of Russia]. Magnitogorsk: MSTU, 2017. № 2 (12): 23–26.
10. Morozov E.A., Urazayeva N.R. *Reprezentatsiia sovremennykh tsenno-
stei religioznogo obshchestva* [Representation of Contemporary Values
of Religious Society]. Monograph (e-edition). Magnitogorsk: MSTU,
2017. <http://catalog.inforeg.ru/Inet/GetEzineByID/316119>
  11. Nurullina A.G. Koncepty «Bog», «d'javol», «nebo», «dusha» v religi-
oznoj kartine mira [Concepts “God”, “Devil”, “Heaven”, “Soul” in the
Religious Picture of the World]. *Lingua mobilis*. 2011. № 5: 64–72.
  12. Pavlova D.D. Leksiko-semanticheskoe pole koncepta «Bog» i jazyko-
vye sredstva ego realizacii v romane R.A. Anaji «Blagoslovi, Ul'tima!»
[The Lexico-semantic Field of the Concept “God” and the Linguistic
Means of its Realization in the Novel *Bless me, Ultima* by R. Anaya].
*Aktual'nye voprosy filologicheskikh nauk: materialy II Mezhdunar.
nauch. konf.* [Actual problems of philological sciences: materials of the
II Intern. scientific conf. (Chita, July 2013)]. Chita: Molodoi uchenyi,
2013, pp. 39-44. <https://moluch.ru/conf/phil/archive/80/4130/> (accessed
February 02, 2018).
  13. Salekh M. Lingvo-kognitivnyj analiz koncepta «Bog» v tvorchestve
F.M. Dostoevskogo – popytka lingvиста k ponimaniju mirovozzrenija
velikogo pisatelja – filosa na primere ego shedevra «Brat'ja Kara-
mazovy» [Linguistic-cognitive Analysis of the Concept “God” in the
Works of F.M. Dostoevsky – a Linguistic to Understand the Worldview
of the Great Writer and Philosopher on the Example of his Masterpiece
“The Brothers Karamazov”]. *Sovremennaja nauka: aktual'nye prob-
lemy teorii i praktiki. Seriya «Gumanitarnye nauki»*. Moscow, 2016
(September): [http://www.vipstd.ru/index.php/серия-гуманитарные-
науки/серия-гуманитарные-науки-2016/гуманитарные-науки-2016-
сентябрь/848-hum-19](http://www.vipstd.ru/index.php/серия-гуманитарные-науки/серия-гуманитарные-науки-2016/гуманитарные-науки-2016-сентябрь/848-hum-19) (accessed January 23, 2018).
  14. Stepanov Iu.S. *Konstanty: slovar' russoj kul'tury* [Constants: Dictio-
nary of the Russian Culture]. Moscow: Akademicheskij proekt. 2004,
992 p.

15. Urazayeva N.R. Cennostnye dominanty molitvennykh tekstov (na materiale nemeckojazychnykh protestantskih molitvennykh tekstov) [The Value Dominants of Prayer Texts (on the Basis of German-language Protestant Prayer Texts)]. *Iskusstvo Germanii v Rossii* [Art of Germany in Russia]. Magnitogorsk: MaSU, 2012: 250–256.
16. Shchemelinina I.N. *Koncept BOG v sochinenii G. Kotoshihina «O Rossii v carstvovanie Alekseja Mihajlovicha»* [The Concept of God in the Work of G. Kotoshikhin “On Russia in the reign of Alexei Mikhailovich”]. 2015. № 6: 55–62.
17. Das Wortauskunftssystem zur deutschen Sprache in Geschichte und Gegenwart (DWDS). <https://www.dwds.de> (accessed December 20, 2017).
18. Deutsches Wörterbuch von Jacob Grimm und Wilhelm Grimm (DWB) URL: http://woerterbuchnetz.de/cgi-bin/WBNetz/wbgui_py?sigle=DWB (дата обращения: 20.12.2017).
19. Duden. Etymologie. Herkunftswörterbuch der Sprache. Mannheim: Bibliographisches Institut AG, 1963. 816 p.
20. Duden. <https://www.duden.de/rechtschreibung/Gott> (accessed December 17, 2017).
21. Kluge F. Etymologie. Herkunftswörterbuch der deutschen Sprache. Berlin / New York: Walter de Gruyter, 2002. 1023 p.
22. PONS. Deutsche Idiomatik: die deutschen Redewendungen im Kontext. Stuttgart, Dresden: Ernst Klett Verlag für Wissen und Bildung, 1993. 1037 S.
23. PONS. Synonymwörterbuch der deutschen Redensarten. Stuttgart, Dresden: Ernst Klett Verlag für Wissen und Bildung, 1992. 428 p.
24. Wahrig. Großwörterbuch Deutsch als Fremdsprache. Berlin: Gütersloh/München, und Cornelsen Verlag GmbH & Co OHG, 2008. 1728 p.

ДАнные ОБ АВТОРАХ

Морозов Евгений Александрович, доцент кафедры романо-германской филологии и перевода, кандидат филологических наук, доцент

Магнитогорский государственный технический университет им. Г.И. Носова

---

*пр. Ленина, 38, Магнитогорск, 455000, Российская Федерация
buddenbroki@mail.ru*

Уразаева Наиля Радифовна, доцент кафедры романо-германской филологии и перевода, кандидат филологических наук, доцент *Магнитогорский государственный технический университет им. Г.И. Носова*
*пр. Ленина, 38, Магнитогорск, 455000, Российская Федерация
nailja-urasaewa@yandex.ru*

DATA ABOUT THE AUTHORS

Morozov Evgenii Alexandrovich, Ph.D. in Philology, Associate Professor of Department of Romano-Germanic Philology and Translation *Nosov Magnitogorsk State Technical University*
*38, Lenin avenue, Magnitogorsk, 455000, Russian Federation
buddenbroki@mail.ru
SPIN-code: 3257-4610
ORCID: 0000-0001-7453-1865
Researcher ID: L-6097-2018*

Urazayeva Nailya Radifovna, Ph.D. in Philology, Associate Professor of Department of Romano-Germanic Philology and Translation *Nosov Magnitogorsk State Technical University*
*38, Lenin avenue, Magnitogorsk, 455000, Russian Federation
nailja-urasaewa@yandex.ru
SPIN-code: 6280-6242
ORCID: 0000-0002-8461-4020
Researcher ID: L-3955-2018
Scopus Author ID: 57190608537*

DOI: 10.12731/2077-1770-2018-4-3-147-161

УДК 81'42

СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ ЭПИСТЕМИЧЕСКОЙ МОДАЛЬНОСТИ В ДИСКУРСИВНОМ ПРОСТРАНСТВЕ БРИТАНСКИХ ТОК-ШОУ

Мучкина Е.С., Ботвина П.Е.

Настоящая работа посвящена исследованию особенностей языковой репрезентации эпистемической модальности в дискурсе ток-шоу. Актуальность работы объясняется недостаточно четким определением языковых границ модальности как функционально-семантической категории. Цель данной работы заключалась в выявлении и типологизации языковых средств маркирования эпистемической модальности в речи гостей и ведущего британских ток-шоу. Материалом исследования послужили фрагменты британских ток-шоу «The Graham Norton Show», «The Paul O'Grady Show», «Top Gear», «Actors on Actors» общей продолжительностью воспроизведения 18 ч. 37 мин. Анализ практического материала осуществлялся с помощью конверсационного анализа, дискурс-анализа, функционального анализа. В результате исследования было выявлено, что языковые операторы эпистемической модальности в речи участников ток-шоу выполняют функцию указания на субъективность мнения говорящего, отражая различную степень достоверности/недостоверности сообщаемого. Помимо этого, отмечено, что языковые операторы эпистемической модальности могут служить средством актуализации коммуникативной категории вежливости. Результаты исследования могут найти применение в вузовских курсах по теоретической грамматике, дискурсологии, межкультурной коммуникации.

Ключевые слова: эпистемическая модальность; модальный оператор; дискурс ток-шоу; прагматика.

EPISTEMIC MODAL MARKERS IN BRITISH TALK SHOW DISCOURSE

Muchkina E.S., Botvina P.E.

Epistemic modality as a category is neither defined strictly, nor its limits in contemporary linguistics are clarified. The purpose of this study is to identify the way epistemic modality is represented in the discourse of British talk shows. For this reason, we analyzed the speech of talk show participants using discourse, conversational and functional analyses. The list of analyzed talk shows includes The Graham Norton Show, The Paul O'Grady Show, Top Gear, Actors on Actors (total duration of video fragments is 18 hours 37 minutes). The preliminary results of the research show that talk-show participants tend to use a great number of epistemic modal markers to express their opinion which function as discourse linkers and are often used to express courtesy and accord. The results of the study may find implication in the development of courses in theoretical grammar, discourse studies, intercultural communication.

Keywords: *epistemic modality; media discourse; modal operators; talk show; pragmatics.*

Введение

В связи со становлением когнитивно-дискурсивной парадигмы в лингвистике XX–XXI вв. в центре внимания исследователей оказалось теоретическое осмысление и переосмысление многих категорий языковой системы. Весьма притягательной для исследователей вновь стала категория модальности как одна из категорий наиболее антропоцентрических в своей основе.

Обычно модальность определяется как категория, «выражающая разные отношения высказывания к действительности, а также разные виды субъективной квалификации сообщаемого» [9, с. 303]. Однако анализ научной лингвистической литературы показывает, что среди ученых до сих пор нет единства в понимании границ

модальности и ее природы. Например, А.А. Худяков отмечает, что модальность «по-прежнему остается в известном смысле *terra incognita* современной лингвистики, так как и поныне не определена однозначна ее природа, не выявлены ее подтипы <...> и объем этой категории не является твердо установленным» [15, с. 56].

В научных трудах категория модальности определяется преимущественно как функционально-семантическая категория [1, с. 44; 8, с. 23; 10, с. 12]. В этом случае внимание исследователей приковано к разноуровневым языковым средствам, которые способны к выражению сходных модальных смыслов.

Выделяют два типа модальности: объективную и субъективную. Объективная модальность выражает отношение содержания высказывания к действительности в плане его достоверности, гипотетичности или противоречия реальному положению дел. Объективная модальность находит свое выражение в формах наклонения и является неотъемлемой частью предложения в целом. Субъективная модальность делится на два подтипа: деонтическую и эпистемическую. Деонтическая модальность выражает степень соответствия ситуации в высказывании морально-этическим пожеланиям говорящего (от абсолютной необходимости для говорящего до полной нежелательности или морально-этической неприемлемости) и описывается в терминах «возможно/невозможно», «желательно», «необходимо». Эпистемическая модальность выражает различную степень уверенности говорящего в достоверности информации, содержащейся в высказывании. Как отмечает В.З. Демьянков, «эпистемическая модальность <...> заключается в выражении говорящим своего отношения к высказываемому суждению с точки зрения того, что имеется, имелось или будет иметься в реальном мире, без привнесения деонтических аспектов (т. е. того, что должно или хорошо было бы, чтобы имелось)» [5, с. 267]. Таким образом, эпистемическая модальность самым непосредственным образом взаимосвязана с оценкой достоверности высказываемого суждения. Недостоверность выражается эксплицитно, через особые лексические показатели, например, модальные слова и частицы, в то время

как достоверность подается имплицитно: самим фактом отсутствия показателей недостоверности [2, с. 684].

Уровень достоверности сообщаемого может варьироваться. Это позволяет выделить следующие виды эпистемической модальности: модальность достоверности и недостоверности. Поясним, что достоверность понимается как знание, обладающее доказательной базой, недостоверность, соответственно, определяется как знание без доказательной базы [14, с. 55]. Выделяют следующие виды модальности недостоверности: модальность сомнения и модальность предположения. Сомнение предполагает наличие обработанной информации, в отношении которой выражается неуверенность (чаще относится к прошедшему времени). Предположение, в свою очередь, не имеет под собой фундамента знания, основываясь лишь на догадках говорящего (чаще относится к настоящему или будущему времени).

Отметим, что язык предлагает широкий спектр средств для представления модальных характеристик в целом. Так, среди средств выражения эпистемической модальности в английском языке выделяют модальные глаголы (*must, might, can*), вводные модальные слова (*evidently, inevitably, etc.*), вероятностные наречия (*surely, probably, certainly, etc.*), устойчивые синтаксические структуры (*be likely to do*), наречия-аппроксиматоры (*sort of, kind of, etc.*), т.н. разделительные вопросы (*He doesn't know the answer, does he?*). Кроме того, могут быть задействованы глаголы мыслительной деятельности (*to seem, to doubt, to hesitate, to waver, etc.*). Выбор того или иного оператора обусловлен преследуемой говорящим целью, а также его стремлением к достижению эффективной коммуникации.

Эпистемическая модальность также может быть выражена комбинацией различных языковых средств. Так, М.А. Битнер отмечает, что это возможно, если модальные операторы выражают эпистемическую модальность, но исходят при этом от разных субъектов. В этом случае автор высказывания или цитирует мнение другого субъекта, или имеет место диалог мнений [3, с. 53]. Примером может послужить следующее высказывание: «She thought he was sure of his actions».

Цель нашей работы заключалась в выявлении и типологизации эпистемических модальных операторов, которые используются в британском дискурсе ток-шоу для выражения достоверных и недостоверных модальных смыслов.

Материалы и методы

Исследование проводилось на материале британских ток-шоу «The Graham Norton Show», «The Paul O'Grady Show», «Top Gear», «Actors on Actors» общей продолжительностью воспроизведения 18 ч. 37 мин. Для преобразования звуковой записи в письменный текст был использован онлайн портал Speechpad. Анализ практического материала осуществлялся с помощью следующих лингвистических методов: разговорный анализ, дискурс-анализ, функциональный анализ. Для анализа просодических характеристик речи участников ток-шоу была использована программа WaveSurfer (School of Electrical Engineering and Computer Science, Sweden, 2011).

Результаты исследования

Прежде чем перейти к непосредственному описанию результатов исследования, поясним еще один важный для нашей работы термин. Дискурс ток-шоу представляет собой разновидность массмедийного дискурса, чаще всего реализуемого в телевизионном поле и несущего функцию социальной интеракции. Данный вид дискурса, как и любой другой, представляет собой взаимодействие, но в случае ток-шоу основной посыл состоит во внедрении личностного восприятия ведущего или коммуникатора в сознание зрителя и их взаимовлиянии в процессе формирования нового взгляда на мир [7, с. 15]. Зритель и гость должен быть вовлечен в коммуникацию и быть активен. Кроме того, дискурс ток-шоу в классическом виде представляет собой диалог в форме «вопрос-ответ», причем вопрос адресован конкретному человеку, и ответ ожидается с выражением личного, субъективного мнения. Анализ практического материала показал, что речь гостей и ведущих изобилует различными модальными операторами, которые участники ток-шоу используют для

выражения своего отношения к сообщаемому. В таблице 1 представлена статистическая сводка, отражающая количество употреблений эпистемических модальных операторов разного типа в речи участников ток-шоу.

Таблица 1.

Эпистемические модальные операторы в британских ток-шоу

Модальные операторы	Количество употреблений
Модальные фразы с глаголами мыслительной деятельности	158
Вводные модальные слова	77
Вероятностные наречия	54
Устойчивые синтаксические структуры	62
Модальные глаголы	37
Наречия-аппроксиматоры	24
Всего	412

Всего было отмечено 412 случаев употребления эпистемических модальных операторов, из которых наиболее употребительными являются модальные фразы, состоящие из местоимения первого лица единственного числа в сочетании с глаголом мыслительной деятельности, например, *I see, I guess, etc.* Данная структура позволяет быстро обозначить авторизацию субъекта высказывания и снизить ассертивность высказывания, т.е. участники ток-шоу стараются подчеркнуть языковыми средствами тот факт, что суждение является исключительно их мнением: «I see you've taken my opinion under advisement», «I presume she was upset at the time».

По линии достоверности/недостоверности наиболее обширную группу составляют операторы недостоверности – 73% случаев употребления. Среди них числятся глаголы мыслительной деятельности (to see, to presume, to think) и наречия-аппроксиматоры (sort of, kind of, pretty): «I don't think her room got on fire, it seems kind of odd». Среди них более частотны операторы сомнения (56%), так как в ток-шоу чаще встречаются ситуации, предполагающие обсуждение личного опыта в прошлом: «I'm not entirely sure if she was with me at the time» Операторы предположения занимают сле-

дующую позицию с 44%: «Matt might probably be pretty wrong with his answer, isn't he?». Наиболее редко употребляются операторы достоверности (поскольку чаще уверенность отмечается просто дескриптивным высказыванием как констатацией факта реальности: «Her wrist was broken, so she panicked») – 27%, приходящиеся на применение вероятностных наречий (*surely, apparently, certainly, clearly*) и модальных слов (*inevitably, undoubtedly*), а также устойчивых синтаксических структур: «Her wrist was broken, clearly, so she was likely to panic». Такие фразы являются сильными модальными операторами, поскольку практически уравнивают суждение с дескриптивным высказыванием и утверждают восприятие какого-либо факта или объекта окружающей действительности говорящим. Однако в зависимости от выбора глагола сила высказывания может колебаться. Так, при сравнении одной и той же фразы, но с использованием различных глаголов, ее смысл будет меняться: «I doubt he was present that night», «I think he will be present tonight», «I insist that he was present that night, because I saw him». Первое высказывание транслирует сомнение (относится к прошедшему времени, отсутствует однозначная доказательная база), второе – предположение (относится к будущему без доказательной базы), третье – достоверное знание (наличествует прямое доказательство достоверности знания).

Глаголы мыслительной деятельности отличаются частотой употреблений, поскольку отражают разную степень уверенности и сомнения, что отражено в таблице 2.

Анализ табличных данных показывает, что наиболее часто в речи участников ток-шоу используются глаголы нейтральной смысловой окраски: *to think, to guess, to understand*. На втором месте по частотности употреблений стоят глаголы со значением уверенности *to insist, to believe*. Замыкают список редко употребляемые в устной речи глаголы *to claim, to presume*, а также глаголы, используемые для выражения сомнения *to doubt, to imagine*.

В некоторых случаях отмечается явление лексикализации, то есть преобразование глагола в наречие схожей семантики: *to presume* –

presumably, to doubt – (un)doubtedly, to seem – seemingly. В целом, употребление таких наречий встречается редко, в рамках исследования было обнаружено менее 10 примеров: «Allegedly, she was arrested and then bailed with the help of the family... must have been lucky». Как правила, семантика таких наречий совпадает с семантикой исходного глагола, однако встречаются примеры расхождения стилевой окраски языковых единиц (менее разговорные варианты употребления).

Таблица 2.

Глаголы мыслительной деятельности

Глагол	Количество
to think	68
to guess	31
to understand	15
to consider	7
to suppose	6
to assume	5
to presume	5
to insist	4
to believe	4
to doubt	4
to imagine	4
to reckon	3
to claim	2
Всего	154

Большинство случаев употребления модальных слов и частиц приходится на слова *maybe* и *of course*. Первое используется для выражения сомнения, второе – уверенности (в редких случаях – подтверждения предположения). Случаи употребления иных слов единичны: «She was certainly prone to panic», «Her coach was clearly upset».

Использование модальных глаголов наблюдается для отзыва о событиях уже имевших место. В таких случаях встречаются конструкции модальный глагол + Inf._{perf.}: «must have been», «might have been», «should have been», «could have been». Must наряду с should выражает высокую степень уверенности говорящего о сообщаемом, в то время как might выражает самую малую степень уверенно-

сти говорящего в описываемом событии, явлении и т.д. Отметим, что глагол *must* может использоваться в речи участников для подтверждения уверенности говорящих о событиях или явлениях настоящего времени.

Среди просодических средств, оформляющих эпистемические суждения, можно выделить интонацию и паузацию. Анализ практического материала показал, что превалирующее количество высказываний получают особое интонационное оформление. Как правило, достоверные высказывания сопровождаются повышенным тоном голоса и быстрым, уверенным темпом речи. Говорящий не допускает длинных пауз. Проблематичные суждения, в свою очередь, произносятся со спокойным тоном, рядом хезитационных пауз, особенно сразу после эпистемических модальных операторов («*Well... I suppose... She went upstairs then*»), что свидетельствует о том, что говорящий оценивает высказывание непосредственно в процессе речевого взаимодействия.

В случае сомнения или незнания говорящий может прибегать к тактике «отзеркаливания», т.е. использовать при ответе то же слово или выражение, которое изначально употребил в своей речи ведущий или другой участник шоу. Такой прием естественен для речи участников ток-шоу, так как зачастую гости не задумываются перед ответом, и повторение позволяет выразить ту же степень сомнения или уверенности/неуверенности, какая задана изначальной репликой:

« - This is perhaps your last Oscars! You gotta make it this time!
- I don't know, perhaps...».

В речи участников ток-шоу можно также встретить несколько модальных операторов одновременно, что позволяет выполнить следующие задачи: усиление авторизации субъекта высказывания, повышение его экспрессивности, уточнение значения эпистемической модальности, например: «*I say I am aware of this situation now, but I wish I knew earlier*».

Модальное наречие *surely* служит повышению экспрессивности высказывания: «*Apparently, she suspected something like this might*

have happened». В данном случае эпистемическая модальность выражена модальным глаголом со значением возможности *might* и глаголом с коннотацией подозрения *to suspect*. Модальное наречие *apparently* отражает отношение говорящего к высказыванию в целом.

Рядом исследователей, изучавших эпистемическую модальность в массмедийном дискурсе, выдвигалась гипотеза об использовании ее для манипулирования зрителями. Предположительно, эпистемические модальные операторы специально включались в речь гостей и экспертов программы, а также ее ведущего, чтобы привлечь зрителей к ознакомлению с мнением авторитетного эксперта.

В результате изучения материалов различных ток-шоу можно, однако, сделать вывод о преимущественно естественной речи гостей и экспертов, что не может быть приравнено к приему манипулирования. При анализе речи ведущего было отмечено ограниченное употребление модальных операторов, не выполняющих никаких функций, кроме введения в предложение эпистемического модуса, трансформирующего дескриптивное высказывание в суждение.

Таким образом, речь участников ток-шоу преимущественно естественная, что определяет функциональное использование эпистемических модальных операторов без привязки к целям массмедийного дискурса. Преимущественным модальным оператором являются модальных фразы с глаголами мыслительного действия, подчеркивающие индивидуальность и субъективность суждения с помощью личного местоимения. Вариативность средств выражения эпистемической модальности в речи участников может быть обусловлена индивидуальными особенностями мышления говорящих.

В результате осуществления анализа речи участников ток-шоу было выявлено:

- частое использование операторов эпистемической модальности для выражения субъективного мнения о событии или факте окружающей действительности;
- обращение к эпистемическим модальным операторам для выполнения коммуникативных функций: связки реплик в диалоге, выражения вежливости по отношению к собеседнику;

- преимущественное употребление средств выражения эпистемической модальности гостями и экспертами ток-шоу и ограниченное их присутствие в речи ведущего, что объясняется регламентированностью его высказываний;
- изменение интонации в соответствии с содержанием высказывания и отношением к нему говорящего, что способствует повышению экспрессивности.

Таким образом, эпистемические модальные операторы в дискурсе ток-шоу сохраняют свои основные функции, заключающиеся в выражении уверенности или сомнения говорящего в факте реальности. Для этой цели используются, как правило, модальные фразы с глаголами мыслительной деятельности, имеющие прямую привязку к субъекту. Другой важной задачей, которую выполняют модальные операторы в речи участников ток-шоу, является поддержание коммуникации путем выражения вежливости и поддержки собеседника, а также связки реплик в диалоге. Для этих целей применяются модальные конструкции, слова и частицы. Ядро поля эпистемической модальности в дискурсе ток-шоу составляют модальные фразы с глаголами мыслительной деятельности, а также модальные слова. На периферии находятся вводные модальные слова, вероятностные наречия и аппроксиматоры, модальные глаголы, устойчивые синтаксические структуры, а также словосочетания с номинативными единицами со значением сомнения или уверенности. Наиболее частотны операторы сомнения, менее – недоверности, самые редкие – достоверности (поскольку чаще заменяются дескриптивными высказываниями).

Из этого следует, что выбор участниками ток-шоу эпистемических модальных операторов продиктован в первую очередь их функционалом и индивидуальными особенностями речи, а не требованиями сценария программы. Их обильное использование объясняется преимущественно субъективным характером высказываний (являющихся, как правило, ответами на конкретно адресованные вопросы), требующих явно выраженного модуса.

В формировании социального знания о проблеме, являющимся одной из основных целей дискурса ток-шоу, эпистемические модальные

операторы участвуют опосредованно, указывая на мнение участников ток-шоу по тому или иному вопросу. Как правило, манипулятивного воздействия, характерного для иных речевых приемов в дискурсе ток-шоу, они не несут, выполняя базовый набор функций, присущий всем языковым средствам выражения эпистемической модальности.

Список литературы

1. Беляева Е.И. Функционально-семантические поля модальностей в английском и русском языках. Воронеж: Воронежский государственный университет, 1985. 180 с.
2. Белошапкина В.А. Современный русский язык. М.: Высшая школа, 1989. 799 с.
3. Битнер М.А. Способы актуализации семантики случайного в английском языке. Барнаул: ТГУ, 2007. 172 с.
4. Ваулина С.С. Эволюция средств выражения модальности в русском языке. XI–XVII вв. Л.: ЛГУ, 1988. С. 16.
5. Демьянков В.З. Доминирующие лингвистические теории в конце XX века. Язык и наука конца XX века. М.: Ин-т языкознания РАН, 1995. С. 239–320.
6. Демьянков В.З. Функциональные и структурные аспекты. Дискурс, речь, речевая деятельность. М.: ИНИОН РАН, 2000. С. 26–136.
7. Добросклонская Т.Г. Медиадискурс как объект лингвистики и межкультурной коммуникации // Вестник Московского университета. Серия 10. 2006. С. 20–33.
8. Зайнуллин М.В. Функционально-семантическая категория модальности (на материале башкирского языка). Саратов, 1986. 123 с.
9. Николаева, Т.М. Краткий словарь терминов лингвистики. М.: Прогресс, 1978. 480 с.
10. Орехова Е.Н. Субъективная модальность высказывания: форма, семантика, функции. М.: МГОУ, 2011. 25 с.
11. Петров Н.Е. О содержании и объеме языковой модальности. Новосибирск: Наука, Сибирское отделение, 1982. 160 с.
12. Смурова О.В. Семиотические и несемиотические значения эпистемических высказываний с модальными глаголами. М. ИПК МГЛУ «Рема», 2011. 23 с.

13. Смурова О.В. Средства выражения эксплицитного модуса и его функции в эпистемическом высказывании. М. ИПК МГЛУ «Рема», 2012. 23 с
14. Тер-Акопов А.А. Юридическая логика. Москва: ИКФ Омега-Л, 2002. 256 с.
15. Худяков А.А. Теоретическая грамматика английского языка. М.: Академия, 2005. 256 с.

Список источников иллюстративного материала

1. The Graham Norton Show // YouTube Channel. <https://www.youtube.com/user/OfficialGrahamNorton> (дата обращения: 26.02.2018).
2. The Paul O'Grady Show. <https://www.youtube.com/channel/UC4qlSjt3iYa4Gg8VKoi7Cdw> (дата обращения: 26.02.2018).
3. Top Gear. <https://www.youtube.com/user/TopGear> (дата обращения: 26.02.2018)
4. Variety, Actors on Actors. <https://www.youtube.com/user/Variety> (дата обращения: 26.02.2018)

References

1. Belyaeva E.I. *Funktsional'no-semanticheskie polya modal'nostey v angliyskom i russkom yazykakh* [Functional-Semantic Fields of Modalities in the English and Russian languages]. Voronezh: Voronezhskiy gosudarstvennyy universitet, 1985. 180 p.
2. Beloshapkova V.A. *Sovremennyy russkiy yazyk* [The Modern Russian language]. М.: Vysshaya shkola, 1989. 799 p.
3. Bitner M.A. *Sposoby aktualizatsii semantiki sluchaynogo v angliyskom yazyke* [Ways to Represent the Semantics of the Random in English]. Barnaul: TGU, 2007. 172 p.
4. Vaulina S.S. *Evolyutsiya sredstv vyrazheniya modal'nosti v russkom yazyke. XI–XVII vv.* [Evolution of Means of Modality Expression in the Russian Language of XI–XVII Centuries]. L.: LGU, 1988. P. 16.
5. Dem'yankov V.Z. *Dominiruyushchie lingvisticheskie teorii v kontse XX veka. Yazyk i nauka kontsa XX veka* [Dominant Linguistic Theories at the End of the 20th Century]. М.: In-t yazykoznaniiya RAN, 1995, pp. 239–320.

6. Dem'yankov V.Z. *Funktsional'nye i strukturnye aspekty. Diskurs, rech', rechevaya deyatel'nost'* [Functional and Structural Aspects. Discourse, Speech, Speech Activity]. M.: INION RAN, 2000, pp. 26–136.
7. Dobrosklonskaya T.G. *Mediadiskurs kak ob'ekt lingvistiki i mezhdul'turnoy kommunikatsii* [Media Discourse as an Object of Linguistics and Intercultural Communication]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 10*. 2006, pp. 20–33.
8. Zaynullin M.V. *Funktsional'no-semanticheskaya kategoriya modal'nosti (na materiale bashkirskogo yazyka)* [Functional-Semantic Category of Modality (based on the Bashkir Language)]. Saratov, 1986. 123 p.
9. Nikolaeva T.M. *Kratkiy slovar' terminov lingvistiki* [A Brief Glossary of Linguistic Terms]. M.: Progress, 1978. 480 p.
10. Orekhova E.N. *Sub'ektivnaya modal'nost' vyskazyvaniya: forma, semantika, funktsii* [Subjective Modality of the Utterance: Form, Semantics, Functions]. M.: MGoU, 2011. 25 p.
11. Petrov N.E. *O sodержanii i ob'eme yazykovoy modal'nosti* [On the Content and Scope of the Language Modality]. Novosibirsk: Nauka, Sibirskoe otdelenie, 1982. 160 p.
12. Smurova O.V. *Semioticheskie i nesemioticheskie znacheniya epistemicheskikh vyskazyvaniy s modal'nymi glagolami* [Semiotic and Non-semiotic Meanings of Epistemic Statements with Modal Verbs]. M. IPK MGLU «Rema», 2011. 23 p.
13. Smurova O.V. *Sredstva vyrazheniya eksplitsitnogo modusa i ego funktsii v epistemicheskom vyskazyvanii* [Means for Expressing the Explicit Mode and its Function in the Epistemic Statement]. M. IPK MGLU «Rema», 2012. 23 p.
14. Ter-Akopov A.A. *Yuridicheskaya logika* [Legal Logic]. Moskva: IKF Omega-L, 2002. 256 p.
15. Khudyakov A.A. *Teoreticheskaya grammatika angliyskogo yazyka* [Theoretical Grammar of the English language]. M.: Akademiya, 2005. 256 p.

Illustrative Material Sources

1. The Graham Norton Show // YouTube Channel. URL: <https://www.youtube.com/user/OfficialGrahamNorton>

2. The Paul O'Grady Show [<https://www.youtube.com/channel/UC4qISjt3iYa4Gg8BKoi7Cdw>]
3. Top Gear [<https://www.youtube.com/user/TopGear>]
4. Variety, Actors on Actors [<https://www.youtube.com/user/Variety>]

ДАнные ОБ АВТОРАХ

Мучкина Екатерина Сергеевна, доцент кафедры теории германских языков и межкультурной коммуникации, кандидат филологических наук
Сибирский федеральный университет
Проспект Свободный, 79, г. Красноярск, 660041, Российская Федерация
mes_kras@mail.ru

Ботвина Полина Евгеньевна, магистрант кафедры теории германских языков и межкультурной коммуникации
Сибирский федеральный университет
Проспект Свободный, 79, г. Красноярск, 660041, Российская Федерация
botvinapolina94@gmail.com

DATA ABOUT THE AUTHORS

Muchkina Ekaterina Sergeevna, Senior Lecturer, Department of German Languages and Intercultural Communication, Ph. D. in Philology
Siberian Federal University
79, Svobodny pr., Krasnoyarsk, Krasnoyarsk krai, 660041, Russian Federation
mes_kras@mail.ru

Botvina Polina Evgenyevna, MA student, Department of German Languages and Intercultural Communication
Siberian Federal University
79, Svobodny pr., Krasnoyarsk, Krasnoyarsk krai, 660041, Russian Federation
botvinapolina94@gmail.com

DOI: 10.12731/2077-1770-2018-4-3-162-178

УДК 811.511:142

ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКАЯ КЛАССИФИКАЦИЯ ГЛАГОЛОВ ПОВЕДЕНИЯ В ХАНТЫЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Нахрачева Г.Л.

Введение. В статье представлена лексико-семантическая классификация глаголов поведения в хантыйском языке; определяется семантический признак, согласно которому проводился отбор глаголов в лексико-семантическую группу глаголов поведения; описываются семы, участвующие в распределении глаголов по подгруппам. Предметом исследования являются особенности семантики и функционирования глаголов поведения.

Цель. Автор ставит целью выявить и описать семантику, определить состав и структуру глаголов поведения в хантыйском языке.

Метод или методология проведения работы. В работе применялись метод компонентного анализа, метод контекстного анализа и сравнительно- сопоставительный анализ значения лексемы.

Результаты. Глаголы поведения хантыйского языка до настоящего времени не были подвергнуты специальному монографическому исследованию; в основном, изучение глаголов данной семантики в хантыйском языке носит лишь фрагментарный характер. Нами были выделены десять семантических групп: глаголы неестественного, самовольного, неискреннего, несерьезного, безответственного, безнравственного, бесцеремонного, неуравновешенного, нечестного поведения, глаголы поведения человека по отношению к материальным благам. Далее в рамках данных групп глаголов поведения были вычленены подгруппы глаголов, которые образуются на основе повторяющейся дифференциальной семы. Выделенные группы находятся в сложных семантических связях, пересекаются друг с другом, образуя комплексную семантическую систему, формируется в основном за счет единиц, которые обозначают различные формы негативного поведения.

Область применения результатов. Материалы и выводы исследования могут быть использованы при составлении словарей хантыйского языка, при сопоставлении генетически родственных языков.

Ключевые слова: лексико-семантическая группа (ЛСГ); поведение человека; глагол поведения (ГП); хантыйский язык.

LEXICAL-SEMANTIC CLASSIFICATION OF VERBS OF BEHAVIOUR IN THE KHANTY LANGUAGE

Nakhracheva G.L.

Introduction. The article presents the lexical-semantic classification of behavior verbs in the Khanty language; defines the semantic feature, according to which the selection of verbs in the lexical-semantic group of behavior verbs was carried out; describes the semes involved in the distribution of verbs into subgroups. The subject of the research is the peculiarities of semantics and functioning of behavior verbs.

Purpose. The author aims to identify and describe the semantics, to determine the composition and structure of the verbs of behavior in the Khanty language.

Methodology. The method of component analysis, the method of contextual analysis and comparative analysis of the value of the token were used in the work.

Results. The verbs of the Khanty language behavior have not been subjected to a special monographic study until now; basically, the study of verbs of this semantics in the Khanty language has been but fragmentary. We have identified ten semantic groups: the verbs of unnatural, unauthorized, insincere, frivolous, irresponsible, immoral, unceremonious, unbalanced, dishonest behavior; the verbs of human behavior in relation to material goods. Further, within these groups of behavior verbs, subgroups of verbs were identified, which are formed on the basis of a repeating differential seme. The selected groups are in complex semantic connections, intersect with each other, forming a complex se-

mantic system, formed mainly by units that represent different forms of negative behavior.

Practical implications. *The materials and conclusions of the study can be used in the compilation of dictionaries of the Khanty language, in the comparison of genetically related languages.*

Keywords: *lexico-semantic group; human behavior; behavior verb; Khanty language.*

Поведение представляет собой совокупность действий и поступков человека в различных сферах жизнедеятельности (материальной, интеллектуальной и социальной сферах); эти действия обусловлены потребностями, культурными и индивидуальными особенностями субъекта и постоянно подвергаются оценке со стороны окружающих.

Особенности поведения, отношения человека с другими людьми находят свое отражение в глагольной лексике, которая представляет собой социально значимый фрагмент национальной картины мира. ЛСГ глаголов поведения русского языка впервые была очерчена Р.М. Гайсиной [3]; автором были вычленены и описаны модели их лексико-синтаксической сочетаемости. Они изучались с точки зрения их семантики и компонентного состава [2; 5; 8], словообразования [6], функционального потенциала [4], русле когнитивной лингвистики [7, 13]. В последнее время снова возродился интерес к словообразовательной семантике ГП русского языка [14]. Автором описываются стереотипы и модели поведения, представленные в лексико-словообразовательной семантике русских глаголов. Сопоставительному исследованию глаголов поведения на базе русского, английского и татарского языков посвящена работа А.М. Айдаровой [1]. Английские глаголы поведения, обозначающие неискреннее поведение, упоминаются среди глаголов маскировки (*masquerade verbs*): *act, behave, camouflage, count, masquerade, officiate, pose, qualify, rank, rate, serve* в известной классификации Б. Левина [16, 183–184]. В классификации Р.М.У. Диксона [15, с. 96–97] некоторые глаголы поведения английского языка рассматриваются с точки зре-

ния синтаксической семантики. Упоминание о глаголах английского языка, выражающих поведение, находим также в работе Р. Либера [17]. Автор, рассматривая словообразовательные морфемы глаголов и их значения, выделяет группу глаголов на *-ize*, *-ify* со значением подобия (*similative meaning*).

ЛСГ глаголов поведения хантыйского языка до настоящего времени не была подвергнута специальному монографическому исследованию; в основном, изучение глаголов поведения в хантыйском языке носит лишь фрагментарный характер. Поведение как составная часть культуры рассматривается в русле когнитивной лингвистики в работе В.Н. Соловар и Ю.Г. Милиховой, описываются основные составляющие картины мира, осознаваемые носителями языка как важнейшие социально-культурные нормы данного общества; подверглись анализу языковые единицы, фразеопсихомоны, передающие психическое и эмоциональное состояние человека на материале шурышкарского и казымского диалектов хантыйского языка [12, с. 44–49]. Исследуемые глаголы также были рассмотрены в составе эмотивных глаголов со значением поведения на материале казымского диалекта (с точки зрения синтаксиса элементарного простого предложения) в работах В.Н. Соловар. Автором были рассмотрены модели элементарных простых предложений (ЭПП) хантыйского языка, представляемых глаголами поведения. Касаясь глаголов поведения, исследователь определяет их по наличию оценочного компонента, выделяет глаголы положительного поведения и глаголы негативного поведения; приведенные в работе примеры немногочисленны [9]. Более дробной классификации глаголов внутри каждой подгруппы не представлено [10, с. 197–202; 11]. Таким образом, изучение глаголов поведения в хантыйском языке представляется перспективным и необходимым, вследствие отсутствия комплексного рассмотрения данной ЛСГ с точки зрения структурно-семантических особенностей.

Существующие в лингвистической литературе подходы к членению ГП на семантические группировки не имеют принципиальных различий: они, напротив, взаимно дополняют, уточняют друг друга.

Взяв за основу классификацию А.М. Айдаровой [1], в составе ЛСГ глаголов поведения хантыйского языка мы также выделяем десять семантических групп: глаголы неестественного, самовольного, неискреннего, несерьезного, безответственного, безнравственного, бесцеремонного, неуравновешенного, нечестного поведения, глаголы поведения человека по отношению к материальным благам. Перечисленные десять групп глаголов выделяются на основе общей интегральной семы 'вести себя'.

Поведение человека обусловлено его мотивами и потребностями, данные глаголы описывают особенности поведения человека в социуме, где мотивом может выступать желание получить какую-либо выгоду.

Группа глаголов неестественного поведения

В рамках данной группы выделяем следующие 4 подгруппы:

1. *ГП, обозначающие своеобразное, странное, необычное поведение*: шур. *ajamtijiti* 'молодиться', *wexənləti* 'кривляться', *ñinštantijiti* в лексико-семантическом варианте (далее ЛСВ) 'размахивать руками, ногами (ходить не подобающим для ханты образом)', *ñañərljiti* в ЛСВ 'кривляться', *šakərtijiti* 'кривляться, гримасничать', каз. *aŋləməti* 'гримасничать, кривляться', *aŋšiti* 'дразнить', *aŋšəməti* 'дразнить, говорить поддразнивая': шур. *Ši neŋən ajamtijəŋ* 'Эта женщина молодится', *Meta wexənləti, tŋŋa šira potərtə* 'Прекрати кривляться, говори нормально (букв.: прямо)', *Kamən širən ñañərljijəŋ, ultŋ morəŋ änt ujetləŋi* 'По-всякому кривляется, норму жития не знает'; *Wolŋja sa, muj ñinštantijjəŋ, tŋŋa šira šuša* 'Прекрати-ка, что ходишь, размахивая руками, иди, как положено', *Kamən širn šakərtijəŋ* 'По-всякому гримасничает'; каз. *In aj ikəm ta peŋama aŋləməŋ* 'Тот мальчик (букв.: ко мне) гримасничает', *Lŋw aŋšəmələt lŋw peŋala* 'Они дразнят его (букв.: к нему)', *Xujat peŋa aŋšəməti pitŋ* 'На кого-нибудь станет дразниться'.

2. *ГП, обозначающие самодовольство, рисовку, выставление себя напоказ*: каз. *χšiti* 'привлекать к себе внимание, завлекать (неодобр.)', *waxšəməti* 'смеяться неестественно', *wəŋəstŋ* 'выстав-

лять себя, выпендриваться (букв.: делаться), werəšijəlti 'вести себя неестественно, кривляться, выделываться (букв.: делаться)', kərti 'красоваться', t'otit'i 'выставляться, выделываться': каз. In neŋem ši xüsijəl 'Эта женщина привлекает к себе внимание', Imi xil'i ajltašək werəstī pitəš 'Внук женщины стал медленнее ехать', Pa ši werəšijəlti pitəš 'Опять стала выделываться', Muj t'ot'iən 'Что выставляешься', Muj waxšemələn 'Что смеешься привлекая к себе внимание'.

3. *ГП, обозначающие превосходство над кем-либо, выражение пренебрежения к кому-либо*: шур. ertti 'презирать, недолюбливать, относиться свысока', joraštī 'форсить, важничать, зазнаваться', ūksəmlətī 'брезговать'; каз. ɔxamtijəlti 'важничать (букв.: головить-ся)', ūksəmti 'презирать, брезговать': шур. Lūw ūksəmlət 'Он брезгует', Ši neŋew isa jorašəl 'Эта женщина всегда зазнается'; каз. Lūw wəlapsew ūksəmlət 'Они брезгуют нашим образом жизни', Mar'jajen ɔxamtijəlti wer tājəl 'Марья имеет привычку важничать (букв.: головиться)'.

4. *ГП, обозначающие хвастовство*: шур. iškašti 'хвалиться', jəraštī 'хвастаться', каз. loxəsti 'хвастать достатком', iškəltijəlti 'хвастаться', ɔrkašti 'хвастаться, гордиться, заноситься', uxamtijəlti 'хвалиться', urək əsəl 'хвастает (букв.: хвастовства выпускает)': шур. Iškaštī muj un wer, tālaŋa wertī gurata 'Хвастать разве большое дело, сделать проблема', каз. Won jajəmn iki šəŋk loxəsl 'Наш старший брат очень хвастает достатком'; Lūw ləwasa urək ənt əsəl, ənt uxamtijəl 'Он зря не хвалится', Jajən iškašl 'Твой брат хвалится'; Aršən ɔrkašl 'Твой младший брат хвастается'; Ši imen jiləp jənas lomətmał, iškəltijəłman ši jəŋxəl 'Эта женщина новое платье надевает=оказывается, хвастая ходит'; Ši neŋen ma rəlama ɔrkašl 'Та женщина передо мной гордится' (букв.: ко мне, в мой адрес).

Группа глаголов самовольного поведения, обозначающие капризное, привередливое поведение, упрямство

Данная группа представлена глаголами, обозначающими поведение людей, не желающих считаться с чужим мнением, а также проявляющих капризы, обиды, своеволие, упрямство: шур. jərsətī

‘упрямиться, отказываться’, *ñerəstī* ‘раздражаться, вредничать’, *keŋəŋī* ‘ныть, быть чем-то недовольным’, *roŋxeməŋī* ‘хныкать, капризничать’, *roŋxeməŋī* ‘хныкать, капризничать’, *ñosərlīŋī* ‘морщиться, делать недовольные ужимки, гримасы на лице’, *ñiŋxərtī* в ЛСВ ‘капризничать’, *wūrattī* ‘стремиться что-либо сделать, стараться, настойчиво добиваться’, *šūkīŋlīŋī* ‘противиться, упираться, не желая что-либо делать’; каз. *turəp xūwa taŋtī* ‘обижаться (букв.: губу далеко тянуть)’ (фразеол.); *wūra worttī* ‘спорить, сопротивляться, противиться, упрямыться’, *wūra wertī* ‘упрямыться’ (букв.: к крови делать), *xəgməŋləŋī* ‘капризничать’: шур. *Aj ñawrem xörpī, isa roŋxeməŋ* ‘Как маленький ребенок, все хнычет’; *Tūŋa šira jasta, muj ñosərləŋ* ‘Прямо скажи, что морщишься, чем не довольна’; *Lūw xōŋtī isa iŋ jersəŋ* ‘Она все время упрямытся’; *Ñawrem ñiŋxərtəŋ* ‘Ребенок капризничает’; *Māntī öšəŋ äntəm, iŋ jersəŋ* ‘Не желает ехать, заупрямился’; *Nāŋ muj keŋəŋ?* ‘Что ты ноешь?’; *Toti roŋx kəš xūŋtī šäkīŋlīŋs, aŋ pa mir jurn ši opsəs šärtī* ‘Сын Тоти хоть и противился, но все же с помощью (благодаря) силе народа сел шаманить’; каз. *Arşen wūra werəŋ* ‘Младший братишка=твой капризничает’; *Līn wūra wortləŋ* ‘Они упрямытся’.

Группа глаголов неискреннего поведения

1. *ГП, обозначающие лицемерие, притворство, скрытность*: шур. *gorxanttī* ‘притворяться, прикидываться’; каз. *goŋritī* ‘врать, лукавить; делать вид’, *gorəx wertī* ‘делать вид, прикидываться, притворяться’, *xərsəŋtī* ‘остерегаться, опасаться – стараться обмануть кого-либо, осторожничать’, *ñawrestī* ‘злословить, сплетничать (букв.: пениться)’, *uşmarləŋtī* ‘хитрить’: каз. *Ši imen pa ši uşmarləŋ* ‘Эта женщина опять хитрит’; *Wuxaren šitī uşmarləŋ* ‘Лиса так хитрит’; *Nāŋ gorəx werŋen* ‘Ты прикидываешься’.

2. *ГП, обозначающие лесть, угодничество, подхалимство, приспособленчество*: шур. *oŋjastī* ‘суется вокруг кого-либо, показывая радость’, *xūşalttī* ‘лестить, стараться расположить к себе’, каз. *ñaləŋm*// *ñūr ħux* ‘подхалимничать (букв.: язык как лыжи)’: шур. *Pīrkatir pūŋaj xūşaltəŋ* ‘Лестит перед бригадиром’; каз. *Ñalməŋ ñūr ħux* ‘Он подхалимничает’.

Группа глаголов несерьезного поведения

Глаголы характеризует поведение субъекта с точки зрения интеллектуальной сферы.

1. ГП, обозначающие недалекость, неразумность поведения: шур. *awšəmätī* ‘болтать, пустословить’, *toləmtī* ‘одряхлеть (из ума выжить)’; *ňosərtī* ‘улыбаться неискренне, глупо’, *künšantī* в ЛСВ ‘говорить вздор, болтать’, *rūwətī* в ЛСВ ‘нести чушь, вздор; выругаться, материться’; каз. *pałəstī* ‘болтать чушь’, *ńaləm esəłtī* ‘болтать (букв.: язык опустить)’, *ńakšəmätī* ‘болтать чепуху, прыгая гримасничая’, *wałkətī* ‘вести пустые разговоры, болтать, говорить понапрасну’; каз. *ńawšəmätī* ‘шутить не к месту, невпопад’: шур. *Nāñ muj nula ma awšəmələn!* ‘Что ты всякое болтаешь!’, *Łewasa awšəmätī hojat ełtī neməłtī nōx ānt etəł* ‘От человека, который пустословит, никакой пользы нет’; *Meta śi künšantī, wołja* ‘Хватит говорить вздор, перестань’; *Muj rūwətələn!* ‘Что ты болтаешь!’, *Rūwema śita, ńalmen ał rūwələl* ‘Не ругайся (букв.: поругайся там), язык опухнет’; *Хоtī ńosərlən, isira dħən ānt mālēm* ‘Что пытаешься улыбаться мне, все равно денег не дам’; каз. *Pirəs imen łewasa pałəsəl* ‘Старуха несет чушь’, *ńalmen mujpāta esəlsen* ‘Зачем распускаешь язык (букв.: опустил)’; *Śi imen wałkətī sux tājəl* ‘Эта женщина имеет привычку болтать’; каз. *Muj ńawšəmələn* ‘Что ты шутишь не к месту’.

2. ГП, обозначающие баловство, озорство: шур. *kawəštī* ‘шалить’, *ńańremətī* ‘гримасничать’, *ješaštī* ‘баловаться, шуметь’, *werəntətī* ‘дразниться, гримасничать’, *ńinštantījtī* в ЛСВ ‘гримасничать’, каз. *jāpłəmətī* в ЛСВ ‘дурачиться (букв.: чучелиться)’, *werəstījtəłtī* ‘дразниться’, *ńasłəmətī* ‘гримасничать, корчить рожи’: шур. *Neman śitī ješaśəl* ‘Нарочно так ведет себя’; *Łij muj wer tājłət, xātəl xūwat ješaśłət* ‘У них какие дела есть, весь день балуются’; *Хоjət pəla muja werəntələn?* ‘Зачем человека дразнишь?’; *Аł kawśa* ‘Не шали’; *ńawrəm kawəśəl* ‘Ребенок шалит’; *ńańreməl* ‘Гримасничает’, *Wenš wantox ješałt ńinštantījtəl* ‘Перед зеркалом гримасничает’; каз. *ńawrəmət ńasłəmələt* ‘Дети корчат рожи’.

Группа глаголов безответственного поведения обозначают безделье, праздность, уклонение от деятельности, медлительность

в действиях: каз. *kūwłemətī* ‘бездельничать’, *nīgəs-nors xəjtī* ‘бездельничать’, *xunītī* ‘лежать вверх брюхом, бездельничать’, *šürtəsijtī* ‘шататься’: *Łuw woš xuwat šürtəsijəl* ‘Он по городу шатается’; *Muj xunīlən, lələn-jañlən, iñ xunīlən* ‘Что бездельничаешь, поешь-попьешь, ложишься пузом кверху’. В любой культуре трудолюбие считается достоинством личности; добросовестное отношение к труду считается эталонным, а уклонение – осуждаемым поведением, поэтому данные глаголы по большей мере маркированы негативным оценочным компонентом.

Группа глаголов безнравственного поведения

Глаголы безнравственного поведения тесно примыкают к глаголам образа жизни, семантическое единство этих глаголов определяется оценкой общества такого поведения как безнравственного, аморального и противоречащего нормам закона.

1. *ГП со значением неприязненности, злопыхательства*: шур. *jowərtijtī* ‘придираться, ссориться’, *xīštī* ‘натравливать, наускивать’; каз. *wəna mǎntī* ‘вести себя неприлично’ (букв.: к большому идти), *wūśmaštī* ‘завидовать’, *łurŋəlītī* ‘провоцировать’, *nīg wūtī* ‘отомстить’, *nūr kǎnštī* ‘мстить (букв.: вину искать)’, *ncrəštī* ‘придираться’, *ñawgətī* ‘сплетничать, говорить плохо о ком-либо’, *ñəxəmtī* ‘сплетничать, говорить плохо о ком-либо (букв.: произносить)’, *pulśemətī* ‘сплетничать’, *puləs tətī* ‘сплетничать, ябедничать’: каз. *Ma pələma murta ncrəsəs* ‘Так он придирался ко мне’; *Eweŋələn łurŋəŋa* ‘Девочки ее провоцируют’; *Tǎħa, wəren wəna śi mǎnəs* ‘Ну, ты ведёшь себя неприлично’ (букв.: дело=твое к большому идёт); *Pa śi wūśmaśəl* ‘Опять завидует’; *Śi imen isa śi pulśeməl* ‘Эта женщина все врем сплетничает’; шур. *Łūw mǎnema jowərtijəl* ‘Она ко мне придирается’

2. *Глаголы, обозначающие позорное, унижительно поведение*: каз. *āmərtijəlītī* ‘ругать нецензурными словами’ (фразеол.), *jeśaštī* ‘делать что-либо плохое, вести себя плохо, *śal wərtī* ‘унижаться’, *śuxləŋ wərtī* ‘совершить что-либо плохое’, *wəna mǎntī* ‘вести себя нарушая приличия’, *xumprəlītī* ‘пить много спиртного’: каз. *Wəp*

jasəŋən śi əmər̄t̄ijəlləte ‘ругает нецензурными словами (букв.: большими словами черпать)’; In uten pa śi mułt̄i śuxləŋ werəł ‘Этот опять что-то плохое совершил’; Šal’ ał wera ‘Не унижайся (букв.: жалость не делай)’; Təxa, werəŋ wəna śi mənəł ‘Ну, ты совсем не прилично себя ведешь’.

Группа глаголов бесцеремонного поведения, обозначающие надоедливость, навязчивость, приставание

К данной группе относим синонимичный ряд с общей семей ‘вести себя назойливо, надоедливо’: шур. s̄arałəti ‘навязывать’, turas wer̄ti ‘надоедать, мешать, создавать неудобства’, ħawkət̄i ‘просить что-либо нудно, надоедливо’; каз. apramtt̄i ‘привязаться, пристать к кому-либо’, k̄al̄s̄it̄i ‘беспокоить, надоедать, приставать, провоцировать’, ħəpsəm̄tt̄i ‘липнуть (о человеке)’, s̄arašt̄i ‘мешать, отвлекать, надоедать; придирааться’, s̄ünem̄ət̄i ‘лезть не в свое дело, мешать, назойливо стремиться что-либо сделать’, turast̄ət̄i ‘надоедать, мешать’: шур. Ānt most̄i ötəł m̄änem s̄arałəłi ‘Не нужную вещь свою мне навязывает’; Xojat ełti ħawkət̄ən müšən, nəŋ šita ‘Чем у кого-то просить, сам добудь’; каз. T̄urema p̄ät̄ija śi j̄uxtəpt̄əs̄ijəm ‘Надоел (букв.: до дна горла довели)’; Xujata ħəpsəm̄ət̄ ‘Липнет к кому-либо’; Nəŋ ħuwət̄ k̄al̄s̄ifen ‘Ты его беспокоишь’; Pa śi m̄ant̄i apram̄len ‘Опять ко мне пристаешь’; Muĵ s̄ünem̄əłən ‘Что ты лезешь, мешаешь’; Ma nəŋən turas wer̄ləm ‘Я тебе мешаю’; Ma nemxjata ānt turast̄ələm ‘Я никому не мешаю’.

Группа глаголов неуравновешенного поведения

1. *ГП, обозначающие несдержанность*: каз. ašəmt̄i ‘прийти в ярость’, w̄uġaja xojt̄i ‘ссориться, поспорить’, ħoňs̄ant̄i в ЛСВ ‘вести себя агрессивно (букв.: колоться)’, k̄ütərm̄ət̄i ‘драться’, k̄ülašt̄i ‘драться’, k̄üla p̄itt̄i ‘начать драться’, xores̄ijəłti ‘вести себя агрессивно, драться (букв. смотреть бычьими глазами)’, śuxləm̄ət̄i ‘вести себя беспокойно, непредсказуемо’, śuxləšt̄i ‘вести себя беспокойно, непредсказуемо’: каз. T̄ām xəjen k̄ülašt̄i imux̄t̄i nəp̄ət̄əł, ħūr oŋt̄əŋ xor it̄i ‘Этот мужчина сразу кидается драться, как рогатый бык’; Muĵ

hogesijəŋən ‘Что ты так ведешь себя агрессивно’; Lūw murta ašəmsa ‘Он до такой степени пришел в ярость’; In həjen loňsantti pitəs ‘Этот мужчина ведет себя агрессивно’.

2. *ГП, обозначающие трусость, робость*: wəŋi wertī ‘стесняться’, jelemtī ‘стыдиться’, torŋəltijəlti ‘волноваться (букв.: трястись)’; Ewen wəŋi werəŋ ‘Дочь=твоя стесняется’; Lūw torŋəltijəŋ ‘Он волнуется’; Ankem mānti pant jeprijən torŋəltijəŋ ‘Мама перед дорогой волнуется’.

Группа глаголов нечестного поведения (мошенничество, обман, хитрость): шур. arməlti ‘обмануть’, arəŋətī ‘озорничать, действовать с хитростью’, ipərtti ‘заставить отдать, вымогать’, ōšmarəŋtī ‘хитрить’, lerəŋmətī ‘обмануть, обманывать’, loŋmastī ‘воровать, красть’, ŋalmətī ‘врать, лгать, обманывать’, ŋalmijti ‘обманывать, врать’, olmašiti ‘обманывать’, opsəŋtiti в ЛСВ ‘обмануть’, каз. lerəŋtijəlti ‘лгать, обманывать’, səŋkemətī ‘говорить неправду’, erətti ‘говорить чрезмерно неправду’; ŋalmiiti ‘говорить неправду’ (от сущ. ŋaləm ‘язык’): шур. Lūwəŋa ŋəŋ aŋ ewəŋa, lūw isa ŋalmijəŋ ‘Ты ей не верь, она все время обманывает’; ŋalməsajəm ‘Меня обманули’; Aŋ ŋalmija ‘Не лги’; Kašəŋ pūš mānem olmašitenən, ŋəŋena šiməŋ ewəŋəm ‘С каждым разом, как ты меня обманываешь, я верю тебе все меньше’; Wanta, jošən katəŋman, opsəŋtsajəm ‘Смотри, на глазах (букв.: рукой держа), я обманута’; каз. Pəŋen lerəŋtijəlti wer təjəŋ ‘Твой сын имеет привычку (букв. дело) врать’; Pa ši erəŋlən ‘Опять ты говоришь неправду’; Muj səŋkeməŋən ‘Что ты говоришь неправду (букв.: льдинками звенишь)’; Məj lewəsa ŋalmilən, jelem pa ənt təjəŋ ‘Что ты говоришь неправду, не стыдно тебе’.

Группа глаголов поведения человека по отношению к материальным благам (жадность, скупость, излишний расчет)

Данные глаголы характеризуют человеческое поведение в материальной сфере: шур. aŋ təjti ‘иметь экономичность’, aŋŋəltti ‘экономить’, arŋəŋtī в лексико-семантическом варианте (далее ЛСВ) ‘подсчитать’, arŋəŋtiti ‘жадничать’, šawijti в ЛСВ ‘беречь, экономить’,

и напротив, глаголы расточительного поведения: ańłaptı ‘растрачивать состояние’, p̄arattı в ЛСВ ‘истратить, израсходовать’: шур. Sorəm jūx utśa ań änt tājəł, ńar jūxəp pıltı ‘Сухие дрова одни не экономичны (букв.: экономность не имеют), сырыми дровами разбавь’; Tūt jūxlan ańŋəłtań, jələp tıləs untı änt tärəmlət ‘Дрова сэкономь, до нового месяца не хватит’; Artələtı mosəł, muj tına śıt xojəł ‘Надо подсчитать, в какую сумму (стоимость) это обойдётся’; Ał ərətija, moxılan xūlən xoł ortaln ‘Не жадничай, всем рыбу раздели’; Öxləł xđıjewa p̄aratləłı, muja məfen ‘Деньги все израсходуешь, зачем даёшь?’

Итак, основной характеристикой глаголов поведения является наличие оценки со стороны наблюдателя, интерпретирующего данные действия как «поведение». И как показывает семантическая классификация глаголов, данная оценка чаще бывает отрицательной. Независимо от того, выполнены действия сознательно или непреднамеренно, они подвергаются моральной оценке. Своим поведением человек отображает свое отношение к обществу, к конкретным людям, к окружающим его предметам. ЛСГ ГП в хантыйском языке представляет собой системно-организованную группу и формируется в основном за счет единиц, которые обозначают различные формы негативного поведения. Оценка со стороны наблюдателя является основной характеристикой исследуемой группы глаголов, отличающей их от других ЛСГ глаголов.

Следует отметить, что классификацию нельзя считать конечной и исчерпывающей; она открыта для дальнейшей детализации. Выделенные группы находятся в сложных семантических связях, пересекаются друг с другом, образуя комплексную семантическую систему. ЛСГ ГП хантыйского языка тесно связана с глаголами других ЛСГ. ЛСГ ГП хантыйского языка пополняется также за счет глаголов других ЛСГ, путем метафорического переноса значений. Процесс метафоризации наиболее ярко прослеживается в многозначных лексемах. Многозначная лексема имеет несколько связанных с друг другом ЛСВ. Путём метафорического переноса образованы в хантыйском языке некоторые ГП: ńańərlıjtı ‘кривляться’, при основном значении ‘искривляться (о предметах)’; ıbrıtı

‘вести себя несдержанно, неодобрительно’ при основном значении ‘чесаться’ и другие глаголы.

Как показало настоящее исследование, для носителей хантыйского языка актуальными являются такие типы поведения, как нарушение принципов искренности (притворство), нарушение норм морали (безнравственность), нарушение правил этикета (бесцеремонность, несерьезное поведение).

В глагольной лексике имплицитно представлены следующие принципы поведения, которые обеспечивают гармоничное существование человека в обществе: в отношениях с другими людьми следует держаться естественно (осуждается хвастовство, высокомерие), быть честным в словах и поступках, осуждается пустословие и болтливость, быть высоконравственным, скромным, соблюдать закон и правила этикета, контролировать свои эмоции, т.к. излишний смех является признаком легкомысленности; по отношению к труду – быть ответственным, рационально использовать свое время; по отношению к материальным благам – не быть алчным и скупым, и в то же время разумно тратить свои средства.

Перспектива исследования нам видится в более детальном исследовании контекстных реализаций глаголов изучаемой группы с последующим анализом модификаций, выделенных в данном исследовании сем. Также перспективным считаем рассмотрение межъязыковых межуровневых полных и частичных соответствий глаголов поведения в разноструктурных языках, а также в близкородственном мансийском языке.

Список литературы

1. Айдарова А.М. Глаголы поведения в русском, английском и татарском языках: Дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20. Казань, 2016. 202 с.
2. Васильев Л.М. Семантика русского глагола: глаголы речи, звучания и поведения: учеб. пособие. Уфа: БГУ, 1981. 71 с.
3. Гайсина Р.М. Наблюдения над сочетаемостью поведенческих глаголов // Синтаксис и интонация. Уфа: Изд-во Башк. ун-та, 1973. С. 206–210.

4. Жданова О.П. Функционирование глаголов поведения в составе однородного синтаксического ряда // Классы глаголов в функциональном аспекте. Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1986. С. 37–44.
5. Исаченко О.М. Функционально-семантический класс глаголов поведения: системно-семантический функциональный и лингвокультурологический аспекты: Автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. Барнаул, 2000. 21 с.
6. Панченко В.П. Опыт когнитивно ориентированного описания отношений словообразовательной мотивированности в синхронии и диахронии русского языка: На материале глаголов с финалью -ничать: Дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. Саратов, 2005. 241 с.
7. Плотникова А.М. Когнитивное моделирование семантики глагола (на материале глаголов социальных действий и отношений): Дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.19. Екатеринбург, 2008. 555 с.
8. Сандомирская И.И. Эмотивный компонент в значении глагола: на материале глаголов, обозначающих поведение // Человеческий фактор в языке: языковые механизмы экспрессивности. М.: Наука, 1991. С. 114–136.
9. Соловар В.Н. Лексико-семантическая группа глаголов поведения и формируемые ими модели ЭПП в хантыйском языке (на материале казымского диалекта) // Вестник угроведения. 2011. № 1. С. 54–57.
10. Соловар В.Н. Модели элементарных простых предложений хантыйского языка, формируемые структурной схемой // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. 2009. № 115. С. 197–202.
11. Соловар В.Н. Парадигма простого предложения в хантыйском языке (на материале казымского диалекта). Новосибирск: Любава, 2009. 264 с.
12. Соловар В.Н., Миляхова Ю.Г. Национально-культурные особенности языковых единиц сферы психоэмоционального состояния и поведения человека (на материале шурышкарского и казымского диалектов хантыйского языка) // Вестник угроведения. 2013. № 2 (12). С. 44–49.
13. Старостина Е.В. Фреймовый анализ русских глаголов поведения (на материале ассоциативных реакций): Дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. Саратов, 2004. 270 с.

14. Фатхутдинова В.Г. «Модели поведения» в лексико-словообразовательной семантике русского глагола // Русистика и современность. Сб. науч. статей. Рига: Балтийская международная академия, 2016. С. 532–537.
15. Dixon R.M.W. *A Semantic Approach to English Grammar*. 2nd ed. New York: Oxford University Press Inc., 2005. 543 p.
16. Levin B. *English Verb Classes and Alternations: A Preliminary Investigation*. University of Chicago Press, 1993. 348 p.
17. Lieber R. *Morphology and Lexical Semantics*. Cambridge University Press, 2004, New York. 196 p.

References

1. Aydarova A.M. *Glagoly povedeniya v russkom, angliyskom i tatarskom yazykakh* [Behavior verbs in Russian, English and Tatar]: dis. ... kand. filol. nauk: 10.02.20. Kazan, 2016. 202 p.
2. Vasil'yev L.M. *Semantika russkogo glagola: glagoly rechi, zvuchaniya i povedeniya* [Semantics of the Russian verb: verbs of speech, sound and behavior]: ucheb. posobiye. Ufa: BGU Publ., 1981. 71 p.
3. Gaysina P.M. *Nablyudeniya nad sochetayemost'yu povedencheskikh glagolov* [Observations on the compatibility of behavioral verbs]. *Sintaksis i intonatsiya* [Syntax and intonation]. Ufa: Izd-vo Bashk. un-ta Publ., 1973, pp. 206–210.
4. Zhdanova O.P. *Funktsionirovaniye glagolov povedeniya v sostave odnorodnogo sintaksicheskogo ryada* [The functioning of verbs of behavior as part of a uniform syntax number]. *Klasy glagolov v funktsional'nom aspekte* [Classes of verbs in a functional aspect]. Sverdlovsk: Izd-vo Ural. un-ta, 1986, pp. 37–44. (In Russian)
5. Isachenko O.M. *Funktsional'no-semanticheskii klass glagolov povedeniya: sistemno-semanticheskii funktsional'nyy i lingvokul'turologicheskiy aspekty* [Functional-semantic class of verbs of behaviour: a systemic-functional semantic and linguo-cultural aspects]: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk: 10.02.01. Barnaul, 2000. 21 p.
6. Panchenko V.P. *Opyt kognitivno oriyentirovannogo opisaniya otnosheniy slovoobrazovatel'noy motivirovannosti v sinkhronii i diakhronii*

- russskogo yazyka: Na materiale glagolov s final'yu –nichat'* [Experience of cognitive-oriented description of the relations of word-formation motivation in synchrony and diachrony of the Russian language: by the material of verbs with the final]: disc. ... kand. filol. nauk: 10.02.01. Saratov, 2005. 241 p.
7. Plotnikova A.M. *Kognitivnoye modelirovaniye semantiki glagola (na materiale glagolov sotsial'nykh deystviy i otnosheniy)* [Cognitive modeling of verb semantics (by the material of verbs of social actions and relations):]: diss. ... d-ra filol. nauk: 10.02.19. Ekaterinburg, 2008. 555 p.
  8. Sandomirskaya I.I. *Emotivnyy komponent v znachenii glagola: na materiale glagolov, oboznachayushchikh povedeniye* [Emotive component in the meaning of the verb: on the material of verbs denoting behavior]. *Chelovecheskiy faktor v yazyke* [The human factor in the language: language mechanisms of expressiveness]. Moscow: Nauka, 1991, pp. 114–136.
  9. Solovar V.N. *Leksiko-semanticheskaya gruppa glagolov povedeniya i formiruyemyye imi modeli EPP v khantyyskom yazyke (na materiale kazymnskogo dialekta)* [Lexico-semantic group of behavior verbs and their models of elementary simple sentences in the Khanty language (by the material of the Kazym dialect)]. *Vestnik ugrovedeniya*. 2011. № 1, pp. 54–57.
  10. Solovar V.N. *Modeli elementarnykh prostykh predlozheniy khantyyskogo yazyka, formiruyemyye strukturnoy skhemoy* [Models of elementary simple sentences of the Khanty language, formed by the structural scheme]. *Izvestiya RGPU im. A.I. Gertsena Publ.*, 2009. №115, pp. 197–202.
  11. Solovar V.N. *Paradigma prostogo predlozheniya v hantyjskom yazyke (na materiale kazymnskogo dialekta)* [The paradigm of the simple sentence in the Khanty language (on the material of the Kazym dialect)]. Novosibirsk: Lyubava Publ., 2009. 264 p.
  12. Solovar V.N., Milyakhova Yu.G. *Natsional'no-kul'turnyye osobennosti yazykovykh edinit sferi psikhoeotsional'nogo sostoyaniya i povedeniya cheloveka (na materiale shuchryshkarskogo i kazymnskogo dialektov khantyyskogo yazyka)* [National-cultural features of language units of the sphere of psycho-emotional state and human behavior (by the material of shuryshkar and Kazym dialects of Khanty language)]. *Vestnik ugrovedeniya*. 2013. V. 3. № 2, pp. 44–49.

13. Starostina E.V. *Freymovyy analiz russkikh glagolov povedeniya (na materiale assotsiativnykh reaktsiy)* [Frame analysis of Russian behavior verbs (on the material of associative reactions)]: dis. ... kand. filol. nauk: 10.02.01. Saratov, 2004. 270 p.
14. Fatkhutdinova V.G. «Modeli povedeniya» v leksiko-slovoobrazovatel'noy semantike russkogo glagola [“Models of behavior” in the lexical and word-formation semantics of the Russian verb]. *Rusistika i sovremennost'. Sb. nauch. Statey* [Russian Studies and Modernity. Sat scientific articles]. Riga: Baltiyskaya mezhdunarodnaya akademiya Publ., 2016, pp. 532–537.
15. Dixon R.M.W. *A Semantic Approach to English Grammar*. 2nd ed. New York: Oxford University Press Inc. Publ., 2005. 543 p.
16. Levin B. *English Verb Classes and Alternations: A Preliminary Investigation*. University of Chicago Press, 1993. 348 p.
17. Lieber R. *Morphology and Lexical Semantics*. Cambridge University Press, 2004, New York. 196 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Нахрacheва Галина Леонидовна, ведущий научный сотрудник, кандидат филологических наук
БУ ХМАО-Югры «Обско-угорский институт прикладных исследований и разработок»
ул. Мира, 14А, г. Ханты-Мансийск, Ханты-Мансийский автономный округ – Югра, 628011, Российская Федерация
galina-nakhracheva@rambler.ru

DATA ABOUT THE AUTHOR

Nakhracheva Galina Leonidowna, Leading Researcher, Candidate of Philological Sciences
Ob-Ugric Institute of Applied Researches and Development
14 A, Mira st., Khanty-Mansiysk, Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug – Yugra, 628011, Russian Federation
galina-nakhracheva@rambler.ru
ORCID: 0000-0002-2700-4437

DOI: 10.12731/2077-1770-2018-4-3-179-194

УДК 81.221

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКАЯ СПЕЦИФИКА КОММУНИКАТИВНЫХ СТРАТЕГИЙ И ТАКТИК В ЖАНРЕ ПУБЛИЧНОЙ НАУЧНОЙ ЛЕКЦИИ (НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА)

Носова О.Е., Медведева А.В.

Представленное исследование фокусируется на лингвокультурологической интерпретации коммуникативных стратегий и тактик в жанре публичной научной лекции.

Актуальность данной работы определяется потребностью дальнейшего исследования публичной научной лекции в рамках коммуникативной лингвистики, а также лингвокультурологического толкования коммуникативных процессов.

Предметом исследования выступают стратегии, реализующие процесс коммуникации говорящим на публичной научной лекции.

Объектом изучения выступает коммуникация, реализуемая в ходе выступления на научно-популярной лекции.

В работе использовались такие **методы исследования** как лингвокультурологический анализ, прагматическое описание, контекстуальный и дискурсивный анализы.

Материалом исследования для данной работы послужили публичные выступления, представленные на площадке американских научных конференций TED. Анализируется коммуникативное поведение говорящего, осуществляющего англоязычное публичное выступление.

В теоретической части статьи основным вопросом выступает то, что коммуникативные стратегии обусловлены лингвокультурным кодом.

В ходе исследования устанавливается, что лингвокультурологическая специфика публичной лекции в англоязычной коммуникации обусловлена такой ценностной доминантой как «стратегичность англоязычного общения».

Результаты работы могут быть использованы в преподавании теории коммуникации, спецкурсов по лингвокультурологии, дискурсу, речевым жанрам, социолингвистике.

Ключевые слова: коммуникативная стратегия; коммуникативная тактика; популярная научная лекция; лингвокультурный код; речевой жанр; ценностная доминанта.

LINGUOCULTURAL SPECIFICITY OF COMMUNICATIVE STRATEGIES AND TACTICS IN THE GENRE OF SCIENCE PUBLIC LECTURES

Nosova O.E., Medvedeva A.V.

The purpose of this research is to study the linguocultural interpretation of communicative strategies and tactics in the genre of public science lecture.

The relevance of this article is defined by the necessity of further investigation of public science lecture within the scope of communicative linguistics as well as linguocultural exegesis of communicative processes.

The subject of the survey is the strategies that actualize the process of communication by a speaker performing a scientific lecture before public.

The object of this study is the communication at a public scientific address.

This research is carried out by using the methods of linguocultural analysis, linguopragmatic characteristics, contextual and discursive analyses.

The data for this study are based on public talks presented at the American conferences TED. The communicative behavior of a speaker carrying out the public speech in English is analyzed.

In the theoretical part, the main issue is that the communicative strategies are stipulated by a linguocultural code.

In the course of the research, it is stated that the linguocultural specificity of public science lecture in English communication is due to such evaluative dominant as 'the strategy of English communication'.

The results can be applied in the teaching of the theory of communication, the courses of linguoculture, discourse, speech genres and sociolinguistics.

Keywords: *communicative strategy; communicative tactics; public science lecture; linguocultural code; speech genre; evaluative dominant.*

Благодаря развитию Интернет-технологий получение знаний стало более доступным, популярные научные лекции стали широко распространенным явлением. В связи с чем ряд последних исследований в области коммуникативистики сосредоточены на личности выступающего. Коммуникативное поведение лектора, включающее стратегический инструментарий, становится объектом пристального внимания лингвистов. Публичная лекция понимается как жанр, один из видов текстовых произведений, «объединенных общей целеустановкой, сходными композиционными формами и тематической одноплановостью» [18, с. 52], при этом основной целью является информативная функция языкового общения.

Изучение определенного типа жанра определяется условиями речевой ситуации. Известно, что публичная научная лекция представляет собой тип институционального дискурса. По замечанию В.И. Карасика, нужно учесть, что, если «участниками научного дискурса являются исследователи как представители научной общности, характерной особенностью данного дискурса является принципиальное равенство всех участников научного общения» [7, с. 37]. Однако в публичной научной лекции отмечается асимметрия статусных ролей адресанта и адресата, поскольку специалист в определенной области знания должен донести до широких масс научную информацию. По мнению Е.Б. Нагиевой, специфику публичной лекции «во многом определяет перевод специальной научной информации на язык неспециального знания» [13, с. 13]. Соответственно, основной задачей говорящего является достижение понимания информации адресатом [Там же]. Публичную научную лекцию характеризует интерактивность и получение информации в реальном времени. В целом условия и параметры данного типа ком-

муникации достаточно изучены с позиции теории дискурса, теории коммуникации, коммуникативно-дискурсивной лингвистики, прагмалингвистики, психолингвистики, социолингвистики (Н.Д. Арутюнова, Т.Н. Астафурова, И.Н. Горелов, В.И. Карасик, М.Л. Макаров, А.В. Олянич, С.А. Сухих, Е.И. Шейгал и др.).

Являясь широко распространённым типом коммуникативного взаимодействия во многих странах, популярная научная лекция, помимо универсальных черт, несомненно, включает в себя и культурно-обусловленные характеристики. Лингвокультурологический ракурс данного исследования основывается на положениях, разработанных В.Н. Телия о том, что «лингвокультурология <...> исследует, прежде всего, живые коммуникативные процессы» [16, с. 218]. Лингвокультурологический вектор описания взаимодействия языка и культуры в процессе коммуникации приводит к тому, что исследователи говорят о признании за языком статуса лингвокультурного кода [5, 11, 14]. С.В. Иванова отмечает, что «лингвокультурный код позволяет говорящему адекватно позиционировать себя в процессе коммуникации, поскольку он отражает социальные отношения, духовные ценности, стереотипы лингвокультурного сообщества, а также предопределяет восприятие говорящего партнерами по коммуникации» [4, с. 271]. Данный факт обусловлен коммуникативной компетенцией человека, которая «включает механизмы, приемы и стратегии, необходимые для обеспечения эффективного процесса общения» [4, с. 54]. Жанровая же компетентность напрямую коррелирует с коммуникативной. По мнению Т.В. Анисимовой, «жанровая компетентность, выражающаяся во владении нормами построения и функционирования текстов, является обязательным компонентом коммуникативной компетентности, позволяет человеку общаться без проблем и облегчает процесс его социализации в целом» [2, с. 38]. Как подчеркивает Н.Ф. Алефиренко, «речевой жанр усваивается человеком одновременно с овладением родной лингвокультурой: *как и что* говорить в той или иной типовой ситуации общения» [1, с. 46].

Лингвокультурологическая маркированность наиболее явно проявляется при исследовании стратегического уровня в структуре

коммуникации. Принимая во внимание мнение большинства исследователей о том, что на речевой стратегии говорящего отражается диспозиция его взглядов, ценностей, убеждений, усвоенных социальных норм (И.А. Стернин, С.А. Сухих), в данной работе будем рассматривать «речевые стратегии как специфические способы речевого поведения», осуществляемые под контролем «глобального намерения» [6, с.103]. В структуре коммуникации стратегии представляют собой комплекс речевых действий, направленных на достижение коммуникативной цели [Там же]. В свою очередь «целевая установка оказывается одним из важнейших параметров для определения специфики жанра» [2, с. 16].

Разрабатывая универсальную типологическую модель в рамках риторики с целью определить наиболее важные параметры, влияющие на выбор жанра, Анисимова выделяет три уровня: системный, стратегический и тактический [2, с. 7]. При этом на стратегическом уровне определяется теоретическая сущность жанра и уточняются его основные параметры [Там же]. В рамках данной работы важным является мнение лингвокультурологов о том, что «модели коммуникативного поведения и его интерпретация зависят от сложившихся у носителей культуры представлений о принципах организации речевого взаимодействия» [8, с. 29]. Соответственно, можно полагать, что члены того или иного лингвокультурного сообщества в типовой речевой ситуации реализуют определенные стратегические линии коммуникативного поведения, обусловленные доминантными чертами, ориентациями, ценностями, выработанными в той или иной лингвокультуре.

Для выявления лингвокультурологической специфики реализации коммуникативных стратегий, свойственных жанру научной публичной лекции, необходимо остановиться на вопросе отбора типологии стратегий.

Поскольку в центре данного исследования находится личность выступающего с научной лекцией, обратимся к ряду типологий коммуникативных стратегий, разработанных исследователями по речевой деятельности коммуниканта, осуществляющего выступле-

ние на лекции. В последнее время предложено несколько классификаций коммуникативных стратегий выступающего.

Разрабатывая интегральный подход в рамках теории дискурса, Т.Н. Хомутова в качестве «собственно коммуникативных стратегий» научного дискурса, выделяет «информирующие, оценивающие, стратегии убеждения» и ряд других [17].

С позиций социолингвистики исследователь Е.Б. Нагиева предлагает выделить пять основных стратегий, используемых лекторами: информативно-объяснительную, образно-изобразительную и эмоционально-оценочную, контактоустанавливающую и стратегию самопрезентации [13].

Реализуя лингвокультурологический подход при рассмотрении национальных особенностей коммуникативных стратегий в области конференционной дипломатии на английском языке у представителей различных культурно-лингвистических сообществ, Ю.А. Ермошин и Н.В. Алонцева выделяют универсальные стратегии: «контакт», «убеждение» и «информирование» [3, с. 82].

Поскольку в последнем случае реализуется лингвокультурологический ракурс исследования, а предложенные стратегии, безусловно, являются неотъемлемыми для публичной научной лекции, считаем предложенную классификацию релевантной и для настоящего исследования. Для удобства работы с практическим материалом, считаем необходимым отделить по степени «глобального намерения» (О.С. Иссерс) стратегии «информирование» и «убеждение» от стратегии «контакта». Стратегия – это сверхзадача, идущая от адресанта, направленная на достижение коммуникативной или практической цели и рассчитанная на определённый перлокутивный эффект [15]. В связи с чем, считаем, что коммуникативная стратегия «контакт» скорее является инструментом вышеуказанных стратегий.

В представленной работе нас интересует не столько содержательно-тематический компонент сообщения (само содержание лекции), сколько прагматическая сторона выступления, а именно коммуникативные стратегии, отвечающие за реализацию цели об-

щения: информировать и убедить слушающего коммуниканта в правильности своих мыслей или открытий посредством выбора коммуникативных действий, способов подачи материала, стиля общения с аудиторией, выстраивания определенных отношений с адресатом и т.д. Так как коммуникативные стратегии базируются на речеповеденческих стереотипах, обусловленных речеповеденческим кодом, их анализ позволит распределить лингвокультурный код того или иного сообщества.

Анализ языкового материала показывает, что отличительной чертой стратегии информирования для англоязычных лингвокультур является использование тактики введения новой информации в начале выступления. Следующий пример это наглядно иллюстрирует: *I have the answer to a question that we've all asked. The question is, Why is it that the letter X represents the unknown?* [21].

С первых слов адресант прямо говорит, что у него есть ответ на данный вопрос. Такое заявление практически не допускает сомнений и звучит очень убедительно. Так, на анализе письменного дискурса Р. Каплан установил, что «для носителей английского языка характерна прямолинейная, логичная, последовательная модель развертывания дискурса в виде прямой линии, когда основная идея коммуникации представляется в самом начале и последовательно раскрывается с помощью вербального выражения всех компонентов высказывания» [18, с. 14].

Анализ практического материала свидетельствует также о том, что для достижения цели информировать и убедить аудиторию выступающий коммуникант активно прибегает к стратегии установления контакта.

Выступление Элизабет Гилберт (англ. Elizabeth Gilbert) – американской писательницы, автора бестселлера «*Eat, Pray, Love*», начинается с собственного представления: *I am a writer. Writing books is my profession but it's more than that, of course. It is also my great lifelong love and fascination* [цит. по 10]. Прежде, чем обозначить цель выступления, автору важно сблизиться с аудиторией. Для этого адресант апеллирует к своему личному опыту, а также

использует эмоционально-оценочные средства с целью захватить внимание и интерес адресата. По замечанию исследователей в области межкультурной коммуникации, «во всех культурах речь при реализации коммуникативного действия «контакт» считается тем более вежливой, чем более она пространна» [3, с. 83]. Англоязычные лингвокультуры, такие как британская и американская, относятся к «кратким» по сравнению с восточными культурами, но не столь «краткими» по сравнению с русскоязычной.

Далее коммуникант, осуществляющий публичное выступление, реализует стратегию закрепления контакта. Он использует ряд следующих тактик:

1) тактика использования личного опыта: *And people would say, "Aren't you afraid you're never going to have any success?... – The answer – the short answer to all those questions is, "Yes." Yes, I'm afraid of all those things*[19];

Или фактов биографии: *Like my dad, for example, was a chemical engineer and I don't recall once in his 40 years of chemical engineering anybody asking him if he was afraid to be a chemical engineer, you know?* [19];

2) употребление личного местоимения 1 лица (в единственном или множественном числе): *We writers, we kind of do have that reputation...* [19];

3) использование вопросительных предложений, имитации диалога: *What is your motive for action? What is it that drives you in your life today? Not 10 years ago. Are you running the same pattern? Because I believe that the invisible force of internal drive, activated, is the most important thing. I'm here because I believe emotion is the force of life* [21].

Данный прием мотивирован стремлением говорящего удерживать внимание и направить мысль слушателей таким образом, чтобы совместно прийти к требуемому выводу.

4) тактика сокращения межличностной дистанции: *And the question that I want to ask everybody here today is are you guys all cool with that idea? Are you comfortable with that?* [19]. Лексический репрезентант, обозначающий стилистически маркированное раз-

говорное обращение к аудитории *guys*, также как и разговорные обороты “*Are you cool with that idea?*”, “*Are you comfortable with that?*” позволяет нивелировать асимметрию статусных ролей адресанта и адресата, таким образом, сокращая дистанцию между говорящими.

5) эмоционально-оценочная тактика: *I have to tell you I'm both challenged and excited. My excitement is: I get a chance to give something back. My challenge is: the shortest seminar I usually do is 50 hours. (Laughter) I'm not exaggerating. I do weekends – I do more, obviously, I also coach people – but I'm into immersion, because how did you learn language?* [21]. В приведенном вступлении говорящий комбинирует несколько тактик: ссылается на личный опыт, переходит к сути выступления с постановки вопроса, а также обозначает свое волнение, используя эмоционально-оценочную лексику.

Стремление говорящего вызвать у слушателей эмоции выделяют как отдельную эмоционально-оценочную стратегию [13]. В рамках как межличностного, так и институционального общения в англоязычной лингвокультуре принято контролировать эмоции. «Эмоциональная сдержанность соотносится с такими доминантными чертами культуры как соблюдение принципов вежливости и дистанцированности» [14, с. 164]. Данный факт подтвержден в других многочисленных исследованиях в области межкультурной коммуникации, лингвокультурологи и, эмотивной коммуникации, речевого поведения [8, 9, 7]. Однако жанр публичных выступлений диктует другие правила. Выступающий перед аудиторией коммуникант эксплицирует собственные эмоции для достижения целей своего выступления. С позиций эмотиологии такое поведение коммуниканта объясняется эмотивным кодом, когда «проявление эмоций носит преднамеренный характер и представляет собой определенную стратегию коммуникативного поведения, они используются с целью прогнозирования и определения ситуации, а также влияния на поведение других» [9, с. 277].

Анализ практического материала показывает, что эмоционально-оценочная тактика выступает средством актуализации глобальной стратегии убеждения. Подобную характеристику ком-

муникативного поведения можно толковать как «стереотипное представление об официальном выступлении как о совместном взаимодействии оратора с конкретными слушателями как личностями [3, с. 84], акцентируя внимание на «публичности, а не на официальности» [Там же, с. 84]. Логично предположить, что совместное взаимодействие необходимо адресанту в качестве эффективного средства убеждения адресата в правильности своих доводов.

Проведенный анализ показывает, что в жанре публичной лекции в отличие от межличностной коммуникации говорящему требуется следовать другим ценностным ориентациям в общении. Ему необходимо учитывать не только универсальные правила жанра, но и проявлять гибкость, подбирая к аудитории различные стратегические инструменты общения, которые могут противоречить лингвокультурным ценностям, таким как вежливость и дистанцированность. Данный факт соотносится с мнением Ю.Б. Кузьменковой о том, что «правила вежливости, ориентированные на соблюдение приличий, трактуются с позиций рациональной полезности как способствующие удовлетворению собственных желаний и желаний другого лица. Чтобы достижение поставленной цели – убедить адресата или заставить его изменить свою точку зрения в результате взаимодействия – не вступало в противоречие с необходимостью одобрения со стороны собеседников, британцы и американцы широко обращаются к различным стратегиям и тактикам» [8, с. 7]. Соответственно, стратегичность общения как ценностная доминанта, свойственная англоязычному общению, позволяет решать задачи, зависящие от разных условий общения, для успешного протекания речевого взаимодействия. «Англоязычная культурная модель научного дискурса, прямолинейная, логичная, эксплицитная, наиболее точно соответствует самому понятию «стратегии» как оптимального способа достижения поставленной цели [17, с. 18].

Ориентируясь на данную доминанту, коммуникант на публичной лекции с целью информировать и убедить слушающих может использовать хорошо разработанный в англоязычном общении арсенал тактических средств коммуникации.

Таким образом, лингвокультурный, эмотивный коды, используемые при анализе в данной работе в рамках лингвокультурологической парадигмы, дают возможность воссоздать такую ценностную доминанту как стратегичность англоязычного общения, определяющей коммуникативное поведение говорящего с учетом жанровых особенностей публичной научной лекции.

Список литературы

1. Алефиренко Н.Ф. Речевой жанр, дискурс и культура // *Жанры речи*: сб. науч. ст. Саратов: Изд. центр «Наука», 2007. Вып. 5. С. 44–55.
2. Анисимова Т.В. Типология жанров деловой речи: Риторический аспект: Автореферат дисс. ... докт. филол. наук. Краснодар, 2000. 45 с.
3. Ермошин Ю.А., Алонцева Н.В. Коммуникативные стереотипы представителей различных культурно-лингвистических сообществ, осуществляющих англоязычное официальное публичное выступление на английском языке. *Вестник РУДН, серия Русский и иностранные языки и методика их преподавания*, 2016, № 4. С. 82–92.
4. Иванова С.В. Актуальные проблемы лингвокультурологических исследований // *Система языка: синхрония и диахрония*: Межвузовский сборник научных статей. Уфа: РИЦ БашГУ, 2009. С. 267–273.
5. Иванова С.В. Культурные коды как неотъемлемый элемент коммуникативной компетенции // *Лермонтовские чтения – XIII. Теория и практика обучения иностранным языкам и культурам в контексте реалий Болонского процесса: сборник статей по материалам Международного научно-методического симпозиума*. Пятигорск: Издательство ПГЛУ, 2011. С. 115–120.
6. Иссерс О.С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. М.: Едиториал УРСС, 2002. 284 с.
7. Карасик В.И. *Языковой круг: личность, концепты, дискурс*. Москва: Гнозис, 2004. 390 с.
8. Кузьменкова Ю.Б. *От традиций культуры к нормам речевого поведения британцев, американцев и россиян*. М.: ГУ ВШЭ, 2005. 316 с.
9. Ларина Т.В. *Категория вежливости и стиль коммуникации*. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2009. 516 с.

10. Леонтович О.А. Русские и американцы: парадоксы межкультурного общения: Монография. Москва: Гнозис, 2005. 352 с.
11. Медведева А.В. Коммуникативные стратегии и тактики при выражении критического суждения в английской лингвокультуре (на материале современного английского языка): дис. ... канд. филол. наук. Уфа, БашГУ, 2015. 190 с.
12. Медведева А.В. Особенности проявления речеповеденческого кода при реализации конструктивной критики (на материале современного английского языка). Красноярск: В мире научных открытий 2015. №3.3 (63). С. 1463–1483.
13. Нагиева Е.Б. Речевая организация текста публичной лекции (на материале телевизионного цикла Academia): Автореферат дисс. ... канд. филол. наук. СПб, 2017. 27 с.
14. Носова О.Е. Культурообусловленные доминанты невербального коммуникативного поведения в англоязычном общении. Казанская наука. № 4, 2014 г. Казань: Изд-во Казанский Издательский Дом, 2014. С. 163–166.
15. Попова Е.С. Структура манипулятивного воздействия в рекламном тексте // Известия Уральского гуманитарного университета № 24 (2002). С. 276–288.
16. Телия В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М.: Школа «Языки русской культуры», 1998. 288 с.
17. Хомутова Т.Н. Стратегии научного дискурса: интегральный подход // Вестник ЮурГУ. Серия «Лингвистика» 2015. Т.12, № 3. С. 15–22.
18. Чернявская В.Е. Лингвистика текста. Лингвистика дискурса: учеб. пособие. М.: ФЛИНТА: Наука, 2013. 208 с.
19. Каплан Р. Cultural thought patterns in inter-cultural education // Language learning. 1966. Vol. 16, pp. 1–20.
20. Гилберт Э. Ваш неуловимый гений [Электронный ресурс]. https://www.ted.com/talks/elizabeth_gilbert_on_genius (дата обращения 02.05.18).
21. Пинкер С. О чем говорят наши языковые привычки? [Электронный ресурс]. https://www.ted.com/talks/steven_pinker_on_language_and_thought/transcript (дата обращения 05.05.18).

22. Робинс Т. Почему мы делаем то, что делаем [Электронный ресурс]. https://www.ted.com/talks/tony_robbins_asks_why_we_do_what_we_do (дата обращения 05.05.18).

References

1. Alefirenko N.F. *Rechevoj zhanr, diskurs i kul'tura* [Speech Genre, Discourse and Culture]. Zhanryrechi: sb. nauch. st. Saratov: Izd. tsentr "Nauka", 2007. Vyp. 5, pp. 44–55.
2. Anisimova T.V. *Tipologiya zhanrov delovoy rechi: Ritoricheskiy aspekt: Avtoreferat diss. ... dokt. filol. nauk.* [Genres typology of business speech: Rhetorical aspect]: Avtoreferat diss. ... dokt. filol. nauk. Krasnodar, 2000. 45 p.
3. Ermoshin Y.A., Alontseva N.V. Kommunikativnye stereotypy predstaviteley razlichnykh kul'turno-lingvisticheskikh soobshchestv, osushchestvlyayushchikh angloyazychnoe ofitsial'noe publichnoe vystuplenie na angliyskom yazyke [Communication stereotypes of representatives of different cultural-linguistic communities officially addressing in public in English]. *Vestnik RUDN, seriya Russkiy i inostrannyye yazyki i metodika ikh prepodavaniya*, 2016, № 4, pp. 82–92.
4. Ivanova S.V. Aktual'nye problem lingvokul'turologicheskikh issledovaniy [Current issues of linguocultural research]. *Sistema yazyka: sinkhroniya i diakhroniya: Mezhvuzovskiy sbornik nauchnykh statey* [Language system: synchrony and diachrony: Interuniversity collection of scientific articles]. Ufa: RITs BashGU, 2009, pp. 267–273.
5. Ivanova S.V. Kul'turnye kody kak neot'emlemnyy element kommunikativnoy kompetentsii [Cultural codes as an integral part of communication competence]. *Lermontovskie chteniya – XIII. Teoriya i praktika obucheniya inostrannym yazykam i kul'turam v kontekste realiy Bolonskogo protsessa: sbornik statey po materialam Mezhdunarodnogo nauchno-metodicheskogo simpoziuma* [Lermontov readings – XIII. Theory and practice of teaching foreign languages and cultures in the context of the realities of the Bologna process: a collection of articles based on the materials of the International Scientific and Methodological Symposium]. Pyatigorsk: Izdatel'stvo PGLU, 2011, pp. 115–120.

6. Issers O.S. *Kommunikativnye strategii i taktiki russkoy rechi* [Communicative strategies and tactics of the Russian language]. M.: Editorial URSS, 2002. 284 p.
7. Karasik V.I. *Yazykovoy krug: lichnost', kontsepty, diskurs* [Language circle: personality, concepts, discourse]. M.: Gnozis, 2004. 390 p.
8. Kuzmenkova J.B. *Ot traditsiy kul'tury k normam rechevogo povedeniya britantsev, amerikantsev i rossiyan* [From cultural traditions to standards of speech conduct of the British, American and Russian people]. M.: GU VShE, 2005. 316 p.
9. Larina T.V. *Kategoriya veshlivostiistil' kommunikatsii* [The category of politeness and communication style]. M.: Rukopisnye pamyatniki Drevney Rusi, 2009. 516 p.
10. Leontovich O.A. *Russkie i amerikantsy: paradoksy mezhkul'turnogo obshcheniya: Monografiya* [Russians and Americans: paradoxes of intercultural communication: Monograph]. M.: Gnozis, 2005. 352 p.
11. Medvedeva A.V. *Kommunikativnye strategii i taktiki pri vyrazhenii kriticheskogo suzheniya v angliyskoy lingvokul'ture (na material sovremennogo angliyskogo yazyka): dis. ... kand. filol. Nauk* [Communication strategies and tactics while expressing critical judgment in English linguoculture (on English language resources)]. Diss. ... kand. fil.nauk.Ufa, BashGU, 2015.190 p.
12. Medvedeva A.V. Osobennosti proyavleniya rechepovedencheskogo koda pri realizacii konstruktivnoj kritiki (na material sovremennogo angliyskogo yazyka) [The peculiarities of expressing speech behavior code while using constructive criticism (on English language resources)]. Krasnojarsk: *V mire nauchnyh otkrytij* 2015. №3.3 (63), pp. 1463–1483.
13. Nagieva E.B. *Rechevaja organizacija teksta publichnoj lekcii (na material televizionnogo cikla Academia)* [Speech organization of texts of public lectures (on resources of television series. Academia)]. Avtoferat diss. ... kand. filol. nauk. SPb, 2017. 27 p.
14. Nosova O.E. Kul'turoobuslovlennye dominanty neverbal'nogo kommunikativnogo povedeniya v anglojazychnom obshhenii [Culture-dependent dominants of nonverbal communication conduct in English intercourse]. *Kazanskaja nauka*. № 4, 2014. Kazan': Izd-vo Kazanskij Izdatel'skij Dom, 2014, pp. 163–166.

15. Popova E.S. Struktura manipuljativnogo vozdejstvija v reklamnom tekste [The structure of manipulating effect in an advertising text]. *Izvestija Ural'skogo gumanitarnogo universiteta* № 24 (2002), pp. 276–288.
16. Telia V.N. *Russkaja frazeologija. Semanticheskij, pragmaticheskij i lingvokul'turologicheskij aspekty* [Russian Phraseology. Semantic, pragmatic and linguocultural aspects]. M.: Shkola «Jazyki russkoj kul'tury», 1998. 288 p.
17. Khomutova T.N. Strategii nauchnogo diskursa: integral'nyj podhod [Science discourse strategies: integral approach]. *Vestnik Juur GU. Serija «Lingvistika»* 2015. V.12, № 3, pp. 15–22.
18. Chernyavskaya V.E. *Lingvistika teksta. Lingvistika diskursa: ucheb. Posobie* [Text Linguistics. Discourse linguistics: a tutorial]. M.: FLINTA: Nauka, 2013. 208 p.
19. Kaplan R.B. Cultural thought patterns in inter-cultural education. *Language learning*. 1966. Vol. 16, pp. 1–20.
20. Gilbert E. Your elusive creative genius. https://www.ted.com/talks/elizabeth_gilbert_on_genius.
21. Pinker S. What our language habits reveal. https://www.ted.com/talks/steven_pinker_on_language_and_thought.
22. Robbins A. Why we do what we do. https://www.ted.com/talks/tony_robbins_asks_why_we_do_what_we_do.

ДАнные ОБ АВТОРАХ

Носова Оксана Евгеньевна, канд. филол. наук, доцент

Уфимский государственный нефтяной технический университет

*ул. Космонавтов, 1, г. Уфа, Республика Башкортостан, 450062,
Российская Федерация*

Nosova.oxana10@yandex.ru

Медведева Алена Валерьевна, канд. филол. наук, доцент

Уфимский государственный нефтяной технический университет

*ул. Космонавтов, 1, г. Уфа, Республика Башкортостан, 450062,
Российская Федерация*

alenamedvedeva@mail.ru

DATA ABOUT THE AUTHORS

Nosova Oxana Evgenyevna, Associate Professor, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor
Ufa State Petroleum Technological University
1, Kosmonavtov Str., Ufa, 450000, Russian Federation
Nosova.oxana10@yandex.ru

Medvedeva Alena Valeryevna, Associate Professor, Candidate of Philological Sciences
Ufa State Petroleum Technological University
1, Kosmonavtov Str., Ufa, 450000, Russian Federation
alena.medvedeva@mail.ru

DOI: 10.12731/2077-1770-2018-4-3-195-205

УДК 811.13

ФУНКЦИОНАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ СУФФИКСА *-AGE* В КВЕБЕКСКОМ ВАРИАНТЕ ФРАНЦУЗСКОГО ЯЗЫКА XIX ВЕКА

Разумова Л.В.

Цель. Статья посвящена анализу суффикса *-age*, одного из частотных употребительных средств словообразовательной системы квебекского варианта французского языка, вполне сложившегося как отдельного к XIX веку. Цель исследования – определить семантические и функциональные характеристики анализируемого суффикса, его продуктивность в квебекском языковом сообществе франкофонов.

Методология проведения работы. Методологическую основу исследования составляет совокупность методов анализа словарных дефиниций, компонентного и структурно-семантического анализа, а также метода количественного анализа. Исследование осуществлялось на основе общенаучного системного подхода с учетом принципа историзма.

Результаты. Высокая продуктивность, которую демонстрирует суффикс *-age* в словообразовательной системе квебекского варианта французского языка в XIX веке, объясняется разнообразием передаваемых им семантических отношений. Они условно могут быть вписаны в градуальную шкалу, крайними точками которой выступают, с одной стороны – указание на действие, с другой – на абстрактную собирательную предметность. Многие из свойственных суффиксу *-age* отношений развиваются на территории Квебека самостоятельно, в отрыве от метропольного французского, все больше маркируя квебекский вариант как отдельный.

Область применения результатов. Результаты исследования могут быть применены в научной и учебно-педагогической деятельности в разделах, посвященных анализу словообразовательных средств языка, исследованию географических (диатопических) вариантов языка.

Ключевые слова: аффиксальное словообразование; дериватема; амальгамирование; градуальность; продуктивная модель; архаические и инновационные элементы.

THE SUFFIX *-AGE* IN THE QUEBEC FRENCH LANGUAGE OF THE NINETEENTH CENTURY

Razumova L.V.

Purpose. *The article is devoted to the analysis of one of the frequency means – the suffix -age – in the word-formative system of the Quebec version of the French language, which was formed as a separate language by the XIX century. The aim of the research is to determine the semantic and functional characteristics of the analyzed suffix, its productivity in the Quebec language community of Francophones.*

Methodology. *The methodological basis of the study is a set of methods of analysis of dictionary definitions, component and structural-semantic analysis, as well as the method of quantitative analysis. The study was carried out on the basis of a General scientific systematic approach, taking into account the principle of historicism.*

Results. *The high productivity demonstrated by the suffix -age in the word-formation system of the Quebec version of the French language in the XIX century is explained by the variety of semantic relations transmitted by it. They can be conventionally inscribed in the gradual scale, its extreme points being, on the one hand, an indication of the action, and the abstract collective objectivity, on the other hand. Many of the relations characterized as being peculiar to the suffix -age develop on the territory of Quebec independently in isolation from the Metropolitan French, marking the Quebec variant as a separate one.*

Pactical implications. *The results of the research can be applied in scientific and educational activities in the sections devoted to the analysis of word-formation means of language, the study of geographical (diatopic) variants of language.*

Keywords: *affixal word formation; derivative; amalgamation; graduality; productive model; archaic and innovative elements.*

Известно, что аффиксальное словообразование выступает одним из ведущих способов пополнения лексического состава любого языка, в котором имеются аффиксы. Как показала Н.А. Катагощина, аффиксация является ведущим способом словообразования во французском языке (далее – ФЯ) на протяжении всей истории его развития [3].

Основой аффиксального словообразования является словообразовательная модель, под которой понимается цепочка оппозиций, представленная более или менее длинным рядом слов. Необходимо учесть, что не все цепочки оппозиций и словесных корреляций обладают одинаковой регулярностью воспроизводимости и типичностью [10, с. 152–153], что позволяет различать продуктивные и непродуктивные словообразовательные модели. Под продуктивными моделями будем понимать словообразовательные оппозиции, в которых смысловые отношения между производным и исходным словом регулярно воспроизводятся.

Говоря о степени связности аффикса и корня, многие отечественные лингвисты отмечают, что широко принятая в лексикологии оппозиция «связанных» и «несвязанных» аффиксов не имеет большой объяснительной силы, т.к. любой аффикс не может быть использован абсолютно самостоятельно [1] и уже по определению связан с каким-либо корнем [7], поэтому следует, скорее, говорить о постоянном и градуальном характере этой связи [6, с. 298–307]. Именно поэтому В.А. Плунгян предлагает противопоставление т.н. «уникальных аффиксов (встречаются только при одном корне, например, *плак-с-а*), непродуктивных аффиксов (встречаются при ограниченном числе корней, не составляющих единого семантического класса, например, аффикс –*тух*: *пас-тух*, *пе-тух*) и продуктивных аффиксов (с ширококой сочетаемостью, регулируемой не индивидуальным лексическим значением, а обобщенными семантическими ограничениями)» [7, с. 51].

Наличие собственного значения у каждого аффикса позволяет говорить о *деривационном значении* или о *дериватеме*. Она занимает промежуточное положение между граммемой и лексемой и ха-

рактируется, по мнению И.А. Мельчука, большей конкретностью, ограниченной сочетаемостью, отсутствием стандартных средств выражения, меньшей связью с синтаксисом, линейным расположением ближе к корню; она легко амальгамируется с лексическим значением [6].

Обновленный интерес к словообразованию в 80-ые годы двадцатого столетия и появление ряда значительных работ отечественных [1; 10; 4; 5; 2; 6 и др.] позволили выделить словообразование в качестве отдельной науки и особой подсистемы языка, специфика которой заключается в создании новых номинативных языковых единиц. Производное слово, с когнитивной точки зрения, это новая структура знания, основанная на свернутой пропозициональной структуре [5, с. 407–412].

Словообразование канадского французского представляет особый интерес ввиду его чрезвычайного богатства и разнообразия. В отечественной романистике данный вопрос получил частичное рассмотрение в известной работе Е.А. Реферовской «Французский язык в Канаде» [9, с. 118–129]. Говоря о распространенности ряда суффиксов, автор справедливо отмечает, что их использование не является исключительной чертой ФЯ в Америке – они были характерны для ФЯ Франции и широко использовались в старо- и среднефранцузский периоды.

Суффикс *-age* образован от латинского суффикса *-aticum* и использовался первоначально в ЛЕ, обозначающих не действие, а предмет [11]. А. Гусс отмечает в издании *Von Usage* 2008 года, что этот суффикс широко распространен в квебекском варианте ФЯ [17], однако причины данного феномена не поясняются им. Попытаемся дать ответ на данный вопрос ниже, опираясь на анализ конкретных примеров выборки, сделанной на основе квебекских словарей французского языка XIX века [12–16; 18].

В квебекском разговорном суффикс используется с основами: А) глагола и Б) существительного. Благодаря этому обстоятельству в словах с данным суффиксом присутствует как значение действия с рядом его характеристик (процессуальность, результативность, од-

норазовость / повторяемость действия и др.), так и предметность, развиваемая в отдельных случаях до более абстрактного значения – значения собирательности. Нередко глагольные и субстантивные значения выражены в рамках одного слова. Таким образом, семантика существительных с суффиксом *-age* чрезвычайно разнообразна.

А) Так, значение осуществляемого действия как *процесса* содержится в отглагольных существительных *bouclage* (action de boucler), *bourdonnage* (action de bourdonner), *bousculage* (action de bousculer), *brassage* (action de mêler les cartes) и др. Значение *повторяемости действия* содержится в отглагольных существительных *couraillage* (action de courir de côté et de l'autre), *cousinage* (fréquentation entre les cousins). Существительное *charriages* (как и французское *vendanges*) имеет в квебекском разговорном значения: 1) *travaux*, 2) *l'époque des charrois, des foins, fourrage* (в значении: косьба, сенокос). Иными словами, оно содержит указание на *действие и его время*. Аналогичную структуру значения имеет существительное *battage* – 1) *action de battre les céréales*, 2) *l'époque où l'on bat les céréales* (в значении: молотьба, время молотить зерно).

В ряде отглагольных существительных содержится указание на само *действие и его результат*: *berdassage* (1) *bruit, tapage*, 2) *désordre*), *changeâillage* (1) *changement peu important*, 2) *action de changer souvent*). Укажем на *градуальный* характер этого типа значения: в одних случаях более проявленной становится его акциональная составляющая, в других – его результативная компонента. Приведенные примеры показательны в этом отношении: так, если в слове *berdassage* на первый план выступает его акциональный характер, то в *changeâillage* – его результат. Таким образом, можно говорить о большей или меньшей, о достигнутой или недостигнутой результативности содержащихся в данной группе лексических единиц. В качестве результата действия может выступать его *оценка*: *botchage* (*ouvrage exécuté sans soin* – от англ. *to botch*), *состояние*: *beurrage* (1) *flâter*, 2) *état d'une chose sale, male faite*), *предмет*, используемый в процессе деятельности: *barrage* (1) *action de fermer une porte à clef* 2) *barrière, clôture temporaire*). В ЛЕ *botchage* речь

идет о достигнутом результате действия, который четко оформляется в виде оценочного значения существительного. В ЛЕ *beurrage* результат действия выступает, скорее, как *промежуточное*, сопутствующее состояние. Такое же промежуточное состояние осуществляемого действия содержится и в отглагольном существительном *amusage* (*perte de temps*). Однако в таких ЛЕ, как *décharge* (*congé – recevoir sa décharge = son congé*), *écartage* (*égarement*), *comprenage* (*entente – у a pas de comprenage avec lui*), результат действия выступает как *достигнутое* состояние. Оно оформляется в виде единственного значения слова [8].

Отглагольное существительное *amarage* (*endroit où l'on amarre un bateau*) обозначает *место действия*, то есть имеет локативное значение; при этом акциональность его исходной отглагольной формы в квебекском практически утрачивается.

Б) В группе существительных с суффиксом *-age*, образованных от основ существительных, ведущим значением является *значение предметности*. Как и в группе отглагольных существительных, оно имеет градуальный характер. Крайними точками условной градуальной шкалы, которую образует данная группа существительных, выступает указание на конкретный предмет, с одной стороны, и собирательная, абстрактная предметность – с другой. *Конкретно-предметное* значение имеют следующие существительные: *coûtage* (*prix, frais*), *bordage* (*glace qui adhère aux rives des lacs, rivières*), *bandage* (*système de bandes de fer qui sert à maintenir le jantes d'une roue*). *Собирательное значение* (или абстрактную предметность) обнаруживают существительные *briquelage* (*ouvrage en briques, maçonnerie en brique*), *cotonnage* (*cotonnade, linge confectionné avec du coton*), *fruitages* (*fruits pris collectivement, récolte des fruits*). Отметим, что степень абстрактности предметности, содержащейся в каждом из них различна.

Слово *compéage* (1) *cérémonie du baptême d'un enfant*, 2) *fête de famille à l'occasion d'un baptême*, 3) *ceux qui présentent l'enfant au baptême*) (крестины, крестные) представляет собой интересный случай *сочетания акциональности и собирательности значения*

в рамках одного слова. Как можно заметить, акциональные оттенки содержатся в первых двух значениях слова, которое восходит к латинскому *compter* (крестный отец; букв.: с отцом). Очевидно, что в латинском оно лишено всякой акциональности. Во ФЯ Франции оно сохраняет на протяжении всей истории своего существования это первоначальное значение, тогда как в Квебеке слово (согласно приведенной выше структуре его значений), развивает дополнительные акциональные оттенки – «религиозная церемония крещения» и «семейный праздник по случаю крещения ребенка». Кроме того, третье значение этого слова – «крестные родители» – выступает как собирательное: оно указывает не только на крестного отца, а на крестных родителей в целом.

Сказанное выше позволяет заключить, что все богатство значений, передаваемых ЛЕ с суффиксом *-age*, может быть описано при помощи условной градуальной шкалы, крайними точками которой выступают указание на *действие* со всем комплексом его характеристик (место, время, результат, оценка, повторяемость, процессуальность/завершенность действия и др.), с одной стороны, и *абстрактная собирательная предметность*, с другой. Между этими крайними точками располагаются многочисленные переходные случаи.

Приведенный выше семантический анализ ЛЕ с суффиксом *-age* с очевидностью показывает их семантическое разнообразие. Это свидетельствует об отсутствии каких-либо комбинаторных ограничений данного суффикса. Отметим также, что подавляющее большинство ЛЕ с данным суффиксом заимствовано из диалектов Франции. Говоря о продуктивности суффикса *-age*, подчеркнем его значимую продуктивность в квебекском варианте французского языка; она составляет около 17%. Учитывая заимствованные из английского языка ЛЕ, образованные по той же словообразовательной модели корень+суфф. *-age* и составляющие около 8% всей выборки, можно говорить о том, что первоначальный фонд ЛЕ с данным словообразовательным аффиксом существенно пополнился на американском континенте, насчитывая, таким образом, около 25% новых ЛЕ.

Список литературы

1. Виноградов В.В. Исследования по русской грамматике: Избр. тр. М.: Наука, 1975. 559 с.
2. Земская Е.А. Словообразование как деятельность. М: Наука. 221 с.
3. Катагощина Н.А. Как образуются слова во французском языке. М.: КомКнига, 2006. 112 с.
4. Кубрякова Е.С. Словообразование // Общее языкознание. Внутренняя структура языка. М.: Наука, 1972. С. 344–393.
5. Кубрякова Е.С. О семантических особенностях производного слова // Семиотика, лингвистика, поэтика. К 100-летию со дня рождения А.А. Реформатского. М.: Языки слав. культуры, 2004. С. 242–249.
6. Мельчук И.А. Курс общей морфологии. Т. 1. М.: Языки славянской культуры, 1997. 416 с.
7. Плунгян В.А. Общая морфология. Введение в проблематику. М.: Эдиториал УРСС, 2003. 384 с.
8. Разумова Л.В. Репрезентация языковой нормы квебекского варианта французского языка. Монография. Чита: Изд-во ЗабГУ, 2014. 208 с.
9. Реферовская Е.А. Французский язык в Канаде. М.: ЛКИ, издание второе, исправленное, 2007. 216 с.
10. Степанов Ю.С. Основы общего языкознания. М.: Просвещение, 1975. 271 с.
11. Brunot F. Histoire de la langue française des origines à nos. P.: Armand Colin, T. 4, 1966. 653 p.
12. Caron N. Petit vocabulaire à l'usage des Canadiens-français contenant les mots dont il faut répandre l'usage et signalant les barbarismes qu'il faut éviter pour bien parler notre langue. Trois-Rivières: Journal des Trois-Rivières, 1880. 64 p.
13. Clapin S. Dictionnaire canadien-français ou Lexique-glossaire des mots, expressions et locutions ne se trouvant pas dans les dictionnaires courants et dont l'usage appartient surtout aux Canadiens-français avec de nombreuses citations ayant pour but d'établir les rapports existant avec le vieux français l'ancien et le nouveau patois normand et saintongeais l'anglais, et les dialectes des premiers aborigènes. Montréal-Boston: C.O. Beauchemin & Fils, 1894. 389 p.

14. Dionne N.-E. Le parler populaire des Canadiens français ou Lexique des canadianismes, acadianismes, anglicismes, américanismes, mots anglais les plus en usage au sein des familles canadiennes et acadiennes françaises [...]. Québec: Laflamme & Proulx imprimeurs, 1909. 276 p.
15. Dunn O. Glossaire franco-canadien et vocabulaire de locutions vicieuses usitées au Canada. – Québec, Imprimerie A. Côté et Cie, 1880. 199 p.
16. Gingras J.-F. Recueil des expressions vicieuses et des anglicismes et les plus fréquents. – Québec: Imprimé par E. R. Fréchette, 1860. 47 p.
17. Grevisse M., Goosse A. Le bon usage. Grammaire française avec des remarques sur la langue française d'aujourd'hui, 14e éd. Gembloux: Duculot, 2008. 1600 p.
18. Société du parler français au Canada (SPFC). Glossaire du parler français au Canada. Québec: L'Action sociale, 1930. 709 p.

References

1. Vinogradov V.V. *Issledovaniya po russkoy grammatike* [Studies in Russian grammar]: Izbr. tr. M.: Nauka, 1975. 559 p.
2. Zemskaya E.A. *Slovoobrazovanie kak deyatelnost* [Word formation as an activity]. M: Nauka. 221 p.
3. Katagoschina N.A. *Kak obrazuyutsya slova vo frantsuzskom yazyike* [How words are formed in French]. M.: KomKniga, 2006. 112 p.
4. Kubryakova E.S. Slovoobrazovanie [Word formation]. *Obschee yazyikoznanie. Vnutrennyaya struktura yazyika* [General Linguistics. The internal structure of the language]. M.: Nauka, 1972, pp. 344–393.
5. Kubryakova E.S. O semanticheskikh osobennostyah proizvodnogo slova [On semantic features of the derived word]. *Semiotika, lingvistika, poetika. K 100-letiyu so dnya rozhdeniya A.A. Reformatskogo* [Semiotics, linguistics, poetics. To the 100th anniversary of the birth of A.A. Reformatsky]. M.: Yazyiki slav. kulturyi, 2004, pp. 242–249.
6. Melchuk I.A. *Kurs obschey morfologii* [General morphology course]. T. 1. M.: Yazyiki slavyanskoy kulturyi, 1997. 416 p.
7. Plungyan V.A. *Obschaya morfologiya. Vvedenie v problematiku* [General morphology. Introduction to the subject]. M.: Editorial URSS, 2003. 384 p.

8. Razumova L.V. *Reprezentatsiya yazykovoy normy kvebekskogo varianta frantsuzskogo yazyka* [Representation of the norm of the Quebec French language]. Chita: Izd-vo ZabGU, 2014. 208 p.
9. Referovskaya E.A. *Frantsuzskiy yazyk v Kanade* [French in Canada]. M.: LKI, izd-ie vtoroe, ispravlennoe, 2007. 216 p.
10. Stepanov Yu.S. *Osnovyi obshchego yazykoznaniya* [Basic of general linguistics]. M.: Prosveschenie, 1975. 271 p.
11. Brunot F. Histoire de la langue française des origines à nos. P.: Armand Colin, T. 4, 1966. 653 p.
12. Caron N. Petit vocabulaire à l'usage des Canadiens-français contenant les mots dont il faut répandre l'usage et signalant les barbarismes qu'il faut éviter pour bien parler notre langue. Trois-Rivières: Journal des Trois-Rivières, 1880. 64 p.
13. Clapin S. Dictionnaire canadien-français ou Lexique-glossaire des mots, expressions et locutions ne se trouvant pas dans les dictionnaires courants et dont l'usage appartient surtout aux Canadiens-français avec de nombreuses citations ayant pour but d'établir les rapports existant avec le vieux français l'ancien et le nouveau patois normand et saintongeais l'anglais, et les dialectes des premiers aborigènes. Montréal-Boston: C.O. Beauchemin & Fils, 1894. 389 p.
14. Dionne N.-E. Le parler populaire des Canadiens français ou Lexique des canadianismes, acadianismes, anglicismes, américanismes, mots anglais les plus en usage au sein des familles canadiennes et acadiennes françaises [...]. Québec: Laflamme & Proulx imprimeurs, 1909. 276 p.
15. Dunn O. Glossaire franco-canadien et vocabulaire de locutions vicieuses usitées au Canada. – Québec, Imprimerie A. Côté et Cie, 1880. 199 p.
16. Gingras J.-F. Recueil des expressions vicieuses et des anglicismes et les plus fréquents. – Québec: Imprimé par E. R. Fréchette, 1860. 47 p.
17. Grevisse M., Goosse A. Le bon usage. Grammaire française avec des remarques sur la langue française d'aujourd'hui, 14e éd. Gembloux: Duculot, 2008. 1600 p.
18. Société du parler français au Canada (SPFC). Glossaire du parler français au Canada. Québec: L'Action sociale, 1930. 709 p.

ДАНИЕ ОБ АВТОРЕ

Разумова Лина Васильевна, профессор кафедры романских языков им. В.Г. Гака, доктор филологических наук, доцент
*Московский педагогический государственный университет,
ул. Малая Пироговская, 1, стр. 1, г. Москва, 119991, Россий-
ская Федерация*
lina.razumova@mail.ru

DATA ABOUT THE AUTHOR

Razumova Lina Vassilievna, Professor of the Department of Romance Languages named after V.G. Gak, Doctor of Philology, Associate Professor
*Moscow State Pedagogical University,
1/1, Malaya Pirogovskaya st., Moscow, 119991, Russian Feder-
ation*
lina.razumova@mail.ru
SPIN-code: 1727-6755
ORCID: 0000-0001-5225-0413

DOI: 10.12731/2077-1770-2018-4-3-206-216

УДК 81'42: 659.131.25 (811.161.1+811.111)

СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ РЕАЛИЗАЦИИ КОММУНИКАТИВНЫХ СТРАТЕГИЙ В РЕКЛАМНЫХ СЛОГАНАХ КОНДИТЕРСКИХ ИЗДЕЛИЙ (НА ПРИМЕРЕ РУССКОЯЗЫЧНОЙ И АНГЛОЯЗЫЧНОЙ РЕКЛАМЫ)

Стрижкова О.В., Стренева Н.В.

Резюме. *Статья посвящена проблеме выявления сходных и отличных языковых единиц выражения коммуникативных тактик в реализации коммуникативных стратегий в рекламном дискурсе продуктов питания.*

Автор ставит целью провести сопоставительный прагмалингвистический анализ, направленный на описание конкретно-языковых и типологических характеристик средств выражения коммуникативного намерения в англо- и русскоязычных слоганах рекламы кондитерских изделий.

Метод или методология проведения работы. *Основу исследования образует метод сопоставительного анализа, включающего приемы количественного анализа и статистической обработки материала.*

Результаты. *Автор выявляет коммуникативные стратегии и тактики, сходные для англо- и русскоязычного рекламного дискурса продуктов питания, а также лексические и синтаксические языковые средства выражения интенции адресанта, наиболее распространенные для каждого из анализируемых языков.*

Область применения результатов. *Результаты исследования могут быть применены в сфере лингвокультурной коммуникации при составлении учебных пособий по сравнительной типологии англо- и русскоязычных рекламных текстов.*

Ключевые слова: *коммуникативное намерение; коммуникативная стратегия; коммуникативная тактика; рекламный слоган; адресант; адресат.*

COMPARATIVE ANALYSIS OF IMPLEMENTATION OF COMMUNICATIVE STRATEGIES IN CONFECTIONERY PRODUCTS ADVERTISING SLOGANS (ON THE EXAMPLE OF RUSSIAN AND ENGLISH ADVERTISING)

Strizhkova O.V., Streneva N.V.

The article is devoted to the issue of revealing similarities and distinctions, specific for communicative tactics in the implementation of communicative strategies in the food products advertising discourse.

The author aims to conduct a comparative pragmalinguistic analysis, targeted at the description of the specific and typological linguistic features of expressing communicative intent in the English and Russian language slogans of confectionary products advertisements.

Methods or methodology of the work. *The study is based on the comparative analysis method, including the quantitative analysis and data statistic processing methods.*

Results. *The results of the study are that the author defines and depicts communicative strategies and tactics similar to the English and Russian language slogans of confectionary products advertisements. The most common linguistic means of expressing the addresser's intent are investigated.*

Practical implications. *The results of the study can be applied in the sphere of lingvocultural communication in the compilation of textbooks on the comparative typology.*

Keywords: *communicative intent; communicative strategy; communicative tactics; advertising slogan; addresser; addressee.*

Рекламные тексты продуктов питания являются особой нишей в рекламной коммуникации, поскольку представляют собой товар ежедневного применения и сопоставительное изучение лексических, стилистических и синтаксических средств выражения коммуникативного намерения адресантов рекламных сообщений способно предоставить понимание того, каким образом происходит

реализация прагматической установки в рекламном дискурсе продуктов питания в русско- и англоязычной лингвокультуре.

Цель данной статьи заключается в проведении сопоставительного прагмалингвистического анализа англо- и русскоязычных слоганов печатной рекламы кондитерских изделий, направленного на выявление сходств и отличий, реализующих коммуникативные стратегии речевых тактик и средств языка.

Источником фактического материала послужили 85 русскоязычных и 70 англоязычных рекламных текстов кондитерских изделий, отобранных из массива печатного рекламного материала из журналов *Школа Гастронома, Гастроном, Караван Историй, Домашний Очаг, Луза, Луза Girl, Мой Кроха и Я, Men's Health, Cooking Light, Food and Wine, Whole Living, New Idea, Marie Claire, Taste of home, Cosmo, Elle, Feel Good Food*, опубликованных в период 2011–2016 гг.

Рекламный текст отображает смысловый потенциал рекламы, заложенный в неё автором. Существуют определенные правила построения рекламного текста, которые обуславливают доминантную задачу рекламного сообщения – воздействие на адресата.

У. Уэллс в вербальной составляющей рекламного сообщения на английском и русском языках выделяет и описывает четыре основные части

1. слоган (или рекламный лозунг);
2. заголовок;
3. основной рекламный текст;
4. эхо-фраза (или кода) [8, с. 8].

Некоторые исследователи рекламы выделяют такую структурную часть, как справочные данные о возможности приобретения рекламируемого товара [1, с. 275].

Обзор фактического материала показал, что для печатных рекламных текстов кондитерских изделий свойственны такие модели композиционного построения, как: заголовок + основной рекламный текст, заголовок + основной рекламный текст + справочные данные (характерная особенность построения англоязычного ре-

кламного сообщения), слоган + основной рекламный текст + эхо – фраза, слоган + заголовок.

Одним из основных элементов рекламного текста является **слоган**, поскольку слоган создает ту необходимую ассоциативную связь идей, которая наглядно, в нескольких словах, выражает суть бренда или рекламное обещание.

В настоящее время, исследователи рекламы пытаются определить насколько кратким и емким должен быть текст слогана, чтобы «закрепиться» в сознании реципиента. Кокемоер утверждает, что необходимо учитывать личностный опыт и знания адресанта рекламного текста для создания эффективного слогана, вследствие этого, слоган может содержать в себе более чем одну фразу [9].

Другие делают акцент на краткость слогана и на выраженную в нем концепцию всей рекламной кампании: «Слоган – это рекламная фраза, в сжатом виде излагающая основное рекламное предложение в рамках рекламной кампании» [6, с. 9].

Композиционными особенностями слогана являются относительная автономность, семантическая емкость и структурная лаконичность. Слоган функционирует как экспрессивное средство, акцентируя внимание посредством рифмы, языковой игры, контрастностью на образе рекламируемого продукта. Слоган, по своей интенции, схож с газетным заголовком, привлечь интерес к объекту рекламного сообщения.

Выделяют ряд основных требований к слогану:

1. концентрации сути коммерческого предложения,
2. относительная краткость при большой эмоциональной насыщенности,
3. простой и легкий язык, способствующий лучшему восприятию и запоминаемости [3, с. 32].

Рекламный слоган может быть выражен в стихотворной форме, в виде свернутых конструкций призыва, девиза и т.д. В слогане свойственно употребление восклицательных императивов, эллиптических конструкций, приема «персонификации». Данные тенденции проявляются как в англоязычной, так и в русскоязычной рекламе.

Например:

- 1) *Give them your best! (BIRDS EYE)* [Whole Living, 2010. № 7, p. 29].
- 2) *They are Grrrrreat! (Frosted Flakes)* [Cosmo, 2009. №2, с. 59].
- 3) *Конфазль. Романс ... шоколадом* [Мой Кроха и Я, 2009. №6, с. 78].
- 4) *ШОК – это по-нашему!* [Лиза Girl, 2010. №5, с. 14].
- 5) *Nuts. Заряди мозги* [Караван историй, 2007. №4, с. 108].

Рекламная коммуникация чаще всего происходит опосредованно, при отсутствии контакта между адресатом и адресантом, в условиях воздействия конкурирующих рекламных сообщений на реципиента. Таким образом, рекламный текст представляет собой исключительный материал для изучения функционирования языковых механизмов воздействия и коммуникативных стратегий и тактик в достаточно непростых условиях речевого взаимодействия, поскольку коммуникативные стратегии являются «когнитивно-прагматической категорией, позволяющей создателю рекламного сообщения управлять сознанием адресата максимально гибким и эффективным способом» [7, с. 63].

Е.В. Ключев под коммуникативной стратегией понимает «совокупность запланированных говорящим заранее и реализуемых в ходе коммуникативного акта теоретических ходов, направленных на достижение коммуникативной цели» [4, с. 18].

Комарова описывает стратегию как «сложное понятие, которое включает в себя не только интенции говорящего, но и правила коммуникации, учет предполагаемых намерений адресата. Корпус знаний, лежащих в основе стратегии, отражает уровень коммуникативной компетенции говорящего» [5, с. 12].

Мы рассматриваем рекламный дискурс кондитерских изделий с позиции зависимости от типа воздействия. Основными стратегиями в рекламе кондитерских изделий являются рациональная стратегия, эмоциональная стратегия, которые реализуются через коммуникативные тактики, названия которым присваивалось согласно «семантическими бирками» [2, с. 130].

Анализ слоганов кондитерских изделий показал, что как в русскоязычной, так и в англоязычной рекламе присутствует эмоцио-

нальное и рациональное воздействие для усиления прагматического воздействия на потребителя.

Наиболее эффективные рекламные кампании используют как эмоциональный (в плане выражения: на лексическом, синтаксическом уровне) так и рациональный призыв (в плане содержания: на семантическом уровне)

Таблица 1.

**Частотность употребления коммуникативных стратегий и тактик
в слоганах рекламы кондитерских изделий**

Номенклатура стратегий и тактик	Англоязычный текст (70 ед.)	Русскоязычный текст (85 ед.)
1) Эмоциональная стратегия: а) тактика самопохвалы б) тактика апелляции к удовольствию в) тактика сближения с адресатом	1) 79% (55 из 70) а) наиболее распространенная б) частотна в) частотна	1) 82,5% (70 из 85) а) наиболее распространенная б) частотна в) редко употребляемая
2) Рациональная стратегия: а) тактика апелляции к здоровому образу жизни б) тактика апелляции к авторитету	2) 21% (15 из 70) а) распространенная б) редко употребляемая	2) 17,5% (15 из 85) а) редко употребляемая б) распространенная

Эмоциональная коммуникативная стратегия является основной при создании слоганов рекламы кондитерских изделий. Лексике, обслуживающей данную стратегию, присуща стилистическая окрашенность, выразительность, эмоциональная оценочность, преобладают метафоры, эпитеты, каламбуры, языковая игра.

- 1) *“Tunnock’s Caramel Wafers: Unspeakably Good”* [Marie Claire, 2010. № 6, с. 259].
- 2) *“Сникерсни в своем формате!”* [Лиза, 2009. № 6, с. 25].
- 3) *“Пористый шоколад Nestle Aero: Потрясающе тающий”* [Cosmopolitan, 2010. № 6, с. 87].
- 4) *“Конфазель: Шоколадные отношения создаются шоколадными подарками”* [Наш Малыш, 2012. № 1, с. 53].

Аттрактивным элементом в рекламе конфет Конфаэль является метафора «шоколадные отношения». Адресат создает образ красивых, романтических отношений, тем самым закрепляя в сознании адресата ассоциативную связь между конфетами Конфаэль и идиллией в отношениях партнеров.

Прагматическая направленность синтаксических конструкций находит свое отражение в таких синтаксических приемах, как: синтаксические повторы, риторический вопрос, градация, акцентируя и удерживая внимание адресата:

- 1) *Keebler, cookies and crackers. Uncommonly Made, Uncommonly Good* [Cooking Light, 2011. № 2, с. 129].
- 2) *Give me, give me a break; break me off a piece of that Kit Kat bar* [Food & Wines, 2013. № 9, с. 28].
- 3) *Alpen Gold. Главное – внутри! Alpen Gold – настоящее золото Альп!* [Лиза, 2012. № 58, с. 29].
- 4) *Шоколадный батончик (Nuts): Хочешь большего? Шевели мозгами!* [Лиза, 2011. № 16, с. 37].

Наиболее распространенной тактикой в реализации эмоциональной стратегии является тактика самопохвалы.

Маркерами данной тактики в русскоязычной рекламе выявлены лексические единицы с семантикой «лучший». Интенция адресанта – выделить рекламируемый продукт из массы других продуктов, обладающих сходными объективными характеристиками, объясняет использование операций выбора и комбинирования языковых средств.

- 1) *“Шоколад Lindt Excellence: Шоколадное Совершенство”* [Cosmo, 2011. № 3, с. 62].
- 2) *“Dove. Шелковый шоколад...”* [Лиза, 2014. № 28, с. 28].
- 3) *“Шоколад РотФронт. Мы подняли качество на новую высоту!”* [Лиза, 2015. № 15, с. 17].

Интересен факт, что средством вербализации абсолютной оценки в англоязычных слоганах рекламы кондитерских изделий являются

лексические единицы с приставкой «un», которая имеет отрицательную коннотацию, но, в конечном счете, приводит к созданию непревзойденного образа продукта с семантикой «premium», например:

- 1) “*Uncommonly made, Uncommonly Good*” [Cosmo, 2011. № 2, p. 75].
- 2) “*Unspeakably Good*” [New Idea, 2013. № 8, p. 90].
- 3) “*Jaffa Cakes. Unbelievably delicious*” [Feel Good Food, 2014. № 11, p. 147].

Если рассматривать пути реализации рациональной коммуникативной стратегии, то можно прийти к выводу, что в англоязычных слоганах рекламных сообщений кондитерских изделий употребляют тактику апелляции к здоровому образу жизни, а в русскоязычных слоганах наиболее частотна тактика апелляции к авторитету. Данная особенность, на наш взгляд, является следствием коммуникативной интенции адресанта стимулировать выбор реципиента, опираясь на важнейшие лингвоментальные стереотипы, поскольку именно учет этих ориентиров позволяет спрогнозировать дальнейшее поведение адресата.

- 1) “*Мы делаем вкусные конфеты с 1892 года*” [Наш Малыш, 2014. №2, с. 58].
- 2) “*Качество через века!*» [Наш Малыш, 2011. № 4, с. 72].
- 3) “*Шоколад с теплом традиций*” [Лиза, 2012. № 9, с. 52].
- 4) “*Вдохновение в традициях!*” [Лиза, 2016. № 41, с. 28].
- 5) “*Конфил. Качество, проверенное временем*” [Cosmo, 2011. № 11, с. 116].
- 6) “*Новый вкус традиций*” [Лиза Girl, 2012. № 9, с. 32].
- 7) “*Искусство шоколада с 1845 года*” [Наш Малыш, 2014. № 7, с. 64].

Роль прагматического интенсификатора в данных примерах выполняет существительное «традиция», так как имплицитно выражена семантическая связь между существительным «традиция» и «высокое качество», что и является инструментом аргументации, стимулирующей формирование положительного образа объекта рекламы.

В англоязычных слоганах мы наблюдаем активное использование апелляции к одной из основных потребностей человека как быть здоровым, укрепить жизненные силы.

- 1) *Earth Grains: Discover a Healthier Slice of Life!* [Marie Claire, 2012. № 9, p. 253].
- 2) *Heartier nooks. Healthier grannies!* [Cosmopolitan, 2013. № 11, p. 79].
- 3) *My body, my nutrition, my cookie* [Marie Claire, 2010. № 9, p. 231].
- 4) *For a good life, Have a good bite* [Cosmo, 2011. №1, p. 94].
- 5) *Energy biscuits. Be smart, Eat smart!* [Sunday, 2010. December, p. 26].

Лексические и синтаксические средства выступают инструментами аргументации, влияющие на мнение адресата и стимулирующие формирование положительного образа объекта рекламы.

Проведя анализ коммуникативных стратегий и тактик, мы пришли к заключению, что в слоганах рекламы кондитерских изделий прослеживается тенденция к использованию сходных тактик, что говорит об универсальности прагматической цели и наднациональном характере рекламного дискурса. Однако прослеживается употребление различных для английского и русских языков средств выражения определенных коммуникативных тактик.

Список литературы

1. Джефкинс Ф. Реклама: учеб. пособие для вузов. Под ред. Б.Л. Еремина; пер. с англ. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2002. 543 с.
2. Иссерс О.С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. М.: Издательство ЛКИ, 2008. 288 с.
3. Кафтанджиев Х.М. Тексты печатной рекламы. М.: СМЫСЛ, 1995. 251 с.
4. Клюев Е.В. Речевая коммуникация: успешность речевого взаимодействия. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2002. 314 с.
5. Комарова Е.А. Стратегия и тактика демагогического речевого воздействия в художественной прозе Ф.М. Достоевского («Село Сте-

- панчиково и его обитатели», «Бесы», «Братья Карамазовы»): автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2006. 20 с.
6. Медведева Е.В. Рекламная коммуникация. М.: Едиториал УРСС, 2003. 280 с.
  7. Стрижкова О.В. Специфика реализации коммуникативных стратегий в рекламном дискурсе: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Челябинск, 2012. 29 с.
  8. Уэллс У. Реклама: принципы и практика. СПб.: Питер, 2001. 735 с.
  9. Koekemoer L. Advertising creativity. Marketing Communications. Landsdowne: Juta& Co. Ltd. 2004. 213 p.

References

1. Dzhefkina F. *Reklama* [Advertising]: ucheb. posobie dlya vuzov. Pod red. B.L. Eremina; per. s angl. M.: YuNITI-DANA, 2002. 543 p.
2. Issers O.S. *Kommunikativnye strategii i taktiki russkoj rechi* [Communicative Strategies and Tactics of Russian speech]. M.: Izdatel'stvo LKI, 2008. 288 p.
3. Kaftandzhiev H.M. *Teksty pechatnoj reklamy* [Texts of Print Advertising]. M.: SMYSL, 1995. 251 p.
4. Kljuev E.V. *Rechevaja komunikacija: uspešnost' rechevogo vzaimodejstvija* [Speech Communication: the Success of Speech Interaction]. M.: JuNITI-DANA, 2002. 314 p.
5. Komarova E.A. *Strategija i taktika demagogičeskogo rechevogo vozdejstvija v hudožestvennoj proze F.M.Dostoevskogo («Selo Stepančikovo i ego obitateli», «Besy», «Brat'ja Karamazovy»)* [Strategy and Tactics of Demagogic Speech Influence in the Prose by F.M. Dostoevsky (“The Village of Stepanchikovo and Its Inhabitants”, “Demons”, “The Brothers Karamazov”)]]: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. SPb., 2006. 20 p.
6. Medvedeva E.V. *Reklamnaja komunikacija* [Advertising Communication]. M.: Editorial URSS, 2003. 280 p.
7. Strizhkova O.V. *Specifika realizacii kommunikativnyh strategij v reklamnom diskurse* [Specificity of the Implementation of Communicative Strategies in the Advertising Discourse]: Avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Cheljabinsk, 2012. 29 p.

8. Ujells U. *Reklama: principy i praktika* [Advertising: Principles and Practices]. SPb.: Piter, 2001. 735 p.
9. Koekemoer L. Advertising creativity. Marketing Communications. Landsdowne: Juta& Co. Ltd. 2004. 213 p.

ДАННЫЕ ОБ АВТОРАХ

Стрижкова Ольга Валерьевна, старший преподаватель кафедры иностранных языков, кандидат филологических наук
Оренбургский государственный университет
Проспект Победы, 13, г. Оренбург, Оренбургская область,
460018, Российская Федерация
yanusic79@mail.ru

Стренева Наталья Владимировна, старший преподаватель кафедры иностранных языков, кандидат филологических наук
Оренбургский государственный университет
Проспект Победы, 13, г. Оренбург, Оренбургская область,
460018, Российская Федерация
nstreneva@yandex.ru

DATA ABOUT THE AUTHORS

Strizhkova Olga Valerevna, Senior Lecturer, Department of Foreign Languages, Ph.D. in Philology
Orenburg State University
13, Pobedy ave., Orenburg, Orenburg region, 460018 Russian Federation
yanusic79@mail.ru

Streneva Natalya Vladimirovna, Senior Lecturer, Department of Foreign Languages, Ph.D. in Philology
Orenburg State University
13, Pobedy ave., Orenburg, Orenburg region, 460018 Russian Federation
nstreneva@yandex.ru

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

(<http://soc-journal.ru/submissions.html>)

В журнале публикуются оригинальные статьи на русском и английском языках, содержащие результаты фундаментальных и теоретико-прикладных исследований в области филологии, истории и философии, а также обзорные статьи ведущих специалистов по тематике журнала.

Требования к оформлению статей

Объем рукописи	7–24 страницы формата А4, включая таблицы, иллюстрации, список литературы; для аспирантов и соискателей ученой степени кандидата наук – 7–10.
Поля	все поля – по 20 мм
Шрифт основного текста	Times New Roman
Размер шрифта основного текста	14 пт
Межстрочный интервал	полуторный
Отступ первой строки абзаца	1,25 см
Выравнивание текста	по ширине
Автоматическая расстановка переносов	включена
Нумерация страниц	не ведется
Формулы	в редакторе формул MS Equation 3.0
Рисунки	по тексту
Ссылки на формулу	(1)
Ссылки на литературу	[2, с. 5], цитируемая литература приводится общим списком в конце статьи в порядке упоминания

**ЗАПРЕЩАЕТСЯ ИСПОЛЬЗОВАТЬ
ССЫЛКИ-СНОСКИ ДЛЯ УКАЗАНИЯ
ИСТОЧНИКОВ**

Обязательная структура статьи

УДК

ЗАГЛАВИЕ (на русском языке)

Автор(ы): фамилия и инициалы (на русском языке)

Аннотация (на русском языке)

Ключевые слова: отделяются друг от друга точкой с запятой
(на русском языке)

ЗАГЛАВИЕ (на английском языке)

Автор(ы): фамилия и инициалы (на английском языке)

Аннотация (на английском языке)

Ключевые слова: отделяются друг от друга точкой с запятой
(на английском языке)

Текст статьи (на русском языке)

1. Введение.
2. Цель работы.
3. Материалы и методы исследования.
4. Результаты исследования и их обсуждение.
5. Заключение.
6. Информация о конфликте интересов.
7. Информация о спонсорстве.
8. Благодарности.

Список литературы

Библиографический список по ГОСТ Р 7.05-2008

References

Библиографическое описание согласно требованиям журнала

ДАнные ОБ АВТОРАХ

Фамилия, имя, отчество полностью, должность, ученая степень, ученое звание

Полное название организации – место работы (учебы) в именительном падеже без составных частей названий организаций, полный юридический адрес организации в следующей последовательности: улица, дом, город, индекс, страна (на русском языке)

Электронный адрес

SPIN-код в SCIENCE INDEX:

DATA ABOUT THE AUTHORS

Фамилия, имя, отчество полностью, должность, ученая степень, ученое звание

Полное название организации – место работы (учебы) в именительном падеже без составных частей названий организаций, полный юридический адрес организации в следующей последовательности: дом, улица, город, индекс, страна (на английском языке)

Электронный адрес

AUTHOR GUIDELINES

(<http://soc-journal.ru/submissions.html>)

The journal publishes original articles in Russian and English, containing the results of fundamental and theoretical and applied research in the field of philology, history and philosophy, as well as review articles by leading experts on the subject of the journal.

Requirements for the articles to be published

Volume of the manuscript	7–24 pages A4 format, including tables, figures, references; for post-graduates pursuing degrees of candidate and doctor of sciences – 7–10.
Margins	all margins –20 mm each
Main text font	Times New Roman
Main text size	14 pt
Line spacing	1.5 interval
First line indent	1,25 cm
Text align	justify
Automatic hyphenation	turned on
Page numbering	turned off
Formulas	in formula processor MS Equation 3.0
Figures	in the text
References to a formula	(1)
References to the sources	[2, p. 5], references are given in a single list at the end of the manuscript in the order in which they appear in the text

DO NOT USE FOOTNOTES AS REFERENCES

Article structure requirements

TITLE (in English)

Author(s): surname and initials (in English)

Abstract (in English)

Keywords: separated with semicolon (in English)

Text of the article (in English)

1. Introduction.

2. Objective.

3. Materials and methods.

4. Results of the research and Discussion.

5. Conclusion.

6. Conflict of interest information.

7. Sponsorship information.

8. Acknowledgments.

References

References text type should be Chicago Manual of Style

DATA ABOUT THE AUTHORS

Surname, first name (and patronymic) in full, job title, academic degree, academic title

Full name of the organization – place of employment (or study) without compound parts of the organizations' names, full registered address of the organization in the following sequence: street, building, city, postcode, country

E-mail address

SPIN-code in SCIENCE INDEX:

СОДЕРЖАНИЕ

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

- ГЕНДЕРНАЯ МАСКА АВТОРА В ЯЗЫКЕ:
ГЛАГОЛЬНОЕ ВОПЛОЩЕНИЕ (НА МАТЕРИАЛЕ
ЛЮБОВНЫХ РОМАНОВ Э.Л. ДЖЕЙМС)
Винник Е.И. 14
- ИНТОНАЦИОННО-ВЫРАЗИТЕЛЬНЫЕ
СРЕДСТВА ВОЗДЕЙСТВИЯ НА АДРЕСАТА
В АДВОКАТСКОМ ДИСКУРСЕ
Зарезина С.Н., Мойсеенко А.А. 41
- ЦЕННОСТЬ КАК ФИЛОСОФСКАЯ
И ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ КАТЕГОРИЯ
Кадачиева Х.М., Абдулкадырова А.Б. 54
- ЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ АРГУМЕНТАЦИИ
В ЭКОНОМИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ
Кардович И.К., Коробова Е.В., Зарудная М.В. 69
- НАЦИОНАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ
В БРИТАНСКОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ
Кауфова И.Б., Кауфова Л.А. 86
- ОБРАЗНАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ
ЛЕТНЕГО ВРЕМЕНИ ГОДА В РЕКЛАМНОМ
ТУРИСТИЧЕСКОМ НАРРАТИВЕ
Меньшикова Е.Е. 98
- СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ИМЕН
ЧИСЛИТЕЛЬНЫХ ДАРГИНСКОГО И НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКОВ
Мишаева М.В., Мутаева С.И. 113

АКТУАЛЬНЫЕ ПРИЗНАКИ КОНЦЕПТА GOTT В НЕМЕЦКОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА Морозов Е.А., Уразаева Н.Р.	127
СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ ЭПИСТЕМИЧЕСКОЙ МОДАЛЬНОСТИ В ДИСКУРСИВНОМ ПРОСТРАНСТВЕ БРИТАНСКИХ ТОК-ШОУ Мучкина Е.С., Ботвина П.Е.	147
ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКАЯ КЛАССИФИКАЦИЯ ГЛАГОЛОВ ПОВЕДЕНИЯ В ХАНТЫЙСКОМ ЯЗЫКЕ Нахрачева Г.Л.	162
ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКАЯ СПЕЦИФИКА КОММУНИКАТИВНЫХ СТРАТЕГИЙ И ТАКТИК В ЖАНРЕ ПУБЛИЧНОЙ НАУЧНОЙ ЛЕКЦИИ (НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА) Носова О.Е., Медведева А.В.	179
ФУНКЦИОНАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ СУФФИКСА –AGE В КВЕБЕКСКОМ ВАРИАНТЕ ФРАНЦУЗСКОГО ЯЗЫКА XIX ВЕКА Разумова Л.В.	195
СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ РЕАЛИЗАЦИИ КОММУНИКАТИВНЫХ СТРАТЕГИЙ В РЕКЛАМНЫХ СЛОГАНАХ КОНДИТЕРСКИХ ИЗДЕЛИЙ (НА ПРИМЕРЕ РУССКОЯЗЫЧНОЙ И АНГЛОЯЗЫЧНОЙ РЕКЛАМЫ) Стрижкова О.В., Стренева Н.В.	206
ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ	217

CONTENTS

LANGUAGE STUDIES

AUTHOR'S GENDER MASK IN SPEECH: VERBAL MANIFESTATION (ON THE BASIS OF ROMANCE NOVELS BY E.L. JAMES) Vinnik E.I.	14
EXPRESSIVE INTONATION AS A TOOL OF INFLUENCING THE ADDRESSEE IN ADVOCACY DISCOURSE Zarezina S.N., Moiseenko A.A.	41
VALUE AS A PHILOSOPHIC AND LINGUISTIC CATEGORY Kadachieva Kh.M., Abdulkadyrova A.B.	54
LOGICAL ASPECT OF ARGUMENTATION IN ECONOMIC DISCOURSE Kardovich I.K., Korobova E.V., Zarydnaya M.V.	69
NATIONAL IDENTITY IN BRITISH POLITICAL DISCOURSE Kaufova I.B., Kaufova L.A.	86
FIGURATIVE REPRESENTATION OF THE SUMMER SEASON IN THE ADVERTISING TOURIST NARRATIVE Men'shikova E.E.	98
COMPARATIVE ANALYSIS OF NUMERALS IN THE DARGWA AND GERMAN LANGUAGES Mishayeva M.V., Mutayeva S.I.	113
ACTUAL FEATURES OF THE GOTT CONCEPT IN THE GERMAN LINGUISTIC VIEW OF THE WORLD Morozov E.A., Urazayeva N.R.	127

EPISTEMIC MODAL MARKERS IN BRITISH TALK SHOW DISCOURSE	
Muchkina E.S., Botvina P.E.	147
LEXICAL-SEMANTIC CLASSIFICATION OF VERBS OF BEHAVIOUR IN THE KHANTY LANGUAGE	
Nakhracheva G.L.	162
LINGUOCULTURAL SPECIFICITY OF COMMUNICATIVE STRATEGIES AND TACTICS IN THE GENRE OF SCIENCE PUBLIC LECTURES	
Nosova O.E., Medvedeva A.V.	179
THE SUFFIX -AGE IN THE QUEBEC FRENCH LANGUAGE OF THE NINETEENTH CENTURY	
Razumova L.V.	195
COMPARATIVE ANALYSIS OF IMPLEMENTATION OF COMMUNICATIVE STRATEGIES IN CONFECTIONERY PRODUCTS ADVERTISING SLOGANS (ON THE EXAMPLE OF RUSSIAN AND ENGLISH ADVERTISING)	
Strizhkova O.V., Streneva N.V.	206
RULES FOR AUTHORS	217

Подписано в печать 26.11.2018. Дата выхода в свет 30.11.2018. Формат 60x84/16. Усл. печ. л. 16,10. Тираж 5000 экз. Свободная цена. Заказ SISP1043/018. Отпечатано с готового оригинал-макета в типографии «Издательство «Авторская Мастерская». Адрес типографии: ул. Пресненский Вал, д. 27 стр. 24, г. Москва, 123557 Россия.